

6

2010

РОССИЯ XXI

6.2010 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Правила игры. О морали и цинизме
в политике _____ **6**

Геоглобалистика

Николай Пархитько

Расширение НАТО в 1998–2009 гг.
и курс на универсализацию блока _____ **26**

Россия в мире

Русская Атлантида. Обсуждение
энциклопедии «Общественная мысль
Русского Зарубежья» _____ **40**

Пути духовных исканий

Владимир Мильков

Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца _____ **90**

Европейские параллели

Ив Коэн

Личностное, должностное и партийное «Я». Исследование субъективности и работы над собой в коммунизме и либерализме _ **126**

Актуальный архив

Майя Дворкина, Петр Савельев

«Критическая мысль является в истории революционным фактором» _____ **158**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом.

Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

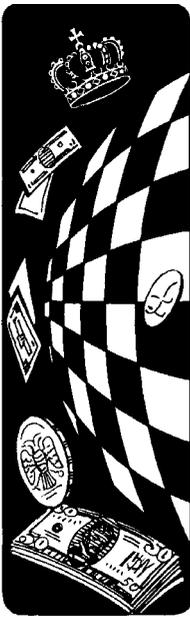
Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителем.

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

РОССИЯ XXI 06. 2010

Сергей Кургинян

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

ПРАВИЛА ИГРЫ

**О МОРАЛИ И ЦИНИЗМЕ
В ПОЛИТИКЕ¹**

УДК
323.2

The old problem of responsibility in politics is discussed in the interview. May politics be cynical? Does the morality have a place in politics? It is impossible to give answers to these questions out of bounds of conceptual and situational context which is preset by geostrategic planning. Finally politics pursued by actors involved in political process does not depend on personal desires of these actors. History and politics exist in dialectical relation of what ought to be and of what the given moment requires. That said it is necessary to keep in mind category “meaning” along with categories “morality” and “cynicism” etc. A responsible politics (as well as history) has to have meaning.

Ключевые слова: мораль; цинизм; Мюнхенский сговор; пакт Риббентропа–Молотова; профессиональная этика.

Key words: morality; cynicism; the Munich collusion; Ribbentrop-Molotov pact; professional ethics.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ По материалам передачи «Осторожно, история». Радиостанция «Эхо Москвы». 3 октября 2010 года. Ведущий В.Дымарский.

В.ДЫМАРСКИЙ: Программа «Осторожно, история» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» и телеканала RTVi и я, ее ведущий, Владимир Дымарский. К сожалению, мой напарник, Владимир Рыжков, сегодня отсутствует, зато у меня сегодня гость, который тоже в одиночестве, но думаю, что своей активностью компенсирует все отсутствия.

С.КУРГИНЯН: Я постараюсь. Он постарается.

В.ДЫМАРСКИЙ: Поскольку вы уже слышите его голос, я сразу его представлю – это Сергей Кургинян, политолог, президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр». «Осторожно, история», как вы знаете, проект совместный – радиостанции «Эхо Москвы», РИА «Новости» и газеты «Известия», поэтому, как любую нашу программу, начинает ее обозреватель РИА «Новости» Петр Романов, который будет говорить о «Мюнхенском сговоре». 72 года назад, 30 сентября 1938 г., четыре руководителя тогдашних европейских стран – Гитлер, Муссолини, Даладьё и Чемберлен – подписали Мюнхенские соглашения, которые вошли в отечественную историю как «Мюнхенский сговор». В западноевропейской, думаю, это звучит по-другому, не думаю, что там есть «сговор». Но это не имеет значения: факт есть факт, соглашения были подписаны.

П.РОМАНОВ: История «Мюнхенского сговора» в нашем проекте «Осторожно, история» возникала неоднократно, что и неудивительно. Любая предвоенная или военная тема взаимоотношений ведущих и малых стран Европы в этот период, последующий пакт Молотова–Риббентропа, да и многое другое, так или иначе связаны с Мюнхеном. Более того, можно утверждать, что именно соглашение, подписанное Германией, Англией, Францией и Италией 30 сентября 1938 г., согласно которому за счет Чехии начался передел границ, установленных Первой мировой войной, стало детонатором и трагедией Второй мировой.

Почему к Мюнхену прилипло неприятное слово «сговор»? Хотя бы потому, что мнением самих чехов, у которых отбирали земли в пользу Германии и отчасти Польши, никто из подписантов, представлявших западную демократию, всерьез не поинтересовался. Давление на Прагу было. Сочувствия – нет.

Лично мне трудно поверить в то, что английский премьер Чемберлен и французский Даладьё искренне верили, что это соглашение несет Европе мир. Скорее, это была последняя попытка заставить Гитлера отвлечься от Запада и повернуть свою армаду на восток. Поэтому

дело не в мире. Так что Черчилль вполне справедливо издевался над мифическим успехом Чемберлена, заявившего, что он привез из Мюнхена мир.

Большая война еще не началась, а отдача немцам Судетской области уже означала, что Лондон дал Гитлеру немалую фору. Достаточно упомянуть, что военная промышленность Чехословакии была одной из самых развитых в Европе. Заводы «Шкода» с момента оккупации Германией и до начала войны с Польшей произвели почти столько же военной продукции, сколько за это же время произвела вся военная промышленность Великобритании. То есть Чемберлен сделал Гитлеру преступно дорогой подарок.

Однако отступим по времени чуть назад. Осуществив в марте 1938 года аншлюс, присоединение Австрии к Германии, Гитлер вскоре начал оказывать давление на Чехословакию с целью добиться от нее передачи Германии Судетской области. Он ясно давал понять, что в случае отказа Чехословакии от решения этой проблемы мирным путем он прибегнет к военным действиям.

Тем не менее здесь было и немало блефа. Во-первых, и сама армия Чехословакии была совсем неплохо вооружена. Но главное – вплоть до Мюнхена – Прага имела соглашение о дружбе и военной помощи с СССР и Францией. Таким образом, если бы Гитлер избрал военный путь решения Судетской проблемы, то имел бы шанс столкнуться не только с самими чехами и словаками, но еще и с Красной Армией и французами. Причем на центральноевропейском театре военных действий, что многое меняет. Да и Великобритания тогда вряд ли бы осталась в стороне.

Конечно, здесь мы вступаем в область неприемлемого для истории сослагательного наклонения, но с чем не поспоришь, так это с тем, что в Мюнхене сражение было проиграно еще до начала боя. И еще: там не просто совершили грубейшую политическую ошибку, Мюнхен подменил один вариант будущего на другой. Ну а чем это закончилось, известно.

В.ДЫМАРСКИЙ: Вот такое вступление в тему. У Петра Романова вообще очень тяжелая роль. Поскольку его комментарий всегда звучит первым, то он сразу вызывает на себя критику – с ним сразу начинают спорить. Мне тоже хотелось бы кое о чем с ним поспорить. Те, кто смотрит Пятый канал и программу «Суд времени», привыкли к тому, что Сергей Кургинян защищает одну из точек зрения именно

по историческим вопросам. Мы, безусловно, поговорим о «Мюнхенском сговоре», но тема у нас сегодня шире и более актуализирована: мы будем говорить о цинизме в политике, или, как ее здесь сформулировали у нас, «Политика – как высшее проявление цинизма». Безусловно, «Мюнхенский сговор» – замечательный исторический факт, замечательный в том смысле, что дает много оснований для обсуждения именно этой темы.

Теперь по поводу спора с Петром Романовым. Петр в одном из мест своего комментария говорит, что вряд ли Даладье и Чемберлен действительно считали, что привезли мир – известная фраза Чемберлена. И исходя из моего несогласия с Петром Романовым, на мой вопрос сидевший здесь английский социолог Теодор Шанин, когда мы говорили, в том числе о «Мюнхенском сговоре», осудив, безусловно, соглашения, ответил, что Чемберлен совершил политическую ошибку, безусловно. Но искренне ее совершил – он искренне думал и считал, что добивается мира. В связи с этим вопрос – где та грань между политическим цинизмом, которым, безусловно, отдает «Мюнхенский сговор», и политической ошибкой? И нужно ли нам видеть эту грань?

С.КУРГИНЯН: Первое, что здесь хочется сказать: может быть, Чемберлен лично так и считал – я не буду спорить с Шаниным, – что он везет мир, – тут надо знать глубоко личность Чемберлена. Но там были другие люди – Хорт, Галифакс, целая команда. И для этой команды вопрос стоял просто: нужно найти какое-то решение для Европы, в котором СССР не участвует. И пусть этим решением лучше будет договоренность с Гитлером, чем какое-то участие СССР в европейских делах, – это было твердое представление вообще консервативных кругов в Великобритании, в частности консервативных кругов, которые делали ставку на англо-германский союз. Поэтому вопрос о том, что эти круги хотели с помощью Мюнхенского соглашения добиться англо-германского союза, ясен. Тем более что два года назад служба внешней разведки (СВР) опубликовала конкретные документы – не шифротелеграммы своих резидентов, а добытые тогда документы. Сталин, кстати, не очень любил аналитику, он любил, когда ему кладут документ. И он сам над ним думает. Документов очень много, и они твердо говорят о том, что попытка осуществить этот самый договор с тем, чтобы добиться глубокого англо-германского союза, была, что это два столпа борьбы против большевизма и так далее. И что заплатить Чехословакией за то, чтобы добиться этого глубокого англо-германского союза, – такая идея

у британских консервативных кругов, которые влияли на Чемберлена и которые практически строили политику, была. Это первое.

Второе – из того, что сейчас обнаруживает Мюнхенский процесс и о чем раньше невозможно было говорить (это такие парадоксальные запреты советской эпохи), это позиция Польши. Польша готова была в случае, если Советская Армия будет наступать и защищать Чехословакию, а Советская Армия действительно готовилась наступать и защищать...

В.ДЫМАРСКИЙ: Есть документы, которые это опровергают.

С.КУРГИНЯН: А есть документы, которые это подтверждают. В них и то и другое. Известно, что между Чехословакией и СССР шли переговоры. Польша готовилась ударить во фланг Красной Армии в любом случае. Польша явно участвовала в разделе Чехословакии, как, кстати, и Венгрия. Через год Польша будет генерал-губернаторством, но она еще делит Чехословакию, и участвует в качестве союзника в гитлеровских делах, и обещает Гитлеру поддержку в случае, если Советская Армия будет двигаться на поддержку Чехословакии. Это безусловный процесс.

И о нем нельзя было говорить в советскую эпоху, потому что это называлось разрушать братство союзников по СЭВ. Теперь, в конечном итоге, настало время об этом говорить, ибо это сильно проблематизирует такую безупречность польских одежд во всем, что касается пакта Молотова–Риббентропа, раздела Польши и так далее.

В.ДЫМАРСКИЙ: Я этого ждал. Поскольку у нас разговор о цинизме, политике и морали, я ждал, когда возникнет пакт Молотова–Риббентропа. У меня такое ощущение, что наши историки, политологи, говоря о том периоде, как бы одним цинизмом пытаются оправдать другой цинизм. То есть, когда возникает пакт Молотова–Риббентропа, тут же говорят – а вот вы посмотрите, что вы сделали. То есть очень относительная мораль: если вы поступили аморально, то и мы имеем право поступить аморально. А я хочу говорить сегодня немножко шире – вообще о морали в политике. Может быть, не надо поступать так же аморально, как поступили ваши то ли партнеры, то ли конкуренты, то ли противники?

С.КУРГИНЯН: Для того чтобы понимать меру моральности в политике... Мне тут близко высказывание Томаса Манна, который в статье «Культура и политика» писал, что политику часто называют искусством возможного, и она действительно является посредником между

нравственностью и властью, в ней есть некий баланс, середина, она балансирует – в этом смысле она не цинична, а реалистична. Она не имеет права быть идеалистичной, она должна быть реалистичной, для нее должна существовать реальность. А имеет ли она право быть циничной – это отдельный вопрос. В этом смысле всегда невероятно важно, кто первым задал правила игры, каковы были правила игры, заданные в этом пространстве. Потому что все остальные в конечном итоге начинают включаться в эти правила игры. Как они могут не участвовать в предложенных правилах игры? Тогда они уже не реалисты, они идеалисты. Они говорят: весь взвод идет не в ногу, один г-н прапорщик идет в ногу.

Понятие «все», задание мейнстрима и правил игры суть часть реализма. В этом смысле есть одна вещь, которая бесспорна: Мюнхенский процесс, сговор он или не сговор, происходил раньше, чем процесс по пакту Молотова–Риббентропа. В этом процессе участвовала Польша, а также Венгрия и много еще кто. Он происходил в тот момент, когда СССР был еще полностью готов оказать поддержку Чехословакии и включиться в этот альянс держав. СССР в этот альянс не включили – в любом случае в Мюнхен нас не пустили и никакого соглашения с участием СССР не предполагалось.

После этого СССР еще мечтал задействовать те механизмы коллективной безопасности, которые существовали: как мы знаем, приезжала группа советников из стран Антанты, их спрашивали, какие у вас возможности, они там предъявляли какие-то недостаточные полномочия, чтобы обсуждать, с ними все равно что-то обсуждали.

В.ДЫМАРСКИЙ: Это уже 1939 год.

С.КУРГИНЯН: Да. Рано или поздно стало ясно, что либо удастся повернуть Гитлера на запад, либо Гитлера повернут на восток – третье не дано.

В.ДЫМАРСКИЙ: Но он повернул в обе стороны.

С.КУРГИНЯН: Нет. Его вначале повернули на запад, и повернули круто. Вопрос о том, как именно повела себя Франция в этом процессе, это очень сложный, деликатный вопрос. Сколько там было дивизий? 100? Это была очень сильная армия. Что она технически может сдать за такой период времени, что ее можно разгромить – никто об этом не думал, и все понимали, что эта армия просто не захотела воевать. После Первой мировой войны, когда Франция понесла большие потери, она к второй войне не была готова.

В.ДЫМАРСКИЙ: Она была победителем.

С.КУРГИНЯН: Да, в Первой. Но она понесла огромные потери, и под Верденом, и во второй битве при Ипре. Второй раз на это французы не хотели идти, они практически – как бы поделикатнее выразиться – не сопротивлялись. «Ты знаешь, Ариадна, – сказал Тессей (это у Борхеса), – Минотавр почти не сопротивлялся». Так вот, Минотавр почти не сопротивлялся – это будет наиболее точно.

Дальше Гитлер двинулся в Англию и там уже так завис, что сменились правительства, что возникла совершенно новая конфигурация и что ни для французов, ни особенно для англичан не возникло никакой возможности заключать договор с Гитлером. Нападение после этого Гитлера на СССР означало наш договор с Западом.

Между прочим, никто, и американцы в том числе, не хотят особенно обсуждать роль президента Рузвельта. А Рузвельт был весьма лоялен по отношению к тому, что случилось в Мюнхене. Значит, в этом смысле все-таки хотелось бы утвердить одно: сначала был Мюнхен, потом был пакт Молотова–Риббентропа. И это «сначала» и «потом» имеет значение в политике.

В.ДЫМАРСКИЙ: А в морали?

С.КУРГИНЯН: В морали возникает следующее: если я вдруг понимаю, что нахожусь в окружении карточных игроков, которые блефуют, имею ли я право блефовать? Это серьезный вопрос. И я отвечаю для себя, что в политике тот, кто обнаружил себя в компании людей, ведущих себя определенным образом, делает попытку убедить этих людей, что так себя нельзя вести, и убеждается, что они ведут себя именно так, – имеет право вести себя по тем же правилам, по которым ведут себя эти люди. Он не может сделать ничего другого, политик не может вдруг стать идеалистом в момент, когда все вокруг играют по другим правилам. Он может только сыграть за себя по тем правилам, по которым играют все. Либо он должен изменить правила, но, если их нельзя изменить, он должен играть по ним в своих интересах. В этом смысле он реалист. Называется ли это цинизмом?

В.ДЫМАРСКИЙ: Это вы задаете вопрос?

С.КУРГИНЯН: Для меня это не цинизм. Для меня это реализм. Тот момент, когда человек понимает, что вокруг него происходит нечто, – реальный мир таков.

В.ДЫМАРСКИЙ: Но если мы к истории обратимся, то она началась тоже не в сентябре 1938 года, я имею в виду к истории после Пер-

вой мировой войны. Был и 17-й год, и был Коминтерн, и было много чего. И тогда любой политик, которого вы обвиняете в цинизме, может сказать: вы посмотрите, в каком окружении я действую; здесь коммунисты, которые объявляют мировую революцию, которые хотят все захватить, и так далее.

С.КУРГИНЯН: Это его право. Политики должны были для себя опделить один простой вопрос.

В.ДЫМАРСКИЙ: Но мораль не может быть национальной?

С.КУРГИНЯН: Нет. Политики должны были найти для себя ответ на один вопрос: есть ли равенство между коммунизмом и фашизмом и с кем надо договариваться, как на идеальных основаниях, так и нет? Говорят, что практики в чем-то похожи – многие практики похожи, но совершенно ясно, что коммунизм был частью европейской идеологии, продолжением идей Французской революции, их развитием, а Гитлер был отрицанием всего гуманистического устройства мира, фундаментальным отрицанием всех принципов гуманизма и прогресса. Если коммунисты были частью модерна, то Гитлер был фундаментальный контрмодерн, новое средневековье, фашизм был совсем другой.

В.ДЫМАРСКИЙ: То есть надо было из двух зол выбирать.

С.КУРГИНЯН: Из этих вещей, из этих лежащих карт, они выбрали в 1938 году Гитлера – вот о чем говорит Петр Романов; здесь я с ним согласен – они выбрали Гитлера.

В.ДЫМАРСКИЙ: Я тоже согласен, что они выбрали Гитлера. Я не согласен с другим – мне интересны намерения: выбирая Гитлера и подписывая это соглашение, чем они руководствовались? Они руководствовались все-таки политическим цинизмом, или реально думали, что хотят мира, или они ошиблись?

С.КУРГИНЯН: Третий вариант – не было цинизма и не было мира. Они руководствовались своей моделью, согласно которой им с помощью этого решения, – это мое мнение, – удастся повернуть Гитлера на восток. И, между прочим, в тексте, который мы слышали, эта мысль прозвучала.

В.ДЫМАРСКИЙ: Прозвучала, безусловно.

С.КУРГИНЯН: Повернуть на восток. Они не смогли этого сделать.

В.ДЫМАРСКИЙ: До перерыва я бы предложил послушать результаты опроса, который провел портал «СуперДжоб» – люди отвечали на вопрос о цинизме политиков.

Я.ШИРОКОВ: «Нециничных политиков не существует», – так считает большинство участников опроса на сайте «СуперДжоб» – 52%. 29% ответили, что такие политики все-таки есть. Еще 19% опрошенных с ответом затруднились. «Добравшись до верха, невозможно не оставаться нециничным», – менеджер по продажам из Тольятти. Эту мысль продолжает руководитель «ИТ» из Петербурга: «Само качество циничности заложено в природе этого вида деятельности. Одно без другого нежизнеспособно». Жительница Москвы считает, что «политик политику рознь, были в годах 90-х – сейчас, думаю, нет». «Политика – это цинизм, но преграда этому – регулярная смена власти», – stolичный руководитель департамента продаж.

Тех, кто выбрал вариант ответа «не существует», большинство. Комментарии их аргументированны и убедительны. Их оппоненты пишут о том, что нециничные политики существуют, но только в начале их, политиков, карьеры. «Есть, но только в самом начале, до тех пор, пока не почувствуют в своих руках мощь власти», – системный администратор из Сургута.

С.КУРГИНЯН: Я абсолютно не согласен здесь с большинством.

В.ДЫМАРСКИЙ: А большинство говорит, что не бывает. А вы считаете, что бывает?

С.КУРГИНЯН: Я считаю, что бывает.

В.ДЫМАРСКИЙ: Между прочим, 29% считают, что бывает. Вы не согласны с большинством, а я удивлен, что так много людей – 29% – считают, что бывает.

С.КУРГИНЯН: Мне кажется, что это все неопределенные термины. Когда люди говорят про цинизм, что они имеют в виду? Циничный политик – это политик, который уничтожает государство, уничтожает собственную команду, уничтожает все. Это политик абсолютно губительный. Другое дело, что идеалистичный, романтический политик намного хуже. Единственный политик, который может быть, реалистичный. Поскольку слово «реалистичный» не введено, то это очень серьезный вопрос.

В.ДЫМАРСКИЙ: Об этом мы подробнее поговорим после небольшого перерыва.

В.ДЫМАРСКИЙ: Продолжаем программу. В гостях у нас сегодня Сергей Кургинян и говорим мы о морали в политике. В первой части мы говорили больше об истории, – не договорились.

С.КУРГИНЯН: Возможно.

В.ДЫМАРСКИЙ: Вообще в нашем обществе договориться тяжело.

С.КУРГИНЯН: Может быть, за час трудно. Надо 20 людей собрать на четыре ночи подряд, поставить чашки чая, как когда-то было на квартирах в 60–70-е годы, – спорьте.

В.ДЫМАРСКИЙ: Как избирают Папу Римского? Запирают. И пока не договорятся, не открывают.

С.КУРГИНЯН: Это идея. «Дети, не тыкайте пальцами в розетку», – сказала мама, уходя на работу. – «Это идея», – сказали дети.

В.ДЫМАРСКИЙ: Все-таки актуализируем наш разговор. Вы сказали, что надо договориться о терминах. Давайте договоримся о терминах, когда мы говорим о цинизме, моральности – что это такое? Я для себя определяю, не знаю, насколько точно и полно, – это соотношение цели и средств. Если цель оправдывает средства, то в этом уже заложена некая аморальность, если хотите, безнравственность. Согласны?

С.КУРГИНЯН: Не вполне. Наверное, абсолютная мораль – вообще вопрос о цели. Какая цель? В истории все бывает не так, бывает, что возникает либо «А», либо «Б», ты можешь поступить либо так, либо этак. Когда не поступаешь, тоже поступаешь. Поэтому каждый твой вариант приводит к жертвам, разного рода гадостям – в политике. Когда ты выбираешь один из трех вариантов, это не так, что один вариант хороший и в нем нет жертв, а этот вариант плохой, ты в нем реализуешь цель, но получаются жертвы. Обычно бывает так: этот вариант приводит к одним жертвам, этот – к другим, этот – к третьим. Неосуществление тобой крупных стратегических целей приводит тоже к жертвам – либо это жертвы Великой Отечественной войны, либо это жертвы гитлеровского геноцида. Но жертвы есть. Нет жертв в войне, есть жертвы геноцида. Поэтому сказать – цель оправдывает средства, победа оправдывает гибель любого количества людей – неправда, нет. Просто поражение приводит к гибели еще большего количества людей. Вот здесь возникает реализм истории.

В.ДЫМАРСКИЙ: Не обязательно.

С.КУРГИНЯН: Очень часто.

В.ДЫМАРСКИЙ: Не хочется опять обращаться к истории, но тем не менее: 1940-й год, Франция, – поражение, которое не привело к гибели людей.

С.КУРГИНЯН: На том этапе. А что было бы дальше и каковы были реальные планы Гитлера с его идеей власти над Европой – он о них писал.

В.ДЫМАРСКИЙ: Кстати, была власть Гитлера над Францией четыре года.

С.КУРГИНЯН: Дальше возникает простой вопрос – сам принцип избегания жертв. Является ли он историческим и отвечает ли он религиозным представлениям?

В.ДЫМАРСКИЙ: Принципам морали.

С.КУРГИНЯН: Принципам морали. Потому что не на избегании жертвы, а на том, чтобы жертва была принята, держится христианская история. «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси». Но чаша не была пронесена мимо. В понятие жертвы входит наш культурно-исторический код – мы не можем избежать понятия жертвы.

В.ДЫМАРСКИЙ: Со стороны жертвы никаких аморальных действий совершено не было. Но со стороны убийцы...

С.КУРГИНЯН: Нет, там вопрос не в этом. Вот идет война. Вы спрашиваете, что лучше – проиграть и сохранить население или выиграть, но... Во-первых, спросите население, – оно хочет жить в порабощенном состоянии?

В.ДЫМАРСКИЙ: А можно об этом спросить население? Вы хотите сказать, что это решается голосованием?

С.КУРГИНЯН: Сейчас скажу. Предположим, Армения – маленькое государство эпохи Вардананка и средневековых войн, что там было? Войны за веру. Армянский народ не хотел принимать персидскую или потом мусульманскую веру – он боролся за христианскую веру. Он приносил гигантские жертвы на этот алтарь, вел соответствующие войны, сражаясь с державами, гораздо более мощными, чем он. Он хотел быть. Он приносил жертвы для того, чтобы быть народом. Потому что в тот момент быть народом и иметь одну религию, было одно и то же. В конечном итоге, еврейский народ принес гигантские жертвы за то, чтобы исповедовать иудаизм.

Надо ли говорить, что на алтарь православия в России принесены были огромные жертвы. Но их приносил народ, потому что не хотел терять веру, не хотел терять идентичность. Он хотел продолжать быть и за это платил. Существование государства – вещь дорогая, за это надо платить. Это народ, который несет на своих плечах крест жертвы или, как говорил Мирча Элиаде, «крест истории».

Можно ли сбросить «крест истории»? Можно – перестав быть народом, растворившись в других, отдав себя на милость победителя, ассимилировавшись. Должны ли мы считать, что такое поведение есть пове-

дение оптимальное? Имеем ли мы право сказать, что борьба, пусть и с гигантскими жертвами, есть лучшее, чем...

В.ДЫМАРСКИЙ: Есть более общий вопрос – имеем ли мы вообще право?..

С.КУРГИНЯН: Свобода и рабство. Например, у эллина было одно оправдание тому, что он находится в рабстве, – это возможность бегства. Он не может жить в рабстве. «По-эллински» – это значит свобода. Но он мог бежать. А в Японии бесчестье не оправдывалось ничем, оно предполагало смерть.

В.ДЫМАРСКИЙ: Вы не согласились с большинством опрошенных порталом «СуперДжоб», а большинство сказала, что нециничных политиков не существует. Вы говорите, что есть. Из этого нетрудно сделать вывод, что вы считаете, что есть и нециничная политика.

С.КУРГИНЯН: Циничная политика губительна абсолютно. По большому счету может быть только нециничная политика. Только!

В.ДЫМАРСКИЙ: Назовите мне примеры – хотя бы в России – в XX, XXI веке – была ли нециничная власть?

С.КУРГИНЯН: Что такое цинизм? – это безумно важно. Цинизм предполагает, что нет никаких целей, кроме как любить себя самого, любимого. А для того, чтобы себя самого, любимого, холить и лелеять, доступны любые средства.

В.ДЫМАРСКИЙ: Почти согласен.

С.КУРГИНЯН: Есть только сам любимый, любимое кресло, любимые телеса, любимая физиономия и все остальное любимое, – ничего больше в мире нет. А для того, чтобы это удержать, доступны любые средства. В этом смысле я считаю, что очень долго в России так не было. Самые страшные русские цари или диктаторы в советскую эпоху имели цели, имели что-то, кроме себя, они гибли на работе, они что-то там создавали, творя одновременно и великие исторические деяния, и злодеяния. Для того, чтобы сидеть в кресле, потешаться самому и потешать других, Петру Первому не надо было ломиться в морозы, стужу, в дождь, надрываться под грузом гигантской работы, гнать других и себя на самоотверженные действия; гораздо легче было сидеть и развлекаться. «На то и власть, чтобы пожить властью» – вот что такое цинизм. Вот это желание «пожить властью» и властвовать только для этого – это не есть норма для России.

В.ДЫМАРСКИЙ: Да. Но насилие как таковое, в любом его проявлении, это уже некое нарушение принципов морали.

С.КУРГИНЯН: Да, но не всякое нарушение принципов морали есть цинизм.

В.ДЫМАРСКИЙ: То есть вы разводите два понятия: мораль, аморальность – и цинизм.

С.КУРГИНЯН: То, что абсолютные нормы морали недопустимы в политике, что политика всегда реальность с этой моралью как-то соотносит, это безусловно. Но цинизм – это когда никого, кроме тебя, всем хорошо, чтобы ты был, все нужно для твоего процветания, и ничего больше нет. И русские цари-диктаторы какими-то странными чувствами любили державу, к каким-то историческим целям шли. Как они их понимали, правильно ли понимали, какие жертвы они приносили на этом пути – это другой разговор. Но в этом смысле они не были людьми абсолютной морали, они были людьми насилия и всего, чего угодно, но они не были циниками. Циник – это совершенно другое.

Теперь представим себе, что на пост главы государства или вообще в политику попал циник. Вот это страшный вирус. Цинизм – это вирус, который разлагает государство, и немедленно.

В.ДЫМАРСКИЙ: Разлагает государство или общество?

С.КУРГИНЯН: Государство и общество – все. Там все оказывается разложено. Это страшное заболевание. Начнем с простейшего – вообще невозможно удерживать власть с помощью цинизма, потому что с помощью цинизма нельзя создать никакую социальную группу.

В.ДЫМАРСКИЙ: Почему? Я смотрю за окно – извините, эту нынешнюю власть можно любить, можно не любить, как и предыдущую, как и власть в других странах, но назвать ее высоко нравственной нельзя.

С.КУРГИНЯН: Я не спорю об этом абсолютно.

В.ДЫМАРСКИЙ: Легко удерживают власть с помощью достаточно циничных приемов.

С.КУРГИНЯН: О-ля-ля, легко ли и удерживают ли?

В.ДЫМАРСКИЙ: Давайте возьмем самый последний пример, нашего мэра московского – легко.

С.КУРГИНЯН: Пожалуйста. Этот пример или любой другой предыдущий. Прежде всего, о чем я говорю? Происходит деструкция, диссоциация социального субъекта. Самого субъекта власти. Власть никто не выдерживает в одиночку. Власть – это не одно лицо, это команда.

В.ДЫМАРСКИЙ: Институт.

С.КУРГИНЯН: Институт, структура, социальная группа, корпорация – назовите как угодно. Но, как только цинизм туда проникает, происходит диссоциация этого субъекта. Субъект распадается. Гораздо раньше, чем началось то, что началось, начались конфликты пресловутого чекистского сообщества. А почему они начались? Для того, чтобы удерживать это чекистское сообщество или любой другой социальный субъект – орден, клан, банду, – для того, чтобы это все удерживать, нужны ценности, нужна способность чем-то жертвовать, нужны коды, создающие социальное поведение, – это несовместимо с цинизмом.

Как только в банду проник циник, банда рушится. Как только кто угодно проник в корпорацию, в орден – нет ордена. В Церковь – нет Церкви.

В.ДЫМАРСКИЙ: То есть проник не обязательно аморальный человек.

С.КУРГИНЯН: Циник.

В.ДЫМАРСКИЙ: Или человек, может быть, с другими взглядами, который разрушает идейную...

С.КУРГИНЯН: Нет, циник, которому все это по барабану, который не исповедует этих ценностей.

В.ДЫМАРСКИЙ: Ну да, он разрушает идейную целостность.

С.КУРГИНЯН: Да. Вот все держится на коммунистической идеологии. И проник человек, которому она «бара-бир», – он начнет разлагать это.

В.ДЫМАРСКИЙ: Вы имеете в виду Горбачева?

С.КУРГИНЯН: Ну да, конечно. Он же сам сказал об этом. По крайней мере, он не опроверг того, что сказал, это чуть ли не смыслом его жизни было.

В.ДЫМАРСКИЙ: То есть вы хотите сказать, что проникновение Медведева – если говорить о сегодняшнем дне – в верхи власти, разрушает эту власть?

С.КУРГИНЯН: Нет. До сих пор многое говорило о том, что наоборот... в нем есть какая-то страсть по какой-то модернизации, по трансформации страны, а у Путина есть страсть по стабилизации. И тогда задаваемые ими проекты, обладающие ценностным смыслом, – стабилизация, великая держава, модернизация – эти проекты в состоянии удерживать социальный субъект. Если сам Медведев в это верит или Путин – в другое, и их команды в это верят. До тех пор, пока они в это верят и используют, как всегда в политике, и аморальные и моральные –

любые средства, но они в это верят и идут к этой цели, – это живая политика. Но, как только оказывается, что единственное желание – это увидеть себя, любимого, в кресле как можно дольше и как можно в более комфортном виде, рухнут все: Путин, Медведев, Лужков – кто бы ни был. Начнется немедленное рассыпание власти, это нельзя длить долго. Потому что, как только кто-то, сидящий на первом кресле, хочет для себя, любимого, только кайфа, все остальные тоже его хотят.

В.ДЫМАРСКИЙ: Согласны ли вы с тем, что в политике существует некая профессиональная этика политика?

С.КУРГИНЯН: Да.

В.ДЫМАРСКИЙ: Если существует некая профессиональная этика, то она отличается от общечеловеческой? Профессиональная этика каменщика, журналиста, режиссера...

С.КУРГИНЯН: Но все они держатся на этике.

В.ДЫМАРСКИЙ: Когда мы говорим профессиональная этика политика, то мы допускаем некие отклонения от общечеловеческой этики?

С.КУРГИНЯН: Да. Как говорил Станиславский: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве», так и здесь нужно говорить: люби державу в себе, а не себя в державе. Для политика профессиональная этика – это служение, служение государству, народу, истории, смыслу, целеполаганию. Царская идея. У Ибсена была такая великая пьеса «Борьба за престол» – «королевская идея». Вот есть эта «королевская идея». Насколько она созвучна твоему народу, насколько отвечает твоему времени, в какой степени ты с ним един, в какой степени твоя мечта сливается с мечтой народа и вы идете вместе – вот это определяет политика. Если у политика нет смысла, нет цели, нет идеи и если в конечном итоге вдруг выясняется, что он любит себя, а народ для него есть средство самовыражения, этот политик губит страну, команду, все на свете и себя тоже – он рушится в небытие, исчезает.

В.ДЫМАРСКИЙ: Понятно. Проведем голосование. Вопрос: что для вас важнее в действиях власти – эффективность или нравственность? Вы сами понимаете, что это вещи далеко не всегда совпадающие. Если важнее эффективность – 660-06-64, нравственность – 660-06-65. Запускаем голосование. А пока я задам Сергею вопрос. Вы говорите: служение государству, стране, народу. Вы допускаете такую ситуацию – с точки зрения морали, – что служение национальным интересам аморально, поскольку это нарушает некие принципы – христианские, если хотите, – по отношению к другим народам? Если национальные интере-

сы моей страны, за которые я выступаю, вступают в противоречие и нарушают права, национальные интересы, жизненные ценности какiego соседнего народа, что делать в этой ситуации, ситуации морального выбора, если хотите?

С.КУРГИНЯН: Политика – это и есть искусство возможного – ты всегда балансируешь здесь. Можно сказать: мои интересы требуют уничтожения целых народов, но это является абсолютно недопустимым. Более того, уничтожив эти народы, можно породить издержки для своего народа гораздо большие, чем договорившись с этим народом.

В.ДЫМАРСКИЙ: А еще можно уничтожить собственный народ.

С.КУРГИНЯН: Можно уничтожить собственный народ и говорить при этом, что это ты делаешь ради чего-то, но это входит в глубокое противоречие с существованием народа – народ исчезает. Можно проводить жестокие действия, но эти жестокие действия окажутся эффективными, можно проводить такие действия, которые окажутся и жестокими, и неэффективными, а можно проводить действия, которые вроде бы являются эффективными, но являются настолько чудовищно-аморальными, что они вдруг превращаются в неэффективные. Поэтому между нравственностью и эффективностью нет альтернативы. Нравственность – это уроки, данные человечеству по поводу того, как надо жить, чтобы не уничтожать самих себя.

В.ДЫМАРСКИЙ: Вот этим заявлением, тов. Кургинян, вы оправдываете в том числе и позицию большевиков, которые, например, говорили о «революционной целесообразности». Таким образом соединялась нравственность и эффективность.

С.КУРГИНЯН: Но разве только они говорили об этом?

В.ДЫМАРСКИЙ: Не только они. Но нас волнует наша страна.

С.КУРГИНЯН: Речь идет не о «революционной» целесообразности – «историческая целесообразность» существует? Ведь абсолютизация нравственности так же, как ее уничтожение – элиминация, – приводит одинаково к тому, что нет истории. Истории как таковой. История без нравственности не существует, и не существует в абсолютной нравственности. Она существует в сложнейшей диалектике возможного и требуемого. Человечество выходит из inferно, оно выходит наверх, двигается по некоей лестнице. Если оно перестанет двигаться, начнет падать вниз. Каждое его движение наверх чем-то оплачено.

В.ДЫМАРСКИЙ: Но и политика, и мораль являются регуляторами.

С.КУРГИНЯН: Конечно, мораль является регулятором. Есть и политическая мораль, которая тоже что-то регулирует.

В.ДЫМАРСКИЙ: Но это разные регуляторы, это не одно и то же.

С.КУРГИНЯН: Поэтому когда политик уничтожает соседний народ, то чаще всего это значит, что это тупой политик или политик, не видящий решений.

В.ДЫМАРСКИЙ: Удивительные результаты нашего голосования. Верите ли Вы теперь тем людям, которые голосуют? 15,3% сказали, что для них важнее эффективность, и 84,7% говорят, что для них важнее нравственность.

С.КУРГИНЯН: Правильно они говорят.

В.ДЫМАРСКИЙ: Правильно. Но я им не верю. Потому что, думаю, если каждого из них спросить и дать конкретный пример, даже из нашей текущей политики, то они проголосуют, если хотите, в пользу эффективности. Потому что каждый требует от политики, от власти эффективности для себя: зарплаты, чего-то еще.

С.КУРГИНЯН: Мы обсуждаем сейчас один из мучительнейших вопросов человечества. Вопрос, по поводу которого человечество кричит от боли тысячелетиями, вопрос о смысле своей истории, истории вообще. Потому что проще всего морализировать по поводу истории. И не большевиками же были выдуманы слова: «История – не тротуар Невского проспекта», «нельзя делать историю в белых перчатках».

В.ДЫМАРСКИЙ: Безусловно. Вообще слово «компромисс» к морали неприемлемо.

С.КУРГИНЯН: А без морали оно вообще не существует. Вот эта история – череда ужасов и безобразий – в ней есть смысл? Если в ней есть смысл, то он продирается каким-то способом через весь этот ужас. И как только мы из всего исторического берем только этот ужас и элиминируем смысл, мы уничтожаем историю.

В.ДЫМАРСКИЙ: Поскольку мы все эти сложнейшие вопросы не решим в программе (мы лишь ставим эти вопросы и даем нашей аудитории возможность задуматься над ними), хочу задать еще один вопрос. В том, что мы сегодня затрагиваем, есть еще одна, страшная, на мой взгляд, проблема современного мира – столкновение разных моралей. На поверхности – христианские моральные ценности и те же исламские, – на чем замешан, в том числе, терроризм и так далее. Как выходить из этой ситуации?

С.КУРГИНЯН: А я хотел бы договорить о Лужкове, а то мы начали разговор о нем и сразу закончили.

В.ДЫМАРСКИЙ: Хорошо, о Лужкове.

С.КУРГИНЯН: Цинизм порождает небрежность. Все, что было сделано с Лужковым, было сделано чудовищно небрежно и неряшливо. Вся эта информационная кампания, всякое затыкание рта по поводу информационной кампании, все эти технологии породили чудовищные издержки, и они показывают то, что, как только ты начинаешь действовать цинично и тебе кажется, что неважно, как действовать, что все всё проглотят, начинается саморазрушение. Так действовать нельзя. Даже если издержек сегодня не будет или кому-то покажется, что их нет, они будут завтра. Самое страшное, что порождает цинизм, – неряшливость, небрежность, безразличие к средствам: зачем мне думать об издержках, если все равно все всё схавают. Это чудовищное заблуждение, так действовать нельзя. И именно когда я говорю о том, что цинизм недопустим, я имею в виду именно это. И таких примеров много.

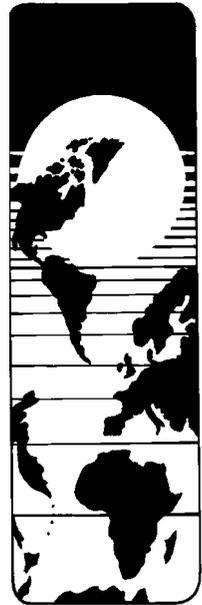
В.ДЫМАРСКИЙ: А о столкновении различных цивилизаций...

С.КУРГИНЯН: Мы поговорим в передаче о Хантингтоне.

В.ДЫМАРСКИЙ: Всего доброго, до встречи через неделю, это была программа «Осторожно, история».

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

РОССИЯ XXI 06. 2010

Николай Пархитько

**РАСШИРЕНИЕ НАТО
В 1998–2009 ГОДЫ
И КУРС
НА УНИВЕРСАЛИЗАЦИЮ
БЛОКА**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.51

The article is devoted to the crucial problem of modern international relations like NATO-enlargement to the East in the last 10 years. Firstly, the short pre-history of the NATO-transformation that brought to the non-stop enlargement is given, then the enlargement process is characterized both in military and political aspects. It is being explored from inside not only as geographical, but also as institutional enlargement and enlargement of missions. The article is focused on the changing role of NATO, which is reflected in the military actions of the alliance outside its juristic borders without taking the UN Security Council's resolutions into consideration.

Ключевые слова: НАТО; саммит НАТО; стратегическая концепция; расширение; международная политика; Вашингтонский договор; ОБСЕ; ООН; Югославия; национальная безопасность.

Key words: NATO; summit; strategic concept; enlargement; international politics, the Washington treaty; OSCE; UNO; Yugoslavia; national security.

E-mail: Scharnchorst@mail.ru

Поворот советской внешней политики на 180 градусов после прихода к власти в СССР М.С.Горбачева, развитие системы соглашений по контролю над вооружениями, а затем и исчезновение одного из полюсов биполярной системы мира привели к тому, что исходная миссия НАТО, зафиксированная в Вашингтонском договоре 1949 г., – коллективная защита от внешней угрозы – перестала оправдывать существование альянса. НАТО все больше рассматривалась как инструмент поддержания американского военного присутствия в Европе, необходимость которого подвергалась сомнению влиятельными политическими силами во Франции, Германии, Италии и даже США¹.

В начале 1990-х годов усилия Франции по формированию западноевропейской оборонной идентичности на основе Западноевропейского союза (ЗЕС) и франко-германского военного корпуса, казалось, создавали реальную альтернативу НАТО². Одновременно Париж и ряд других столиц стран-членов НАТО настаивали на назначении представителя группы средиземноморских стран командующим южным флангом вооруженных сил альянса вместо американца. Неспособность администрации Дж.Буша-ст. предложить новую стратегию развития альянса ослабляла ее авторитет в Североатлантическом совете, в котором складывалось неблагоприятное для Вашингтона и Лондона соотношение сил. Создавалось впечатление, что НАТО как бюрократический институт и сообщество военно-политических элит оказалась под угрозой тихого отмирания или распада.

В этой обстановке нестабильность постсоветского пространства и стремление проамерикански настроенных правительств Центральной и Восточной Европы к вступлению в альянс давали сторонникам сохранения военного присутствия США в Европе и брюссельским чиновникам возможность изменить конфигурацию сил в альянсе в свою пользу. Отсюда резкий заголовок одной из полемических статей З.Бжезинского: «Расширение или смерть»³.

¹ К примеру, по мнению авторитетного либерального журнала «Атлантик мантли», называвшего Североатлантический альянс «из ряда вон выходящим анахронизмом», Соединенные Штаты «взвалили на себя слишком большое бремя ответственности за Европу и несли его слишком долго» (Beatty J. *The Exorbitant Anachronism* // *Atlantic Monthly*. 1989. July).

² Smith R.J. *NATO's Outlook Clouded by French-German Plan* // *Washington Post*. 1991. 19 Oct.

³ Brzezinski Z. *NATO – Expand or Die?* // *New York Times*. 1994. 28 Dec. – «НАТО должна либо выйти за пределы своей территории, либо исчезнуть», – утверждали еще в 1993 г.

Будто бы под влиянием этого девиза с 1993 года расширение Североатлантического альянса на восток становится едва ли не основным приоритетом политики НАТО в Европе, хотя популярность подобного решения тогда была под вопросом. Дж.Голдгейер, автор наиболее фундаментального американского исследования по этому вопросу, считает, что расширение НАТО на восток «...относительно не было неизбежным. К началу его обсуждения перспектива роспуска НАТО была, по меньшей мере, столь же вероятной, сколь и ее расширение. И в администрации, и в Конгрессе лишь маленькая горстка людей положительно относилась к этой идее»⁴.

Так или иначе, в 1990-е годы мир стал свидетелем борьбы между сторонниками и противниками расширения, первый этап которой завершился победой сторонников экспансии, обнажив при этом глубокие противоречия как между Западом и Востоком, изменившими свои геополитические очертания, так и внутри самой западной элиты по вопросу о будущем мироустройстве.

В январе 1990 г., как утверждал Г.Д.Геншер, в ту пору министр иностранных дел Западной Германии, «НАТО непременно должна недвусмысленно заявить – что бы ни происходило внутри Варшавского пакта, территория НАТО не будет расширяться на восток, то есть в направлении границ Советского Союза»⁵. Однако и США, и ряд европейских держав, и, по всей видимости, советское руководство опасались непредсказуемости и неподконтрольности действий объединенной Германии. После непродолжительных попыток сформулировать для нее особый статус в рамках альянса, в июле 1990 г. М.Горбачев и Г.Коль достигли в Кисловодске сепаратной договоренности о полномасштабном членстве Германии в НАТО без каких-либо ограничений. Это не могло не подогреть аппетиты той части американского и германского военного руководства, которая не исключала возможности дальнейшего расширения на восток. В частности, подобной позиции придерживался тогдашний министр обороны ФРГ Ф.Рюэ. В Договоре об объединении ФРГ и ГДР (ст.5, §3) устанавливалось, что после ухода советских войск «иностранным

эксперты Корпорации РЭНД (См.: Asmus R.D., Kugler R.L., Larrabee F.S. Building a New NATO // Foreign Affairs. 1993. Sept./Oct. Vol.72. P.28–40. См. также: Lugar R.G. NATO: Out of Area or Out of Business. Speech to the Overseas Writers Club 1993. 24 June).

⁴ Goldgeier J.M. *Not Whether But When: The U.S. Decision to Enlarge NATO*. Wash., 1999. P.1–3.

⁵ Цит. по: Szabo S. *The Diplomacy of German Unification*. N.Y., 1992. P.57–58.

ные вооруженные силы и ядерное оружие либо его носители не подлежат размещению в восточной части Германии или развертыванию там». Однако это обязательство было девальвировано следующим пояснением: «Все вопросы, касающиеся трактовки понятия "развертывание"... будут решаться правительством единой Германии разумным и ответственным образом, принимая во внимание интересы безопасности всех договаривающихся сторон»⁶. Главный переговорщик со стороны Госдепартамента Р.Зеллик впоследствии утверждал, что он добился этого пояснения для того, чтобы оставить двери открытыми для будущей переброски натовских войск из Германии в Польшу на случай, если эта страна когда-нибудь вступит в НАТО⁷.

В январе 1994 г. президент США Б.Клинтон заявил в Брюсселе: «Вопрос о том, состоится ли расширение, решен, все дело в том, когда и как оно произойдет». Летом и осенью 1994 года, в ходе довольно жестких дискуссий между Советом национальной безопасности, Пентагоном и Госдепартаментом, было решено, что расширение пойдет методом дифференциации среди участников ПРМ (Партнерство ради мира – программа военного сотрудничества НАТО с 23 европейскими государствами и бывшими советскими республиками Закавказья и Центральной Азии, созданная в 1994 г.). Ведущую роль в разрешении этого вопроса сыграл бывший посол США в Германии Р.Холбрук. Решения принимались в Вашингтоне фактически в одностороннем порядке, что вызывало заметное недовольство представителей ряда союзников. В частности, по словам германского представителя в НАТО Г. фон Рихтхофена, американцы «договариваются напрямую с восточноевропейцами об условиях членства и ставят НАТО перед свершившимся фактом вместо того, чтобы консультироваться с союзниками»⁸. Судя по всему, в отношениях с партнерами по альянсу американские сторонники экспансии следовали тем же путем, что и в отношениях с Россией, то есть фильтруя участников диалога путем максимального вовлечения в процесс сторонников расширения или благожелательных нейтралов, при одновременном игнорировании потенциальных оппонентов и их оповещении о принятых решениях постфактум.

⁶ Цит. по: Osmond J. *German Reunification: A Reference Guide and Commentary*. Harlow (Essex, UK), Detroit, 1992. P.289–290.

⁷ Goldgeier J. *Op. cit.* P.16.

⁸ Цит. по: Whitney C.R. *Why Europe Is Careful Not to Scold the Bear // New York Times*. 1995. 2 Jan.; *Cracks Are Appearing in the Alliance Cohesion // Financial Times*. 1994. 2 Dec.

В новой администрации Клинтона (1997–2000 гг.) на ключевые посты – государственного секретаря и министра обороны – были назначены жесткие сторонники расширения М.Олбрайт и У.Коэн соответственно. Несмотря на это, официальная политика Вашингтона предусматривала одновременное движение в направлении расширения альянса и кодификации «особых отношений» между НАТО и Россией. Последняя идея была выдвинута осенью 1993 года З.Бжезинским и тогда же отклонена частью клинтоновской администрации как проводящая слишком жесткую разделительную черту между Россией и НАТО⁹.

Инициаторы расширения НАТО намеревались выстроить соглашение с Россией таким образом, чтобы создаваемая на его основе структура (будущий Совместный постоянный совет) ограничивалась информационно-совещательными функциями и исключала какую-либо роль России в принятии решений, находящихся в компетенции альянса. Впрочем, тогдашнее руководство России, во главе с Б.Ельциным, без каких-либо колебаний приняло этот вариант. Принята была не только идея, но и предложенная Вашингтоном структура Основополагающего акта, подписанного в Париже 27 мая 1997 г., как межправительственного соглашения, не подлежащего ратификации в отличие от протоколов о расширении НАТО. Следовательно, данный документ с самого начала не имел и не имеет теперь силы международно-правового обязательства. Ведущие американские газеты писали о том, что Б.Ельцин согласился подписать парижский Акт в обмен на обещание Клинтона помочь Москве в получении нового кредита МВФ и переименовать «Большую семерку» в «Большую восьмерку»¹⁰.

Подписание парижского Акта сняло последние препятствия для приглашения новых кандидатов в альянс, что и было сделано (июль 1997 г.) в ходе Мадридского саммита. Окрыленная успехом, американская администрация навязала участникам саммита свое решение о кандидатурах. Словения и Румыния, чьи кандидатуры еще в мае поддерживали десять союзников во главе с Францией и Италией, были исключены из списка. Основной причиной, по-видимому, послужило то, что принятие

⁹ Goldgeier J. *Op. cit.* P.49.

¹⁰ Hoffman D. *For Yeltsin, Business Prospects Outweighed NATO Threat // Washington Post. 1997. 27 May. – О расчетах на эти и им подобные дивиденды от ельцинской подписи свидетельствовала и российская правительственная пресса (См.: Паклин Н. Россия – НАТО: баланс интересов (президент РФ подпишет на берегах Сены Основополагающий Акт о взаимоотношениях России и НАТО) // Российская газета. 1997. 27 мая).*

этих стран укрепило бы «романскую группу» в альянсе, которая не отличалась лояльностью по отношению к США и добивалась назначения собственного командующего южным флангом. В декабре 1997 г. протоколы о приеме в НАТО трех новых членов были подписаны и представлены на ратификацию парламентам 19 государств. В американском Сенате к этому времени существовала достаточно влиятельная оппозиция расширению, однако ряд сенаторов (Дж.Байден, К.Левин, Р.Торричелли) изменил свою позицию после известия о подписании Россией парижского Акта¹¹. Как отмечают американские источники, «согласие Ельцина подписать соглашение с НАТО уняло страсти в Сенате по поводу возможной реакции России»¹².

В итоге 12 марта 1999 г. идея, еще не так давно казавшаяся многим на Западе бессмысленной, бесперспективной и опасной¹³, осуществилась и бывшие члены Организации Варшавского Договора Польша, Чехия и Венгрия стали членами НАТО. Уже две недели спустя Североатлантический альянс, теперь уже в составе 19 государств, в нарушение Устава ООН и всего международно-правового порядка, совершил нападение на Союзную Республику Югославию. Война на Балканах и принятие Новой стратегической концепции НАТО обозначили коренную перемену в существующей структуре глобальной политики. Впервые за всю постколониальную историю военно-политическая ситуация в мире определяется экспансией военного блока самых богатых и процветающих государств, которому не существует сколько-нибудь значительного противовеса в виде других блоков и организаций. Свое бессилие и все большую маргинальность по отношению к НАТО продемонстрировала Организация Объединенных Наций, не говоря уже о других международных институтах. Утвердилась фактическая монополия НАТО в вопросах европейской безопасности.

Затем последовали 4-я и 5-я «волны расширения» НАТО, когда в блок были включены Словакия, Словения, Румыния, Болгария и страны Балтии (март 2004 г.), а затем Албания и Хорватия (апрель 2009 г.). Они интересуют нас, прежде всего, с точки зрения институционального подхода натовского руководства к самому понятию расширения, ибо оно имеет, как минимум, три аспекта.

¹¹ *Congressional Record. 1998. 19 March. P. S2252.*

¹² *Goldgeier J. Op. cit. P. 142.*

¹³ *Kennan G. Fateful Error // New York Times. 1997. 5 Febr.*

Это

- расширение «миссии», то есть целей альянса, зафиксированных в Североатлантическом договоре как чисто оборонительные;
- «зоны ответственности» и
- состава.

Под расширением миссии альянса с самого начала понималась возможность участия сил НАТО в миротворческих операциях. Но в начале 1990-х годов среди союзников не было консенсуса по вопросу о допустимости выхода за рамки Вашингтонского договора 1949 года¹⁴. К тому же Стратегическая концепция, принятая Римским саммитом альянса в ноябре 1991 г., ограничивала пространство маневра, поскольку гласила, что «ни одно из вооружений альянса никогда не будет применено с иной целью, нежели самооборона»¹⁵. Нейтрализации возражений отдельных участников альянса против расширения миссии способствовали решения СБСЕ (1992) и СБ ООН (1994) по Югославии, принятые в том числе и при поддержке России и санкционировавшие применение

¹⁴ Вашингтонский договор, он же Североатлантический договор, является документом об основании НАТО, который 4 апреля 1949 года подписали в Вашингтоне Бельгия, Нидерланды, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Норвегия, Португалия, Франция, Дания, США и Великобритания.

Договор заложил основу системы коллективной обороны государств-членов, рассматривающей вооруженное нападение на одного из членов НАТО нападением на всех союзников. Принцип совместной обороны Вашингтонского договора основан на 51-й статье Хартии ООН, согласно которой в случае вооруженного нападения государства имеют право на индивидуальную или коллективную самозащиту до тех пор, пока Совет безопасности ООН не предпримет необходимые меры для обеспечения международного мира и безопасности.

Статья 5 Вашингтонского договора предусматривает деятельность НАТО для достижения самой важной цели – обеспечения и защиты политическими, а при необходимости и военными средствами безопасности и свободы стран-членов.

Кроме того, Вашингтонский договор определяет ряд других важных для сотрудничества принципов и правил по обеспечению безопасности государств и определяет порядок проведения консультаций. Договор является и документом об учреждении руководящего органа НАТО – Североатлантического совета, а также определяет процедуру присоединения к НАТО новых стран, согласно которой в НАТО может войти лишь то государство, с присоединением которого согласны все страны-участницы.

¹⁵ NATO Handbook. Brussels, 1995. P.242.

сил альянса за пределами его зоны ответственности в осуществлении несвойственных ему прежде задач. Эти события укрепили позиции радикальных сторонников экспансии в руководстве ведущих натовских держав. В перспективе это дало им возможность действовать за пределами официальной миссии и зоны ответственности альянса явочным порядком, не ожидая решений иных международных организаций.

Логически вопрос о миссии предшествовал вопросу о членстве. В краткий период своего отрицательного отношения к форсированной экспансии НАТО, заместитель государственного секретаря США С.Тэлбот, обращаясь к американским сенаторам, говорил, что «вопрос о членстве в НАТО для восточноевропейцев должен быть решен после того, как будет принято решение по вопросу о миссии НАТО после окончания "холодной войны"»¹⁶.

Администрация Клинтона выступила за сохранение оборонной функции альянса в качестве приоритетной¹⁷ и одновременно за расширение зоны ответственности НАТО. В выступлении М.Олбрайт упоминались даже Ближний Восток и Центральная Африка. Это означало, что «альянс может взяться за проведение миротворческих операций на Кавказе или освобождать заложников в Северной Африке, но при этом не позволит втянуть себя в войну где-нибудь в Индокитае или Южной Америке»¹⁸. Чтобы избежать при этом противоречий с текстом Североатлантического договора, оборонительная миссия альянса была перетолкована таким образом, чтобы речь шла уже не о защите территории, а о защите интересов союзников. Это позволило сторонникам экспансии заблокировать принятие Сенатом поправки Дж.Эшкрофта, исключавшей участие США в каких-либо военных действиях альянса, кроме чисто оборонительных, и тем самым ставившей под угрозу законность применения силы на Балканах с точки зрения американского конституционного права¹⁹.

По отношению к интересам России и других сопредельных стран, не являющихся членами НАТО, избранная администрацией США промежуточная линия в действительности оказалась более агрессивной. Оста-

¹⁶ Talbot S. *U.S. Policy toward the New Independent States. Hearing before the House Committee on Foreign Affairs. 103 Cong. 2 sess. Wash., 1994. P.19–20.*

¹⁷ Тем самым была изменена позиция США в ходе переговоров с Россией по Основополагающему Акту.

¹⁸ *NATO's Mid-Life Crisis // The Economist. 1998. 12 Dec. P.17.*

¹⁹ *Amendment 2318 // Congressional Record. 1998. 29 Apr. P.S3793.*

ваясь клубом для избранных, альянс одновременно готов был идти на применение военной силы за пределами территории своих членов для защиты широко понимаемых «интересов». Это и заложило основу аргументации в пользу силового вмешательства альянса в Югославию и легитимации этого акта в Новой стратегической концепции НАТО, принятой Вашингтонским саммитом в апреле 1999 г.

Таким образом, увеличение численного состава блока, вплоть до марта 1999 г. служившее главным камнем преткновения в отношениях между Россией и Западом, с высоты сегодняшнего дня видится лишь одним из элементов экспансионистской триады. Расширение состава альянса вплоть до принятия в его состав Хорватии и Албании (апрель 2009 г.) было и остается сугубо региональной проблемой, создающей трудности, прежде всего, для России и не имеющей непосредственного значения для третьих стран. В то время как расширение миссии и зоны ответственности альянса уже сегодня являются проблемой не только общеевропейской, но и глобальной безопасности. В частности, одним из перспективных направлений расширения зоны ответственности альянса является так называемая Средиземноморская инициатива НАТО с участием Иордании, Израиля, Египта, Туниса, Алжира, Марокко и Мавритании, подробное рассмотрение которой выходит за пределы данной статьи. Более того, сегодня представляется, что формальное принятие новых членов из Центральной и Восточной Европы является лишь одним из альтернативных способов экспансии альянса на восток, и, возможно, не самым оптимальным с точки зрения быстроты и эффективности процесса.

Зона ответственности блока охватывает территорию государств-участников и район Атлантического океана к северу от Тропика Рака²⁰ – согласно ст. 6 Североатлантического договора. Ст. 10-я же ограничивает потенциальное членство в НАТО «любым европейским государством». Следовательно, нарушение собственного устава этой организации становится очевидным уже в 1952 году, когда в состав НАТО была принята Турция, не являющаяся европейским государством. Однако тогда натовское руководство пошло на корректировку 6-й статьи. Это, по мнению авторитетного военного исследователя И.С.Малевича, соответствовало тогдашнему духу «холодной войны» и было продиктовано логикой военного противостояния СССР и США. Он отмечает: «В 1952 г. можно было понять идеологов расширения альянса. В разгаре была холодная

²⁰ Рогозин Д. О. *Война и мир в терминах и определениях*. М.: ИД «ПоРог», 2004. – 624 с.

война, и прием Турции в НАТО позволял охватить территорию СССР на значительном протяжении с южного направления, а также закрыть выход советского ВМФ из Черного моря. В 1961 г. на территории Турции появились американские ракеты средней дальности с ядерными боеголовками и подлетным временем около десяти минут до Москвы и основных промышленных объектов в европейской части Советского Союза. Это создало для США колоссальное стратегическое преимущество в ядерном противостоянии с СССР»²¹. И далее: «Прием Турции в НАТО противоречил ст.10 Североатлантического договора, которая строго ограничивает географические рамки альянса. Казалось бы, корректируя ст.6 Договора, можно было бы на будущее скорректировать и ст.10, убрав из нее ограничение на прием только европейских государств. Но изменения ст.10 не последовали ни в 1952 г., ни в настоящее время».

При четвертом расширении НАТО (1999 г.) в альянс были приняты бывшие члены Варшавского договора: Польша, Венгрия, Чехия. Это событие произошло, несмотря на клятвенные заверения политиков Запада руководителям бывшего СССР, что альянс ни на шаг не продвигается на Восток, то есть словесные обещания оказались забыты. И это несмотря на то, что после окончания «холодной войны» и развала СССР – главного геополитического противника Запада – исчезли всякие основания для подобных действий на европейском континенте.

На повестке дня у натовского руководства стоит вопрос о принятии в блок Украины и Грузии. При этом Украина является членом СНГ и представляет группу государств, политические цели которых противоположны тем, что на деле демонстрирует НАТО в течение последних полутора десятилетий. «Интенсифицированный диалог» с Украиной ведется НАТО с апреля 2005 года²². В случае же с Грузией ситуация и

²¹ *Малевич И.С. Расширение НАТО и Военная доктрина России // Независимое военное обозрение. 2010. 2 мая.*

²² *Впервые Интенсифицированный диалог велся с начала 1997 года с Чешской Республикой, Венгрией и Польшей, когда, вслед за окончанием «холодной войны», шла подготовка к первому раунду расширения НАТО в 1999 году. Благодаря процессу Интенсифицированного диалога со странами, заявившими о своей заинтересованности в присоединении к Североатлантическому союзу, НАТО смогла изучить с каждой из этих стран те вопросы, которые были сформулированы в «Исследовании о расширении НАТО», проведенном в 1995 году для того, чтобы выяснить, с какими преимуществами связано принятие новых*

вовсе парадоксальная. Эта страна не только не соответствует базовым критериям для приема в НАТО, важнейший из которых, наряду с обязательной «демократичностью» страны, отсутствие территориальных претензий к кому-либо, но и вообще не относится ни к европейскому, ни тем более к североатлантическому региону. Видимо, в понимании натовских руководителей, географическая граница Европы и Азии существует весьма условно.

И.С.Малевич полагает: «...стало догмой постоянное утверждение натовских кругов, что расширение НАТО автоматически означает и расширение демократического пространства в Европе. Между тем один из принципов демократического политического режима гласит, что "разрешено все, кроме того, что запрещено законом". Возникает вопрос: как можно расширить демократическое пространство в Европе, нарушая как международные правовые акты, так и свои собственные. И если в случае с приемом Турции можно было найти хоть какое-то оправдание: глобальное противоборство двух разных идеологических систем и т.п., то сегодня этого нет. Что же касается Украины, то, по данным социологических опросов, большинство населения страны выступает против членства в НАТО. Тем не менее альянс уже давно принял решение, что Украина станет его членом»²³.

Очевидно, что принятие в НАТО Украины продиктовано совсем не стремлением к распространению демократии. Расширение на Восток уже создало для НАТО возможности с использованием обычных средств поражения наносить воздушные удары тактической авиацией по центрам государственного и военного управления России, а также по стратегическим ядерным силам страны. С принятием Украины эти возможности еще более возрастут. К примеру, от украинских аэродромов всего 600–800 км до базы стратегической авиации России возле города Саратов.

Принятие новых государств в альянс больше похоже не на расширение демократического пространства в Европе, а на окружение России кольцом из новоиспеченных членов НАТО, готовых выполнить любое решение руководства блока. Похоже, в идеологии расширения с момента создания альянса ничего не изменилось. Только раньше окружали коммунистический СССР, а теперь демократическую Россию. И преде-

членов и каким образом надлежит его осуществить (NATO Public Diplomacy Division, 1110 Brussels, Belgium. Sept. 2006. P.10–11).

²³ Малевич И.С. Указ. соч.

лом для расширения НАТО, судя по заявлениям ее представителей, может служить только протяженность российских границ. Поэтому, несмотря на миролюбивые заявления руководителей альянса, Россия должна постоянно учитывать в ходе военного строительства наличие у своих границ мощного военно-политического блока. Это особенно актуально ввиду отказа НАТО принять российское предложение по созданию новой системы коллективной безопасности в Европе, а также наличия дальнейших планов по расширению альянса на восток.

Очевидное назначение имеет и разворачиваемая в Европе натовская противоракетная оборона театра военных действий (ПРО ТВД). Решение о ее создании было принято в ходе Пражского саммита НАТО в 2002 г. ПРО ТВД представляет собой мобильную систему, используемую для защиты контингента войск НАТО, какой-либо территории или региона от угрозы применения баллистических и крылатых ракет малого и среднего радиуса действия, авиации, беспилотных летательных аппаратов и других непредвиденных угроз²⁴. Непосредственные работы по инженерно-техническому и оперативному развертыванию ПРО ТВД НАТО начались после Стамбульского саммита 2004 г. и были завершены в течение 18 месяцев. Если учесть, что среди стран, не являющихся членами НАТО, баллистическими ракетами в Европе располагает только Россия, то становится ясно, каково назначение натовской ПРО ТВД.

Наконец, самой откровенной иллюстрацией истинного «лица» натовской политики является высказывание бывшего посла США в Москве Дж.Мэтлока. В свое время США и ФРГ обещали не расширять НАТО после объединения Германии. «Я был свидетелем этого, и тогда мы обманули русских. Почему же они должны верить нам сейчас?»²⁵ – сказал он. И хотя сделано это высказывание было почти 15 лет назад, суть его не потеряла актуальности и сегодня. Настрой, царящий в наши дни в Североатлантическом союзе, наиболее четко выразил в 2005 году в одном из интервью тогдашний Генеральный секретарь НАТО Я. де Х.Схеффер. «НАТО растет, цветет и развивается»²⁶, – заявил тогда он.

²⁴ NATO Public Diplomacy Division, 1110 Brussels, Belgium. Mar. 2005. P.3.

²⁵ Независимая газета // 1997. 22 января. №10.

²⁶ *Suddeutsche Zeitung*. 2005. 14. Februar.

РОССИЯ В МИРЕ

РОССИЯ XXI 06. 2010

...

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

ОБСУЖДЕНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
«ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

The round-table is dedicated to analysis of “The social thought of the Russians emigration” encyclopedia published 2009. This work is the first attempt to track development of the social thought in chronological limits of all waves of emigration from the mid-19th to the end of the 20th century.

Ключевые слова: русское зарубежье; русская эмиграция; общественная мысль; персоналии; определения; идеология; политическая философия; историография; библиография; энциклопедические издания.

Key words: the Russians living abroad; the Russian emigration; social thought; personalia, definitions; ideology, political philosophy; historiography; bibliography; encyclopedic publications.

В современном коммуникативном пространстве российской гуманитарной науки и общественной мысли ориентироваться нелегко. Это обстоятельство обусловлено перенасыщенностью нашего книжного рынка и электронных медийных средств новыми изданиями. Публикации источников, монографических исследований, переводы иноязычных трудов, энциклопедии и справочники – вот тот поток новейшей литературы, разобратся в котором представляется затруднительным не только интересующемуся проблемами гуманитарного знания, но и специалисту. Любая отраслевая энциклопедия в этом смысле выступает в качестве незаменимого справочника. Кроме того, издания подобного типа ярко свидетельствуют о современном состоянии нашей науки. Участники публикуемой дискуссии обсуждают новейшую энциклопедию общественной мысли Русского зарубежья. Для нашего журнала обсуждение новой книги может иметь немалый смысл, поскольку многие наши авторы и активные читатели так или иначе причастны к истории интеллектуальной культуры России в прошлом и настоящем. В значительной мере переоценка ценностей в российском общественном сознании 90-х годов прошлого века и начала века нынешнего началась с открытия классиков Русского зарубежья. Дискуссия позволяет лучше понять цели, внутреннее содержание и структуру новой книги.

От редакции

В обсуждении участвуют:

- **В.В.Журавлев**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, директор Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); rgaspi@inbox.ru
- **А.В.Репников**, доктор исторических наук, профессор Российской академии театрального искусства (ГИТИС), главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Repnikov@mail.ru
- **Ю.Ю.Иерусалимский**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П.Г.Демидова; borison81@mail.ru
- **В.Ю.Карнишин**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета; valerykarnishin@mail.ru

- **И.В.Омельянчук**, доктор исторических наук, доцент Владимирского государственного университета; omeliyanchuk@mail.ru
- **В.В.Зверев**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской Академии государственной службы при президенте Российской Федерации; v.v.zverev@bk.ru
- **А.М.Белов**, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова; istclass@gambler.ru
- **В.Н.Шульгин**, доктор исторических наук, доцент Российского государственного университета имени И.Канта (г. Калининград); shulgin_vladimir@mail.ru
- **В.Л.Степанов**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН; valerij-stepanov@mail.ru
- **А.С.Туманова**, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики; anastasiya13@mail.ru
- **А.И.Дырин**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета, Заслуженный работник высшей школы РФ
- **Л.И.Футорянский**, доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ. nataliy-kovylin@yandex.ru

Журавлев Валерий Васильевич

Первое десятилетие нового, XXI века прошло под знаком возведения из блоков и осколков различных воззрений, идей, взглядов, концепций, кредо, «символов веры» здания более или менее структурно определяющейся системы мировоззренческого плюрализма в нашей стране. Важнейшей предпосылкой и условием этого процесса, не завершившегося по сей день, стало стремление к осмыслению и переосмыслению всего богатства общественной мысли Отечества, накопленного за века ее развития. Исследовательской реакцией на этот социальный запрос послужила разработка под эгидой Института общественной мысли цикла энциклопедических изданий, способных представить в систематизированном виде по возможности всю совокупность духовных исканий и социально-политических представлений различных социальных страт и

политических сил на большом историческом перегоне, начиная с середины XVIII века.

Замысел и содержание настоящего проекта мы изначально рассматривали и продолжаем рассматривать как, в первую очередь, определенный ответ на ярко проявляющуюся сегодня тенденцию развития наук об обществе в направлении интеграции, освоения пространств и стыков междисциплинарного характера. А также как реакцию на стремление к получению цельного знания об обществе – живом социальном организме, сотканном из атомов неповторимых человеческих индивидуальностей. Опора на концепт мышления как «нового сотворения мира», по крылатому выражению Альбера Камю, в качестве способа решения данной задачи представляется весьма и весьма перспективной в свете вызовов и запросов современной науки и социальной практики. Вместе с тем это и ответ на реалии и потребности формирующейся в нашей стране системы мировоззренческого плюрализма.

Приступая к реализации замысла создания не имеющего аналогов в отечественной и зарубежной научной литературе цикла энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли Отечества, мы – большой коллектив историков, философов, политологов, социологов, других представителей гуманитарного цикла дисциплин – отдавали себе отчет в своеобразии самого объекта нашего внимания, информацию о котором сложно было бы уложить в привычное русло жанра отраслевой энциклопедии. Ибо сам предмет анализа в данном случае достаточно необычен, представляя собой такого рода «нематериальную материю», какой является мысль.

Из большого числа определений и истолкований данного концепта мы остановились на трактовке внутреннего содержания понятия «общественная мысль» как осознанного и социально значимого отображения реально существовавшей и существующей социальной действительности в виде определенной, исторически обусловленной динамической системы идей и взглядов данного общества в противоречивом, диалектическом единстве представлений составляющих данное общество индивидов, социальных слоев и групп¹.

Одну из актуальных задач мы видели также в том, чтобы предоставить трибуну для равноправного, без какой-либо дискриминации и пристрастности, дискурса представителям всех социально значимых – в

¹ См. в этой связи: Пушкирев Л.Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отечественная история. 1992. №3.

контексте последующего исторического опыта – направлений общественной мысли страны. Вне зависимости от того, какую роль они в свое время сыграли в истории и какая историческая судьба их впоследствии постигла. Этим самым мы стремились внести свой посильный вклад в преодоление психологии идеологической самодостаточности и «партийного нигилизма», по сей день процветающей в определенных слоях отечественной интеллигенции, в современных партийно-политических кругах. Той самой атмосферы, когда в интеллектуальных достижениях нации видят и ценят только то, что укладывается в рамки собственных мировоззренческих предпочтений и политических ориентаций.

Очевидность, тем не менее, требующая постоянного подтверждения опытом и уроками истории, заключается в том, что понять прошлое, оценить с необходимой четкостью настоящее, а также уловить черты и тенденции, ориентирующие нас в будущее, можно лишь на базе беспристрастного осмысления всего – без изъятий и купюр – духовного багажа ушедших поколений россиян.

К настоящему моменту творческий коллектив, реализующий вышеупомянутый замысел создания в энциклопедическом ключе серии изданий, способных с максимальной полнотой и всесторонностью представить читателю феномен отечественной общественной мысли за века ее развития, достаточно далеко продвинулся по пути решения поставленных перед собой задач.

Вышла в свет, нашла своего читателя, стала объектом широкого, живого и заинтересованного обсуждения в научной печати², удостоена звания лауреата всероссийского конкурса «Лучшая книга 2005 года» энциклопедия «Общественная мысль России XVIII – начала XX века»³.

Работу над второй энциклопедией⁴, которую мы сегодня обсуждаем, авторский коллектив рассматривал в качестве логического продолжения

² См., например: *Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII – начала XX века»: круглый стол // Отечественная история. 2006. №4. С.88–111.*

³ *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Редакционная коллегия: В.В.Журавлев (отв. ред.), А.В.Репников (отв. секр.), О.В.Волобуев, А.Н.Свалов, В.В.Шелохаев. Редакционный совет: В.В.Журавлев, А.В.Репников, А.А.Данилов, В.В.Зверев, Н.И.Канищева, А.Н.Медушевский, М.П.Мчедлов, А.И.Нарежный, А.П.Ненароков, И.С.Розенталь, А.К.Сорокин, В.А.Старков, С.В.Тютюкин, В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2005. – 640 с.*

⁴ *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Редакционная коллегия: В.В.Журавлев (отв. ред.), А.В.Репников (отв. секр.), О.В.Волобуев, П.Ю.Савельев, В.В.Шелохаев. Редакционный совет: В.В.Журавлев, А.В.Репников, А.А.Данилов, Н.И.Кани-*

вышеописанного издания. Мы стремились к тому, чтобы оба издания в совокупности представляли собой первую в отечественной научной литературе попытку объединить, как бы «завязав» в сложный, но единый узел, две трагически разведенные историей ветви самопознания лучшими умами Отечества русской души, русского характера и русско-го интеллекта. А также видения ими остающихся всегда актуальными проблем народной судьбы и национального характера в контексте прошлого, настоящего и будущего России.

При этом общественная мысль Русского зарубежья рассматривается на фоне, в тесной связи и во взаимодействии с процессами эволюции мировой, в первую очередь европейской, общественно-политической мысли. В противовес модным сегодня концепциям «столкновения цивилизаций» (С.Хантингтон) взгляды представителей отечественной и зарубежной мысли, взятые в их интегрированном виде и сопоставительном плане, раскрывают нам механизмы реализации совершенно иного явления – процесса духовного и интеллектуального взаимопроникновения двух культур (российской и западной) и двух типов общественной мысли.

Свою главную задачу авторский коллектив настоящего труда видел в том, чтобы проследить состояние, внутреннее содержание, тенденции и процессы эволюции общественной мысли Русского зарубежья в хронологических границах всех пяти волн эмиграции. Начиная с 30-х – 40-х годов XIX века и завершая концом прошлого столетия, когда впервые за всю историю страны переезд россиян за рубеж перестал носить политический характер.

Таким образом, к настоящему времени история отечественного общественно-политического зарубежья как социокультурного феномена насчитывает более полутора столетий, если считать условной отправной точкой возникновения данного явления выезд в Ирландию по политическим мотивам в 1836 году (т.е. еще в эпоху Николая I) профессора Московского университета В.С.Печерина. «Архипелаг» отечественной эмиграции за это длительное время охватил практически весь мир, а его «население» пополнялось в результате коллизий общественно-политической обстановки дореволюционной и революционной эпох, реалий и последствий Второй мировой войны и диссидентского движения в СССР 60-х – 70-х годов прошлого века.

щева, А.А.Королев, В.Г.Макаров, А.П.Ненароков, Л.А.Опенкин, И.С.Розенталь, И.В.Сабенникова, А.К.Сорокин, С.В.Тютюкин, В.С.Христофоров, В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.; ил.

Неслучайным является использование в заголовке данного издания понятия – «Русское зарубежье». Введенная в оборот Глебом Петровичем Струве, т.е. родившись в недрах самой отечественной эмиграции, дефиниция эта с самого начала была призвана обозначать отнюдь не этническую принадлежность выразителей общественных взглядов и идей, но нечто гораздо большее. А именно: общность исторической, общественно-политической и личностной судьбы представителей достаточно широких социальных кругов и политических сил многонационального и поликонфессионального российского общества, оказавшихся за бортом Отечества в обстановке политической конфронтации, нараставшей в недрах Империи с середины XIX века и завершившейся бурными революционными процессами – как Февраля, так и Октября 1917 года – со всеми вытекавшими отсюда последствиями в условиях уже советской действительности. При этом авторский коллектив исходит из того, что понятие «зарубежье» шире и многограннее термина «эмиграция».

В итоге Русское зарубежье предстает сегодня перед нами как в основе своей русскоязычная, русскоговорящая и «русскодумающая» в плане своих мировоззренческих представлений и общественных идеалов когорты россиян, по самым различным обстоятельствам (чаще всего, но не всегда вынужденно) покинувших свою страну, но оставшихся в духовной связи с нею.

Специфика объекта и жанра энциклопедии определила и особенности ее структуры.

Вводная часть энциклопедии состоит из двух разделов. Издание открывается обширным разделом «География общественной мысли Русского зарубежья», выявляющим реалии жизнедеятельности центров общественной мысли представителей российской диаспоры, разбросанных по всему миру. Его задача состоит в том, чтобы ввести читателя в круг проблем, составляющих, если перефразировать известное определение Д.С.Лихачева, «экологию» общественной мысли. Может показаться, что по охвату поднятых вопросов содержание данного раздела выходит за границы собственно проблем общественной мысли. Но это делается намеренно. Всестороннее (с освещением в том числе «прозаических», бытовых проблем эмигрантской повседневности) раскрытие данных сюжетов позволяет как можно более предметно охарактеризовать обстановку рождения общественной мысли. Ибо специфика диктуемого этой обстановкой мироощущения людей, оторванных от своих национальных корней, не могла не влиять на уровень, характер, содержание, направленность, тональность этой мысли.

Второй раздел вводной части составляет группа статей, посвященных идейно-политической составляющей жизнедеятельности политических организаций и партий, действовавших за рубежом как в дореволюционный период (народники и неонародники, социал-демократы), так и после событий Октября 1917 года (эсеры, меньшевики, кадеты, монархисты). Они дополняются материалами, характеризующими эмигрантскую периодику как дореволюционной, так и послереволюционной поры. Определенное место в связи с этим занимают статьи, содержащие характеристику исходных понятий, определений, направлений общественной мысли, существовавших в эмиграции (евразийство, сменовеховство).

Основную – по значимости и удельному весу – структурную часть данной, как и предыдущей, энциклопедии составляют персоналии видных представителей общественной мысли Русского зарубежья всех пяти волн эмиграции, которые располагаются в алфавитном порядке.

Структура этого рода статей и в данном случае строится так, чтобы основное внимание уделялось выявлению мировоззренческих основ и анализу концептуальных представлений данного лица по проблемам прошлого, настоящего и будущего своей страны. Все эти сюжеты излагаются в тесной связи с видением им аналогичных мировых (европейских) реалий и воздействием этих реалий на его умонастроения. Причем в том виде, в каком они формировались и эволюционировали именно в период пребывания данного деятеля за рубежом. В центре внимания биографической части статьи также находится эмигрантский период. Деятельность данного лица до и после эмиграции освещается достаточно кратко. Статья завершается отсылкой читателя к соответствующим архивным фондам персонального характера (если они имеются), к трудам данного деятеля, а также к имеющейся научной литературе, ему посвященной.

P.S. Пока материалы настоящего «круглого стола» готовились к печати, в издательстве Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) увидели свет фундаментальные энциклопедические издания, посвященные российскому либерализму и русскому консерватизму⁵. Завершается исследовательская работа над энциклопедией «Революционная мысль в России».

⁵ *Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Редакционная коллегия: В.В.Шелохаев (отв. ред.), Н.И.Канищева (отв. секр.), В.В.Журавлев, А.Н.Медушевский, И.В.Нарский, А.К.Сорокин, В.В.Шелохаев. Редакционный совет: В.В.Шелохаев, Н.И.Канищева, Б.Бонвеч, О.В.Волобуев, Д.Далманн, А.А.Данилов,*

Есть основания надеяться, что с завершением работы над данным многолетним проектом и выходом в свет последнего из пяти образующих его изданий читатель, в том числе и прежде всего исследователь-обществовед, сможет составить интегрированное – на современном уровне знаний – представление по самому широкому, тяготеющему к всесторонности кругу аспектов столетиями вращенной общественной мысли России, сложно отразившейся в ее нынешнем состоянии. И тем самым получить весомое подспорье в выявлении узких мест и лакун, а также в определении направлений дальнейшего изучения этой неисчерпаемой темы.

Репников Александр Витальевич

Издание «Общественная мысль Русского зарубежья» является продолжением вышедшей в 2005 году энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX века», вызвавшей большой читательский интерес и многочисленные отклики⁶. Новое издание логически примыкает к двум энциклопедиям, вышедшим в конце 2010 года и посвященным истории либеральной и консервативной мысли в России. Приступая к работе, мы, с одной стороны, понимали, что энциклопедические издания являются востребованными представителями самых разных профессий (от студентов и школьных учителей до вузовских преподавателей). С другой стороны, издание будет интересно и полезно профессиональным ученым.

В.В.Журавлев, А.А.Кара-Мурза, В.Ю.Карнишин, А.Н.Медушевский, А.И.Нарежный, И.В.Нарский, Ф.А.Селезнев, А.К.Сорокин, А.А.Харусь. М.: РОССПЭН, 2010. – 1086 с.; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Редакционная коллегия: В.В.Шелохаев (отв. ред.), А.В.Репников (отв. секр.), А.А.Иванов, А.Ю.Минаков. Редакционный совет: В.В.Шелохаев, А.В.Репников, А.А.Данилов, В.В.Журавлев, А.Ю.Минаков, А.К.Сорокин. М.: РОССПЭН, 2010. – 639 с.

⁶ См. некоторые из них: *Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь – июнь 2005. №1. СПб., 2005. С.281–284; Пушкарева И.М. Общественная мысль России XVIII – начала XX века // Вопросы истории. 2006. №5. С.166–168; Иванов А.А. Наша Россия. Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005 // Москва. 2006. №6. С.215–217; [Интервью с В.В.Журавлевым] // Тверская, 13. 2006. 1 апреля; Филиппова Т.А. Российская энциклопедия для русского мира // Родина. 2007. №10. С.18; Соловьев К.А. Опыт использования архивных материалов в энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» // Вестник архивиста. 2006. №2/3. С.155–156; Бабурова Н.Б. Новая энциклопедия Российской общественной мысли XVIII – начала XX в. // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России: сборник научных статей. Пенза, 2007. Вып.4. С.184–189; и др.*

За последние два десятилетия российский читатель открыл для себя множество имен писателей, публицистов, экономистов, военных и церковных деятелей, оказавшихся за пределами России. Попыткой своеобразного промежуточного обобщения накопленной информации была энциклопедия «Золотая книга эмиграции» (М.: РОССПЭН, 1997). Некоторые из ее авторов приняли участие в написании статей и для новой энциклопедии. Издание 1997 года охватывало по своим хронологическим рамкам только первую треть XX века. Туда также не вошел ряд видных деятелей Зарубежья (В.В.Шульгин, П.Н.Краснов и др.). С другой стороны, в том издании (в отличие от нашей энциклопедии) присутствовали известные певцы, актеры, художники, шахматисты и т.д. В новой энциклопедии мы намеренно ограничились только включением представителей общественно-политической мысли, что позволяет четко структурировать издание. К тому же есть специальные церковные и литературные справочные издания, куда соответствующие персоналии включаются «по максимуму». В нашем случае поместить в одну книгу всех значимых представителей общественной мысли Русского зарубежья было невозможно, да и не нужно. Поэтому метод критического анализа энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья» в соответствии с принципом – почему есть статья про X, а нет статьи про Y – бесперспективен. Например, дискуссионным является вопрос о том, был ли *оригинальным* мыслителем не попавший в энциклопедию автор многочисленных публицистических работ И.Л.Солоневич.

Основной акцент в энциклопедии сделан на темы, которые могут заинтересовать не только профессиональных историков, но и широкий круг специалистов в различных областях науки. Значительное место отводится персоналиям, которые повлияли своими работами на идеологию Русского зарубежья именно как *мыслители*. Руководствуясь желанием показать весь спектр взглядов, мы постарались «дать слово» всем – от крайне левых до крайне правых. Ко всем статьям прилагаются библиографические справки. Там, где речь идет о персоналиях, дается указание на личный архивный фонд (если он имеется), приводятся основные сочинения, литература, библиографические указатели. Создатели энциклопедии приветствовали (разумеется, в разумных количествах) наличие в статьях цитат, которые могут ярко проиллюстрировать наиболее важные моменты во взглядах и концепциях того или иного персонажа. После цитаты в скобках дается полная ссылка на источник цитирования. Подобная практика ранее уже была успешно опробована в других энциклопедических изданиях, подготовленных нами.

Впервые одна энциклопедия включила в себя столь широкий спектр мыслителей Русского зарубежья: от евразийцев⁷ до религиозных деятелей⁸. В энциклопедии присутствуют видные философы⁹; писатели¹⁰; историки¹¹; экономисты¹². Есть статьи об идеологах либерального¹³; консервативного¹⁴ и революционного¹⁵ течений. Есть статья и о Л.А.Тихомирове, который убыл из России в вынужденную эмиграцию, будучи революционером и народовольцем, а вернулся на родину уже монархистом. Есть статьи о военных деятелях¹⁶. Представлены сменовеховцы (Н.В.Устрялов) и даже фашисты (К.Н.Родзаевский).

В ходе работы над энциклопедией был сформирован авторский коллектив (около 60 человек), в который вошли сотрудники Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России), а также научных и учебных институтов¹⁷. Помимо авторов из Москвы и Санкт-Петербурга, статьи в энциклопедию написали исследователи из Барнаула, Воронежа, Екатеринбурга, Королева,

⁷ А.П.Антипов, Н.Н.Алексеев, Я.А.Бромберг, П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, К.А.Чхеидзе и др.

⁸ Антоний Храповицкий, Евлогий Георгиевский, Иоанн Максимович, Серафим Соболев и др.

⁹ Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, А.А.Зиновьев, И.А.Ильин, Л.П.Карсавин, Н.О.Лосский, Г.П.Федотов и др.

¹⁰ М.А.Алданов, Н.Н.Берберова, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, А.М.Горький, Б.К.Зайцев, Е.И.Замятин, Д.С.Мережковский, В.В.Набоков, А.Д.Синявский, А.И.Солженицын, И.С.Шмелев и др.

¹¹ П.М.Бицилли, А.А.Кизеветтер, В.В.Леонтович, Б.Г.Литвак, Г.М.Катков, С.П.Мельгунов, М.М.Ростовцев и др.

¹² Б.Д.Бруцкус, С.Н.Прокопович, В.В.Леонтьев, С.О.Загорский, М.В.Бернацкий и др.

¹³ Н.И.Астров, А.И.Гучков, П.Н.Милоков и др.

¹⁴ Ф.В.Винберг, А.Н.Крупенский, Н.Е.Марков, В.В.Шульгин.

¹⁵ Н.Д.Авксентьев, П.Б.Аксельрод, М.А.Бакунин, А.И.Герцен, Ф.И.Дан, П.А.Кропоткин, П.Л.Лавров, В.И.Ленин, Ю.О.Мартов, В.А.Мякотин, А.В.Пешехонов, И.Г.Церетели, Н.В.Чайковский, В.М.Чернов и др.

¹⁶ П.Н.Врангель, Н.Н.Головин, А.И.Деникин, П.Н.Краснов.

¹⁷ В том числе: Института российской истории РАН, Института военной истории МО РФ, Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Государственного университета – Высшей школы экономики, Российского университета дружбы народов, Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Московского государственного лингвистического университета, Московского педагогического государственного университета, Московского государственного областного университета, Военно-технического университета и др.

Мичуринска, Орла, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Тамбова и других городов. Среди авторов статей – доктора¹⁸ и кандидаты¹⁹ наук.

Обращу внимание на тот факт, что между выходом в 1997 году энциклопедии «Золотая книга эмиграции» и изданием 2009 года не было предпринято попытки издания *обобщающей* энциклопедии по Русскому зарубежью, хотя и вышел ряд тематических изданий²⁰. В перспективе нужно ставить вопрос об издании *многотомной* энциклопедии или словаря, который может быть построен по типу биографического словаря «Русские писатели, 1800–1917». Однако приведенный пример показывает и возможные сложности такого масштабного проекта. Первый том «Русских писателей» вышел в 1989 году, а пятый (буквы П–С) – в 2007 году, т.е. почти через 20 лет!

Свой вклад в издание внесли молодые историки²¹. Таким образом, эта и другие наши энциклопедии стали возможностью «выйти в свет» для исследователей, уже состоявшихся в научном плане. Это особенно важно для тех, кто работает в провинции. С 1990-х годов научные связи в России ослабли. Продолжают выходить интересные и нужные монографии. Однако издаваемые мизерными тиражами в 50, 100 или 500 экземпляров, они слабо введены в научный оборот и зачастую недоступны не только для широкого читателя, но и для исследователя. Проблему представляет и специфика комплектации библиотечных фондов, когда от выхода книги из типографии до ее появления в каталоге проходит от нескольких месяцев до года. Если в Москве и Санкт-Петербурге проблему помогают решить библиотеки, то в провинции можно полагаться или на личные связи, или же на интернет-ресурсы. Осуществленные проекты по изданию энциклопедий стали своеобразной научной школой для подрастающего поколения новых исследователей.

¹⁸ П.В.Акульшин, Д.В.Аронов, В.Э.Багдасарян, И.В.Гречаник, Л.Н.Доброхотов, В.В.Журавлев, В.А.Исаков, С.М.Исхаков, Д.В.Маслов, О.А.Милевский, О.Н.Наумов, А.П.Ненароков, И.Б.Орлов, В.С.Парсамов, Е.Л.Петренко, Л.Г.Протасов, А.В.Репников, И.С.Розенталь, И.В.Сабенникова, А.Д.Степанский, В.Л.Телицын, В.С.Христофоров, В.И.Цепилова и др.

¹⁹ И.В.Андреев, Н.В.Антоненко, С.В.Ашмарина, Я.А.Бутаков, И.Н.Гребенкин, А.А.Иванов, Н.И.Канищева, Д.В.Карпунин, В.Г.Макаров, А.Ю.Минаков, Е.М.Мяжкова, О.Л.Протасова, Р.Б.Ромов, П.Ю.Савельев, А.Н.Свалов, С.М.Сергеев, Т.М.Симонова, К.А.Соловьев, А.А.Федоренко, Н.Б.Хайлова и др.

²⁰ Словари и энциклопедии С.В.Волкова о русской военной эмиграции и т.д.

²¹ А.В.Антошин, И.Н.Гребенкин, А.А.Иванов, И.В.Каложина, Д.В.Маслов, Е.М.Мяжкова, С.М.Санькова, И.А.Сафонов, К.А.Соловьев, М.А.Тюрников, Н.Е.Тюрикова, И.В.Чубыкин и др.

Авксентьев Н.Д.

Аксельрод П.Б.

Алданов М.А.

Антоний Храповицкий

Бакунин М.А.

Булгаков С.Н.

Бунин И.А.

Врангель П.Н.

Герцен А.И.

Дан Ф.И.

Деникин А.М.

Жаботинский З.

Замятин Е.И.

Зиновьев А.А.

Ильин И.А.

Керенский А.Ф.

Кожев А.А.

Кропоткин П.А.

К сожалению, за годы работы над изданиями ушли из жизни авторы и участники проектов «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» и «Общественная мысль Русского зарубежья»²².

Исследовательские и издательские проекты по подготовке серии энциклопедий, посвященных общественной мысли России и Русского зарубежья, отечественному либерализму и консерватизму, были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), за что составители и авторы выражают ему искреннюю признательность.

В завершение отмечу, что многие из авторов энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья»²³ публиковали (некоторые неоднократно) свои статьи на страницах журнала «Россия XXI». Поэтому особо отрадно, что именно это издание предоставило свои страницы для проведения «круглого стола».

Иерусалимский Юрий Юрьевич

Сегодня мы обсуждаем отраслевую энциклопедию «Общественная мысль Русского зарубежья», вышедшую под редакцией профессора, лауреата Государственной премии РФ В.В.Журавлева. В энциклопедии детально и подробно представлен весь срез общественно-политической мысли России с середины XIX века до настоящего времени – от монархистов до революционеров. Связующим звеном через все статьи данного издания проходит справедливая мысль о взаимопроникновении и взаимообогащении культур Запада и России и существенной, а зачастую и определяющей роли в данном процессе всех волн русской эмиграции.

Одно из определений термина «энциклопедия» гласит, что это научное или научно-популярное справочное издание, содержащее систематизированный свод знаний. Все энциклопедии делятся на универсальные, региональные и отраслевые. Материал в указанных изданиях располагается в алфавитном порядке или по систематическому принципу – по отраслям знаний, а внутри «отраслевых» разделов также по алфавиту.

Вначале остановимся на краткой характеристике основных типов энциклопедий, а также наиболее известных изданий этого рода. Среди универсальных энциклопедий стоит отметить старейшую французскую «Энциклопедию...» в 35 томах, увидевшую свет еще во второй полови-

²² Это известные российские ученые: П.Н.Зырянов, М.П.Мчедлов, Н.В.Минаева, А.Д.Степанский, Е.Ю.Тихонова, Е.Л.Петренко.

²³ В.В.Журавлев, В.Г.Макаров, А.Ю.Минаков, Е.М.Мягкова, А.П.Ненароков, А.В.Репников, И.С.Розенталь, Т.М.Симонова, В.С.Христофоров.

не XVIII столетия. Для истории отечественной энциклопедистики чрезвычайно важен многотомный знаменитый энциклопедический словарь, выпущенный акционерным издательским обществом Ф.А.Брокгауз – И.А.Эфрон на рубеже XIX – XX вв. Буквально через несколько лет вышло второе издание этой энциклопедии. В советское время увидели свет три издания Большой советской энциклопедии. Универсальными энциклопедиями также являлись многотомные немецкая энциклопедия «Брокгауз», Британская Энциклопедия и «Большой Ларусс» (Франция). Также существуют различные многотомные универсальные энциклопедии для детей и юношества, с разбивкой внутри них по томам, сделанной по отраслевому принципу. Так, в конце XX столетия в РФ увидела свет «Энциклопедия для детей» издательского центра «Аванта+», включая три книги тома «История России и ее ближайших соседей».

За последние 30 лет во многих областях РФ были созданы региональные энциклопедии²⁴, среди которых предпочтение отдается историко-культурным энциклопедиям и биографическим справочникам.

Из отраслевых справочников выделяются тома энциклопедии по истории России, изданные в конце XX в.²⁵; культурологические энциклопедии; отраслевые тематические энциклопедии, анализирующие отдельные периоды и проблемы истории нашей страны²⁶. Выходили энциклопедии и в период перестройки²⁷.

В начале этого столетия появились энциклопедия «Отечественная война 1812 года» (М.: РОССПЭН, 2004), а также уже упоминавшаяся энциклопедия «Общественная мысль России XVIII – начала XX века». Логическим продолжением этого научно-справочного издания является предмет обсуждения нашего круглого стола – новая книга РОССПЭНа «Общественная мысль Русского зарубежья». По сути, две последние энциклопедии сводят воедино два направления русской общественно-политической мысли. Как справедливо отметил в предисловии В.В.Журавлев, «в совокупности они представляют собой первую в оте-

²⁴ Москва: Энциклопедия. М., 1980; 1997; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004; Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль, 2009; и др.

²⁵ Отечественная история: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994–2000. Т.1–3. (Издание завершено не было.)

²⁶ Так, в середине 1980-х годов был издан «Военный энциклопедический словарь» (М., 1984).

²⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1985; Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987; Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1987.

чественной научной литературе попытку объединить... две трагически разведенные историей ветви самопознания лучшими умами Отечества русской души, русского характера и русского интеллекта...».

Энциклопедия «Общественная мысль русского зарубежья» анализирует все вехи русской эмиграции, все ее направления – от монархистов на правом крыле, либералов в центре и революционеров слева, с детальной характеристикой зарубежной деятельности отечественных крупнейших политических организаций. Она включает в себя вопросы географии Русского зарубежья, с конкретизацией по отдельным странам²⁸; сведения о персоналиях (более 160 объемных биографических статей с характеристикой идейно-теоретических воззрений); проблематику концепций и теоретико-мировоззренческих представлений эмигрантских кругов (см. статьи: «Идеология русского монархизма в эмиграции», «Евразийство», «Сменовеховство» и др.) и многое другое.

Основная идея редакционной коллегии энциклопедии состоит во взаимопроникновении и взаимодействии российской и западной общественной мысли посредством теоретической и практической деятельности представителей русской эмиграции. В энциклопедии детально проанализирован целый спектр проблем: география общественной мысли Русского зарубежья, организации отечественных социалистов – социал-демократов и социалистов-революционеров – за границей. В научно-справочном издании представлены фундированные сюжеты о зарубежной деятельности главной российской либеральной партии – кадетской, а также русских монархистов. Статьи содержат большое количество информации по описываемой проблематике и вместе с тем изложены образным, ярким, легко читаемым языком. Даже специалист по теме сможет найти в них новый для себя материал. Вместе с тем внимание к деталям и подробностям не заслонило общую концепцию энциклопедии, а, напротив, подняло ее на новый уровень обобщения и анализа.

Биография тех или иных политических деятелей в персональных разделах энциклопедии дана в тесной связи с их идейными и теоретическими изысканиями. Таковы статьи о лидере анархистско-бунтарского направления М.А.Бакуanine (автор В.А.Исаков), революционере и консерваторе Л.А.Тихомирове (авторы О.А.Милевский и А.В.Репников), лидере меньшевиков Ю.О.Мартове (авторы А.П.Ненароков и П.Ю.Савельев) и многих других представителях различных политических спектров общественно-политической и культурной жизни Русского зарубежья.

²⁸ Германия, Франция, Италия, Великобритания, Чехословакия, Югославия, США и др.

Примером деликатного авторского отношения к подаче материала, без использования ярлыков и шаблонов, являются статьи А.Н.Свалова, посвященные таким глубоко политизированным темам, как анализ литературно-публицистического наследия В.И.Ленина и Г.В.Плеханова. Автор рассматривает активное участие первого русского марксиста и лидера большевиков во II съезде РСДРП, анализирует их идейно-теоретические искания за рубежом в период Первой российской революции 1905–1907 годов и Первой мировой войны. В энциклопедии выявлены общие положения и острые разногласия во взглядах Г.В.Плеханова и В.И.Ленина на различные события общественно-политической жизни России, при этом все материалы органично увязаны с основной проблематикой энциклопедии – Русским зарубежьем.

В качестве пожеланий стоит отметить необходимость более широкого использования, несомненно, хорошо известных авторам энциклопедии публикаций источников²⁹. Можно было бы шире использовать исследовательские работы, где затронута тема общественной мысли Русского зарубежья³⁰. В разделе «Экономическое положение эмиграции» уместно смотрелся бы сюжет о претензиях русских эмигрантов к военному атташе в Париже графу А.А.Игнатьеву по поводу российских финансов, хранителем которых во Франции он являлся. Известно, что он, вопреки требованиям эмигрантских кругов и давлению ближайших родственников (кроме жены), передал имеющиеся в его распоряжении казенные средства правительству СССР и принял советское гражданство.

В то же время мне – как представителю Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, главному редактору «Энциклопедии Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология» и двух томов справочника «Ярославский край в XX веке: Кто есть кто» (Ярославль, 2007 и 2008) – особенно приятно увидеть статьи, повествующие о ярославских страницах деятельности виднейших либеральных деятелей Д.И.Шаховского и А.В.Тырковой-Вильямс (ей посвящена отдельная статья).

²⁹ Мартов Ю.О. *Избранное: сборник трудов*. М., 2000; *Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года*. М., 1991; и т.п.

³⁰ *Политическая история России в партиях и лицах*. М., 1994; *Общественные организации в политической системе России 1917–1918*. М., 1992; *Ильяицук Г.И. Большевики 1917 г. в оценках его лидеров*. М., 1992; *Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 годах*. М., 1998; и ряд других.

Энциклопедия также содержит все необходимые атрибуты справочно-информационного издания: тщательно составленный указатель имен, псевдонимов, детальный библиографический список источников и литературы после каждой статьи и в конце всей книги, список сокращений и т.д. Библиографические ссылки заслуживают отдельного внимания: в результате в научный оборот был введен большой комплекс документов как опубликованных, так и неопубликованных. Источниковую основу статей составили архивные фонды, периодическая печать, воспоминания, материалы из дореволюционных и зарубежных изданий, справочники, давно ставшие библиографической редкостью.

В.В.Журавлев пригласил к работе над проектом лучших специалистов по указанной проблематике, которые создали серьезные и фундаментальные общетеоретические и биографические статьи. Вполне закономерно и логично, что персоналии, помещенные в энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX века», также анализируются (зачастую одними и теми же исследователями, но в ином ключе) в рецензируемом научно-справочном издании. Подобный прием позволяет глубже раскрыть взаимосвязь и взаимовлияние двух направлений отечественной научной мысли.

Карнишин Валерий Юрьевич

Вне сомнения, издание энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья» стало заметным событием в научной жизни. Первые отклики в средствах массовой информации справедливо обращают внимание на то, что, во-первых, энциклопедия представляет «собой редкий пример уважительного и внимательного отношения к лицам и событиям минувших дней»³¹; во-вторых, «является бесспорным свидетельством подлинного осмысления нашего историко-культурного наследия»³². Отмечается, что «думающий читатель получает в свое распоряжение настоящий компас, помогающий ориентироваться в безбрежном море информации об истории Русского зарубежья»³³. Особо подчеркивается междисциплинарный характер данного издания³⁴.

³¹ См.: [Рецензия] // *Завтра*. 2009. №49.

³² Колодяжный И. *Другие берега* // *Литературная Россия*. 2010. №2/3. С.4.

³³ Морозов А.Ю. *Фундаментальный труд по общественной мысли Русского зарубежья* // *Преподавание истории в школе*. 2010. №1. С.75.

³⁴ Овечкин П.А. [Рецензия] // *Гуманитарный вестник*. 2010. №1. С.191–195.

Подготовка к печати энциклопедии потребовала колоссальных усилий организаторов проекта (В.В.Журавлев и А.В.Репников) и авторского коллектива, объединившего представителей различных направлений общественно-научной мысли современной России. Составителям издания удалось разработать достаточно четкую научную концепцию проекта, квинтэссенцией которой стала формулировка главной задачи – «проследить состояние, внутреннее содержание, тенденции и процессы эволюции общественной мысли Русского зарубежья, в хронологических границах всех пяти волн эмиграции, начиная с 30–40-х годов XIX в. и завершая концом прошлого столетия...» (С.5).

Потребность изучения общественной мысли определяется различными обстоятельствами. Среди них отметим необходимость осмысления альтернативных моделей социально-экономического, политического развития страны; стремление сопоставить опыт модернизации в российском (советском) и зарубежном измерениях; попытку уяснить место России в контексте глобализации. Данным факторам соответствует структура энциклопедии (10 аналитических статей и 163 биографических очерка). Нельзя не отметить особую ценность материалов, авторами которых введены в научный оборот новые архивные документы. Масштаб проблем, рассмотренных в аналитических статьях, достаточно впечатляющ: география общественной мысли, зарубежные структуры социал-демократов, кадетов, монархистов, консерваторов. В этом ряду и статьи, посвященные евразийству, сменовеховству, деятельности депутатов Учредительного собрания, первой массовой депортации деятелей русской культуры осенью 1922 г. Авторами этих и других статей выступили известные российские исследователи различных поколений, что дает основание для вывода о том, что традиции научных школ, складывающиеся на протяжении десятилетий, нашли достойных продолжателей.

В целом, наибольшее (не только по количеству, но и по объему) число статей и очерков подготовлено А.Л.Дмитриевым, Н.И.Канищевой, В.Г.Макаровым, А.П.Ненароковым, Е.Л.Петренко, А.В.Репниковым, И.С.Розенталем, И.В.Сабенниковой, П.Ю.Савельевым, К.А.Соловьевым, А.А.Федоренко, Н.Б.Хайловой. Заслуживает внимания то обстоятельство, что составители энциклопедии учли некоторые замечания и предложения, высказанные в процессе обсуждения предшествующей энциклопедии, посвященной общественной мысли XVIII – начала XX века.

Расширены представления о религиозной мысли России (очерки об Антонии Храповицком, Евлогий Георгиевском). Несомненно, на наш взгляд, востребованность подготовленной И.В.Сабенниковой «Зару-

бежной архивной Россики» (следует заметить, что в дальнейших энциклопедических изданиях целесообразно размещать ссылки на ряд электронных ресурсов Интернета). Опубликованные составителями указатели имен, авторов, бесспорно, дополняют позитивные характеристики издания.

Размышляя о содержании энциклопедии, читатель не может не стремиться к поиску интересующих его проблем и персонажей, что, впрочем, вполне естественно. Насколько справедливо мнение о целесообразности включения в число персонажей издания В.В.Набокова, С.Г.Нечаева при отсутствии имен Ф.И.Тютчева, И.Л.Солоневича, Антония Блума?³⁵ Оставим этот и другие подобные вопросы для обсуждения другими читателями. На наш взгляд, в энциклопедии, к сожалению, не нашлось места аналитической статье с хотя бы краткой характеристикой пяти волн эмиграции, о которой упоминается во вводной статье. Вызывает сожаление и отсутствие специальной статьи, посвященной религиозной мысли Русского зарубежья (между тем эта тема нашла отражение в многочисленных публикациях двух последних десятилетий)³⁶.

Публикация очерка о К.В.Родзаевском (авторы – П.Ч.Демидович и М.Ю.Чернавский) предполагает, по нашему мнению, необходимость отдельной статьи, посвященной русскому национализму и фашизму. Очевидна важность обстоятельного очерка, посвященного Л.Д.Троцкому и троцкизму – одному из важных явлений общественной мысли. Можно приветствовать обстоятельность материала, посвященного В.К.Винниченко (автор – А.А.Федоренко), посетовав, что составители не включили в словник имя М.С.Грушевского – одного из лидеров украинского национального движения. Перечень пожеланий может быть продолжен, что отражает искреннюю заинтересованность и небезразличие к содержанию уникального издания.

В совсем не давние времена задачи, решаемые в энциклопедии, были уделом не одного академического института. Можно порадоваться за научный коллектив Института общественной мысли, который внес и вносит большой вклад в развитие гуманитарных исследований, а также за читателей, давно ожидавших выхода книги. Тандем Института общественной мысли с издательством РОССПЭН дал науке уникальные эн-

³⁵ См.: Колодяжный И. Указ соч.; *Завтра*. 2009. №49. С.7.

³⁶ Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // *Вопросы истории*. 2001. №9; *Международная научная конференция «Религиозная деятельность русского зарубежья»*, 9–10 ноября 2005 г. Материалы. М., 2005; и др.

циклопедические издания. Последние из них (2010 г.) посвящены российскому либерализму и консерватизму. Убежден, что научное сообщество будет благодарно подвижнической работе коллег.

Омельянчук Игорь Владимирович

Одной из самых актуальных проблем российского общества последних десятилетий является его политическая консолидация. Появление энциклопедии, посвященной общественной мысли Русского зарубежья, возвращает идейное наследие наших соотечественников, оказавшихся волею судьбы за пределами Родины, что, на наш взгляд, будет способствовать сближению полюсов русского политического пространства и снижению накала противостояния «красных» и «белых», до сих пор наблюдаемого в российском социуме. Кроме того, общественная мысль Русского зарубежья представляет особый интерес. Ведь она развивалась с учетом опыта социальных катаклизмов трех российских революций и гражданской войны и в то же время была свободной от идеологических штампов и догм, господствовавших в СССР. Порожденное этими обстоятельствами многообразие социально-политических концепций и теорий является безусловным достижением отечественной общественной мысли. Хотелось бы специально остановиться на этих сюжетах.

Русская эмиграция не представляла собой идеологического монолита, распадаясь на ряд политических течений, порой достаточно враждебных друг другу. Но общее поправление ее было заметно, что говорит о своеобразном «консервативном реванше» после длительного доминирования радикализма в общественных настроениях.

Блок «Энциклопедии», посвященный правым деятелям Русского зарубежья, открывается статьей Н.В.Антоненко, посвященной идеологии монархического движения. Автор справедливо указывает, что в эмиграции система взглядов русских монархистов пережила определенную трансформацию, тем не менее «искусно вплетенные в доктринальную платформу» правых «сначала либеральные, а затем социалистические элементы значительно изменили внешний облик русского монархизма, но не затронули его фундаментальных основ» (С.132). По мнению Н.В.Антоненко, попытки политической консолидации русской эмиграции не могли привести к успеху из-за идеологических разногласий, не только не преодоленных, но даже усилившихся за пределами России. Она выделяет несколько течений в монархическом движении, различавшихся и по своей конечной политической цели, и по способу ее достижения. Правые монархисты, отличавшиеся, как и их предшественни-

ки в России, известной политической пассивностью, надеялись на пере-рождение советской власти, монархисты-конституционалисты делали ставку на вооруженный переворот, а левое крыло монархизма, представленное в основном военной эмиграцией возлагало все надежды на иностранную интервенцию (С.129, 130). Если к ним добавить и легитимистов, выступавших под лозунгом «Царь и Советы», то становится очевидным, что создание единого национального фронта в тот момент не представлялось возможным. Также вряд ли можно оспорить утверждение автора о том, что монархисты Русского зарубежья «так и не смогли уяснить неадекватность предлагаемой ими... модели обновленному российскому обществу» (С.132).

В то же время в статье имеется несколько неточных выражений. Так, на с.125 говорится, что «монархическое движение в эмиграции объявило себя не классовым, а национальным». Но приоритет национальных интересов над классовыми изначально (а не со времен эмиграции) был краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Далее исследовательница указывает, что правые выступали за «исторически сложившийся» союз государства и Церкви, и в то же время говорит об их стремлении установить «тотальный контроль» государства над Церковью (С.129). Думается, первое утверждение ближе к истине, ибо слова о засилье «синодальной бюрократии» и о «симфонии» (равноправном союзе) государства и Церкви были постоянным рефреном выступлений правых до 1917 года. Да и выполнение Церковью роли «духовно-нравственного арбитра», о которой говорится далее, вряд ли возможно в условиях ее полного подчинения государству. Достаточно противоречиво на наш взгляд и следующее утверждение: «Средством стимулирования индустриального развития объявлялась государственная поддержка всех видов производства, сведение к минимуму государственно-го вмешательства в производственную сферу» (С.128). Думается, «государственная поддержка» производства все же предполагает «вмешательство» государства. К тому же на следующей странице автор пишет, что «монархисты были убежденными сторонниками широкого вмешательства государства в экономику» (С.129). Тем не менее, несмотря на эти неточности, статья Н.В.Антоненко оставляет очень хорошее впечатление. Ведь автору удалось в ограниченном «энциклопедическом» формате сформировать у читателя достаточно полное и объективное представление о формах деятельности, социальной базе, основных идеологических течениях и внутренних конфликтах русского монархического движения в эмиграции.

На страницы «Энциклопедии» попало много персоналий, представлявших монархическое крыло русской эмиграции. Статьи о них можно сгруппировать по двум критериям: по авторам и собственно по персонажам.

Три статьи И.В.Калюжиной посвящены правым деятелям, Антонию (Храповицкому), Евлогию (Георгиевскому), Иоанну (Максимовичу), занимавшим видное место в церковной иерархии. Причем Храповицкий и Георгиевский возглавляли два течения в православной церкви за рубежом.

Р.Б.Ромову принадлежит авторство статей об одном из лидеров черносотенного движения Н.Е.Маркове 2-м и «его правой руке» – Н.Д.Тальберге, А.А.Иванову – о профессоре Т.В.Локте. Взгляды этого политика эволюционировали от умеренно социалистических к умеренно-правым (националистическим), а впоследствии он попытался объединить идеологию Союза русского народа и трудовиков. Иванову принадлежат и статьи о непреклонных сторонниках самодержавия Ф.В.Винберге и Н.Д.Жевахове, считавших революцию еврейским заговором против христиан. Но если Винберг боролся за свои идеи с оружием в руках и даже организовал покушение на П.Н.Милюкова, то Жевахов полагал, что победа над большевизмом возможна только «религиозно-нравственным путем» (С.297, 298).

Масштаб личностей таких теоретиков, как И.А.Ильин, В.В.Шульгин и Л.А.Тихомиров, потребовал коллективного труда, и статьи о них написаны А.В.Репниковым в соавторстве соответственно с В.Г.Макаровым, В.С.Христофоровым и О.А.Милевским.

Особого внимания заслуживает статья, посвященная И.А.Ильину – личности, еще недавно относимой к разряду одиозных, а нынче часто цитируемой на высшем политическом уровне. Излагая этапы жизненного пути и анализируя его творческое наследие, В.Г.Макаров и А.В.Репников смогли ярко показать всю сложность, противоречивость и одновременно масштабность этой фигуры. И.А.Ильин развивал в своем творчестве идеи Л.А.Тихомирова и других дореволюционных консервативных мыслителей, отвергая при этом идеологию и политическую практику правых партий, полагая, что «черносотенство есть противогосударственная корыстная правизна в политике». Он был сторонником абсолютной частной собственности, но выступал против капитализма, который приводит к «производственной беспомощности бедной массы населения» (т.е. пролетаризации. – *И.О.*), порождая в его среде «обостренную зависть», следствием которой может стать революция. «Этого не должно быть нико-

гда и нигде», – считал И.А.Ильин. (С.321, 322). Авторы не умалчивают о симпатиях Ильина к фашистскому движению в Италии и национал-социализму в Германии, но в то же время подчеркивают, что в понимании Ильина фашизм являлся европейской интерпретацией русской национальной идеи, «идеи Мономаха и Сергия Радонежского... Минина и Пожарского», правда, идеи ущербной, лишенной религиозного мотива. (С.320). Указывая на непримиримый антисоветизм Ильина, авторы показывают, что неприятие советского строя все же не привело его в лагерь противников Советской России, считавших, что после победы большевизма на месте страны возникла некая «черная дыра» и что ради победы над большевиками можно объединяться с кем угодно (как это произошло с некоторыми представителями русской эмиграции).

В материале, посвященном В.В.Шульгину, А.В.Репников и В.В.Христофоров смогли в скупом жанре энциклопедической статьи максимально подробно описать биографию своего героя, прожившего 98 лет весьма активной жизни. Большую помощь в этом оказали материалы следственного дела Шульгина, недавно опубликованные отдельной книгой³⁷.

Следует отметить, что биографии и политические взгляды всех правых деятелей русской эмиграции изложены в «Энциклопедии» весьма обстоятельно и на репрезентативном фактологическом материале, а авторы сумели пройти «между Сциллой и Харибдой», избежав крайностей в оценке своих персонажей. Остается лишь сожалеть об отсутствии материала о И.Л.Солоневиче, труды которого, наряду с работами попавших на страницы «Энциклопедии» И.А.Ильина, П.Б.Струве и В.В.Шульгина, составляли, по словам Н.В.Антоненко, «теоретическую базу» политической доктрины русского монархизма в эмиграции.

Несколько особняком от «правых» и «левых» персонажей энциклопедии стоит материал, посвященный идеологу национал-большевизма Н.В.Устрялову (авторы А.В.Репников, С.М.Сергеев, М.Ю.Чернавский). В целом, в статье удалось охарактеризовать взгляды бывшего либерала, сменившего вехи. Мыслитель был готов не только отстаивать свою позицию, но даже принести себя в жертву: «Государство ныне строится, как в годы Петра, суровыми и жесткими методами, подчас на костях и слезах. В своей публицистике я осознал этот процесс, уясняя его

³⁷ *Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г.Макарова, А.В.Репникова, В.С.Христофорова; Коммент. В.Г.Макарова, А.В.Репникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010.*

смысл и неоднократно призывал понять и оправдать его. Тем настоятельнее необходимость сделать из этих ответственных призывов не только логический, но, когда нужно, и жизненный вывод. Ежели государству понадобятся и мои собственные "кости", – что же делать, нельзя ему в них отказывать» (С.575). Так и произошло. По возвращении на родину он был расстрелян по сфабрикованному обвинению.

В целом же, полагаю, энциклопедия будет востребована читателями (и не только профессиональными историками), которые найдут в ней объективную информацию о целом пласте нашей культуры, ранее редко в таком масштабе и на таком высоком научном уровне попадавшем на страницы энциклопедических справочников.

Зверев Василий Васильевич

Труд «Общественная мысль Русского зарубежья» интересен и содержателен в нескольких аспектах. В первую очередь следует отметить, что представлены материалы, которые в обобщенном и систематизированном виде (что и является необходимым требованием к энциклопедическим изданиям) никогда ранее не появлялись. Охватить пять волн российской эмиграции, суметь выделить в ней существовавшие идейные направления, охарактеризовать в относительно кратких по объему статьях взгляды конкретных авторов – задача, принадлежащая к категории далеко не простых. В общем и главном авторскому коллективу, редакционной коллегии удалось достигнуть поставленной цели. И в этом отношении эвристическая составляющая энциклопедии несомненна. Вышедший том фундаментален и вызовет внимание пытливых умов.

Это издание важно еще по одной причине. В последнее время историки как-то стали стыдиться упоминания об одной из фундаментальных функций исторического знания – бережном сохранении памяти о прошлом. Увлечение модным постмодернистским интерпретаторством, нередко исключаящим объективизм подхода и глубину анализа, сродни замене искусства шоу-бизнесом. Рискуя прослыть ретроградом, тем не менее, настаиваю на том, что, проходя через очередные попытки новаций, историческое сообщество будет возвращаться к основополагающему тезису научного труда – «показать, как было все в действительности». Пожалуй, нигде, как в энциклопедических статьях, не проявляется та степень достоверности и выверенности суждений, которая и должна быть присуща научному знанию. И именно данная черта отличает вышедшее издание, что, согласитесь, не может не радовать.

Другой аспект, на котором хотелось бы остановиться, непосредственно относится к преемственности, существующей между «Общественной мыслью Русского зарубежья» и вышедшей ранее «Общественной мыслью России». Преемственность, которая одновременно в чем-то облегчала предпринятую работу, а в чем-то ее усложняла. Облегчала в силу того, что был уже приобретен необходимый опыт, проработаны и апробированы некоторые модели, экспозиции, материалы. А усложняла, поскольку появлялся искуc пойти по проторенной дороге, использовать, казалось бы, уже доказавшие эффективность трафареты и штампы, которыми часто грешат всевозможные «популярные» и околонучные энциклопедии, наводнившие полки магазинов в последние годы. Как мне кажется, этой опасности удалось избежать.

Значительную позитивную роль в этом сыграли вводные статьи³⁸. По своей сути, они самостоятельные сочинения, задающие общий тон входящих в издание публикаций. Но не только.

Вводные статьи при всем разнообразии их тематической направленности и содержания ставят центральную проблему работы – проблему судьбы оказавшихся за рубежом россиян. Разные причины влияли на эмиграцию за границу, по-разному происходили процессы складывания диаспоры, далеко не простыми были и отношения между представителями столь несхожих течений общественной мысли. Пожалуй, единственными духовными скрепами оставались родной язык и культура. Именно они определяли принадлежность к сообществу покинувших родную страну людей. По большому счету и предназначением оказавшихся в эмиграции мыслителей стало сохранение тех духовных начал, которые они считали жизненно важными для России, если не в конкретных политических условиях, то в отдаленной исторической перспективе. Наряду с этим к числу безусловных заслуг общественной мысли зарубежья следует отнести и разработку таких проблем, которые в Советском Союзе не могли ставиться по идеологическим причинам.

³⁸ «География общественной мысли зарубежья» (И.В.Сабенникова), «Зарубежные группы и организации российских социал-демократов» (А.П.Ненароков, П.Ю.Савельев), «Социалисты-революционеры в эмиграции» (И.А.Сафонов), «Кадеты в эмиграции» (Н.И.Канищева), «Идеология русского монархизма в эмиграции» (Н.В.Антоненко), «Депутаты Учредительного собрания в эмиграции» (Л.Г.Протасов), «Зарубежный съезд консервативных сил Русского зарубежья» (Н.И.Канищева), «Евразийство» (В.Г.Макаров), «Сменовеховство» (Е.Л.Петренко), «Философский пароход» (В.Г.Макаров, В.С.Христофоров).

Другими словами, сбережение наследия Русского зарубежья и дума о будущем – так можно определить миссию русского культурного ареала, не отделявшего себя от Родины и, как свидетельствуют трагические изломы XX века, неотделимого от страны и народа.

Нельзя не сказать и о другом: пребывание в иной этно-социокультурной среде неминуемо сказывается не только на составе диаспоры, но и на взаимосвязи с далекой Родиной. Уже второе и третье поколение по своим взглядам, представлениям и настроениям отличается от отцов и дедов. Если для старших ностальгия была воспоминанием о несостоявшемся счастье, то младшие уже оперируют более приземленными рациональными категориями. Но и в этом случае, как мне кажется, определяющим элементом по-прежнему является то неуловимое ощущение русскости, которое живет и поддерживается благодаря традициям, устоявшимся элементам быта, верованиям.

В связи с последним тезисом хотел бы указать на один из недочетов, который бросается в глаза: среди вводных статей явно недостает материала об эволюции за рубежом религиозно-философского направления общественной мысли. Отдельные статьи, посвященные ее наиболее значимым и ярким личностям, не снимают вопрос, а, напротив, только подчеркивают необходимость его решения.

И еще одно из замечаний, которое в большей степени относится к изучению Русского зарубежья в целом. Несмотря на появление в последнее время значительного числа работ, расширяющих и обогащающих наши представления о российской диаспоре, в концептуальных подходах они все-таки в подавляющем большинстве остаются европоцентричными. Особенно наглядно это проявляется на примере состояния исследований русской эмиграции в странах Латинской Америки. Как мне кажется, эта тема и по сию пору остается *terra incognita*. А исследование процесса восприятия иной цивилизационной модели, приспособления к ней (или ее приспособления) может стать весьма перспективным и продуктивным.

Как мне кажется, даже высказанные замечания о необходимости дальнейших шагов по исследованию малоизученных проблем еще раз свидетельствуют о научной значимости и актуальности вышедшего энциклопедического издания. Любая фундаментальная работа обязана не только подводить предварительные итоги, но и определять конкретные задачи, в основе которых лежит в том числе и их востребованность современным обществом.

Лавров П.Л.

Ленин В.И.

Максимов В.Е.

Мережковский Д.С.

Милюков П.Н.

Набоков В.В.

Николаевский Б.И.

Новгородцев П.И.

Плеханов Г.В.

Расул-заде М.

Савелов Л.М.

Савинков Б.В.

Савицкий П.Н.

Сорокин П.А.

Струве П.Б.

Тихомиров Л.А.

Устрялов Н.В.

Шульгин В.В.

Белов Андрей Михайлович

В последние годы в московском издательстве РОССПЭН одна за другой появляются интересные, несущие богатый информационный материал энциклопедии по истории общественной мысли России (2005), российского либерализма и консерватизма (обе – 2010) и Русского зарубежья. Предметом нашего обсуждения является именно последняя из перечисленных энциклопедий, позволяющая читателю в полной мере представить взгляды разбросанных по миру катаклизмами XX века представителей России (Советского Союза) на важные события истории страны последних двух столетий.

Что бросается сразу в глаза, когда сравниваешь обе энциклопедии по истории общественной мысли?

Во-первых, новейшее издание, благодаря указателям, является более удобным в плане поиска информации, несмотря на то, что превосходит предыдущее по объему.

Во-вторых, это издание содержит подробный обзор важнейших центров эмиграции, а также краткую историю основных эмигрантских институтов, архивов и библиотек; центров русской эмиграции в мире, что потребовало от авторов достаточно трудоемкой работы в фондах так называемой «Пражской коллекции» в Государственном архиве РФ, использования специальной литературы. К сожалению, такого обобщающего обзора по источникам общественной мысли России в издании 2005 года нет, хотя можно было бы (как это сделано в издании 2009 года) дать значительные по объему статьи о консервативных, либеральных, социалистических, народнических и иных течениях общественной мысли. В этом отношении включение в энциклопедию «Общественная мысль Русского зарубежья» значительной по объему первой части выглядит вполне оправданным и даже необходимым.

Энциклопедия по истории общественной мысли России предлагает максимально широкий подход в плане оценки вклада государственных деятелей в развитие страны, включая и русских монархов. Продолжая следовать принципам исторической объективности, авторы энциклопедии 2009 года включают в нее самых разных по своим убеждениям представителей общественной мысли. В том числе не только тех, кто признал советскую власть, но и ее активных противников (П.Н.Краснов и др.); впрочем, на наш взгляд, совершенно справедливо проведя ограничительную черту и не включив в издание откровенных предателей (А.А.Власов). Последнего, при желании, также можно отнести к эмигрантам, что, например, сделал Р.Г.Шмаглит в своем биографическом

словаре, одновременно зачислив Власова и в представители «белого» движения³⁹. Обе энциклопедии дополняют друг друга информацией, показывают, как в России и за ее рубежами русские переживали за судьбу Родины, стремились по-своему ей служить.

На наш взгляд, оправданно выглядит соединение в одном издании представителей разных волн эмиграций (всего авторы насчитывают пять волн эмиграции). Это *впервые* позволяет увидеть то общее, что характерно для русской эмиграции, – в основном (за исключением современного периода) она была политической. Впрочем, и современная неполитическая эмиграция выглядит малоутешительной. Как свидетельствуют авторы, только за 1992 год Россию покинуло около «3 тыс. ученых в возрасте до 45 лет, из которых 22% доктора и 46% кандидаты наук... Более того, ежегодно страну покидало 25% всех выпускаемых математиков и программистов, половина всех физиков-теоретиков...» (С.72). Потеряны ли эти люди для родины? Изучение предшествующих волн эмиграции показывает, что это вовсе не обязательно. Например, полностью разочаровался в своих взглядах в отношении либерального Запада Л.А.Тихомиров, вернувшийся в Россию убежденным сторонником традиционных ценностей и самобытных форм жизни в России (С.545–546). Для многих именно отрыв от родины стал необходим для понимания того, что они не могут жить без России и вне России.

Впрочем, большинство эмигрантов оставалось верными однажды избранной политической позиции и несло эмигрантский крест, сохраняя в душе верность своим идеалам. Далекое не всегда эти политические идеалы позволяли им оставаться беспристрастными. Оторванность от родины и собственные политические предпочтения мешали непредвзято оценить перемены в разных областях жизни и культуры, происходившие в послевоенное время в Советском Союзе (см. статью С.М.Саньковой о Г.П.Струве на с.531–532).

Надо отметить и разносторонность источниковой базы, стремление авторского коллектива преодолеть, как образно выразился Б.Г.Литвак, «селевой поток» (С.393) смутных перестроечных времен, реализовать тематику в рамках максимально широкого подхода к историческому процессу.

Разнообразие литературных и архивных источников (РГАСПИ, РГАЛИ, ГА РФ) позволило авторам показать политическую эволюцию

³⁹ Шмаглит Р.Г. *Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья*. М., 2006. С.25–27.

многих видных деятелей эмиграции. Ценным в статьях о персоналиях является и новая информация, в том числе из недавно рассекреченных фондов ЦА ФСБ России⁴⁰.

Стремление выявить мотивы поступков людей делают весьма убедительной и версию (Б.Л.Бурцева) о гибели Б.В.Савинкова в советской тюрьме, приведенную в очерке об этом деятеле. «По мнению Бурцева, Савинков понял, что его надежды обмануть большевиков... не удалось, а на его признание большевиков все его друзья смотрят не как на ошибку, но как на преступление и этого преступления никогда ему не простят» (С.502).

В энциклопедии также содержится обширный список опубликованных источников, путеводителей по архивам, в т.ч. на основных европейских языках, библиографический список, а также труды по проблематике России в отдельных странах.

Давая общую оценку интересному и важному для всех специалистов по отечественной истории изданию, хотелось бы выразить надежду, что работа по изучению общественной мысли России нового и новейшего времени продолжится изданием антологии (а еще лучше – многотомной библиотеки) произведений русских мыслителей. Только после этого можно будет сказать, что забытые имена действительно вернулись на родину.

Шульгин Владимир Николаевич

Коллектив авторов и известное издательство РОССПЭН порадовали специалистов и всех интересующихся развитием отечественной общественно-политической мысли новой энциклопедией, посвященной Русскому зарубежью. Это первая в нашей новейшей литературе и, безусловно, успешная попытка воссоздания картины творчества русских общественных деятелей (в том числе революционеров, либералов и консерваторов XIX–XX вв.), вынужденных длительное время жить и работать за пределами России.

Структура энциклопедии хорошо продумана и включает два раздела. В первом помещены пространные обзоры по ряду общих проблем Зарубежья (о его географии, партийном размежевании; группах и идейных течениях эмиграции, в частности, помещена интересная статья Л.Г.Протасова об эмигрантских судьбах бывших членов Учредительного собрания). Во втором, наиболее объемном разделе в алфавитном

⁴⁰ См. статьи о деятелях евразийского движения, в частности о П.Н.Савицком и К.А.Чхеидзе; о С.П.Мельгунове и В.В.Шульгине, «философском пароходе» и др.

порядке даны статьи о важнейших деятелях Зарубежья. Не вызывают сомнений хронологические рамки работы, повествующей о временах, начавшихся в XIX и продолжавшихся до конца XX века. Действительно, сначала массовое революционное движение открыло заметный исход общественных деятелей за рубежи России, значительно увеличившийся в результате победы революции и гражданской войны.

Говоря о степени точности учета персоналий – героев Зарубежья до и пореволюционного, можно свидетельствовать о достаточной полноте охвата круга представителей эмиграции, начиная с представителей декабризма и либеральных дореформенных деятелей (Н.И.Тургенев, П.В.Долгоруков) и заканчивая деятелями последней волны советской эмиграции, изгнанными из страны (А.А.Зиновьев, А.И.Солженицын и др.). Конечно, в такой значительной работе всегда можно найти лакуны. Так, применительно к XIX веку было бы уместным включить в число изучаемых лиц известных иезуитов, князя И.С.Гагарина (сослуживца Ф.И.Тютчева по русской дипломатической службе в Баварии) и его последователя И.М.Мартынова. Возможно, целесообразно было бы рассказать и о В.И.Кельсиеве, исследователе старообрядчества и народнике-шестидесятнике, бывшем одно время сотрудником Герцена и Огарева в Лондоне, но затем ушедшего «вправо», вернувшегося на родину и «прощенного» властями.

Завершая обзор, отмечу, что специалисты, бесспорно, получили хорошее пособие по изучению Русского зарубежья, являющееся залогом дальнейших исследований.

Степанов Валерий Леонидович

Как справедливо отметил во Введении В.В.Журавлев, выход в свет этого издания является «логическим продолжением» энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX века». Появление подобного труда уже давно назрело, поскольку интерес к истории Русского зарубежья возрастает из года в год. «Золотая книга эмиграции» охватывала только первую треть XX века, не была специально посвящена общественной мысли и носила общий характер. Среди персоналий отсутствовали, например, А.Ф.Керенский, В.В.Шульгин и ряд других известных политиков. Авторскому коллективу новой энциклопедии впервые удалось в рамках одного тома сконцентрировать огромный материал и воссоздать коллективный образ русских интеллектуалов, мысливших и творивших на чужбине. Книга подготовлена на высоком научном уровне, снабжена основательными вводными статьями, указа-

телями, списком источников и литературы, который имеет самостоятельное библиографическое значение.

Однако целесообразно ли для однотомного издания устанавливать столь широкие хронологические рамки? Была поставлена задача – отразить историю всех пяти волн эмиграции, начиная с 1830-х – 1840-х годов и заканчивая концом прошлого столетия. Насколько подобный подход правомерен? Ведь мы привыкли считать «Зарубежьем» эмигрантов, осевших в других странах после гражданской войны и стабилизации большевистского режима. А если создатели энциклопедии решили рассматривать тему в столь всеобъемлющем масштабе, то почему начальной гранью избран именно период царствования Николая I? Ведь за рубеж инакомыслящие бежали во все времена. И среди них были весьма яркие личности. Крупнейшая фигура средневековой эмиграции – князь А.М.Курбский. А гетман И.С.Мазепа, спасавшийся от мести Петра I на турецкой территории? Стоило ли вообще включать дореволюционный период, ведь разумное сужение хронологических рамок позволило бы расширить круг персоналий собственно «Зарубежья» и усилить аналитический компонент статей. Остаются спорными критерии отбора персоналий. Дана статья о В.К.Винниченко, но как быть с отсутствующими в энциклопедии С.В.Петлюрой, П.П.Скоропадским, Н.И.Махно и прочими «националистами»? Можно ли их безоговорочно исключить из числа российских эмигрантов? Почему в состав «Зарубежья» попал известный историк Б.Г.Литвак, уехавший в Канаду к сыну доживать свой век и продолжавший поддерживать тесные связи с российской наукой? Единственная персоналия из ныне живущих – В.К.Буковский⁴¹.

С учетом специфики моих научных интересов хочу более подробно остановиться на статьях, посвященных ученым-экономистам. Среди них выделяются работы А.Л.Дмитриева, который много лет занимается этой тематикой. Его перу в энциклопедии принадлежат статьи⁴², имеющие значительный объем. Они носят аналитический характер, свидетельствуют об основательном знании автором как литературы, так и трудов самих экономистов, без изучения которых невозможно реконструировать системы их воззрений. Высоким качеством отличается статья

⁴¹ *А.И.Солженицын и А.А.Зиновьев скончались в тот период, когда шла работа над энциклопедией и, таким образом, попали туда уже посмертно.*

⁴² *Об А.Н.Анциферове, А.Д.Билимовиче, Б.Д.Бруцкусе, П.И.Георгиевском, С.С.Коне, В.А.Косинском, М.А.Курчинском С.Н.Прокоповиче, Ф.А.Щербине.*

И.Б.Орлова о С.О.Загорском, хотя можно было бы дать материал о нем и подробнее, учитывая количество и разнообразие трудов этого ученого.

Стоит отметить добротные статьи В.Л.Телицына о В.В.Леонтьеве и С.С.Маслове, в которых продемонстрировано основательное знакомство с литературой и использованы Интернет-ресурсы. Однако статья о М.В.Бернацком выполнена тем же автором без анализа его работ и на основе главным образом некролога из «Нового журнала». Статьи Н.Б.Хайловой дают общее представление об А.И. и А.А.Чупровых, однако автор не является специалистом в области экономики и математической статистики, поэтому ограничивается пересказом работ петербургских экономистов А.Л.Дмитриева, И.И.Елисеевой и О.Б.Шейнина. В статье А.П.Ненарокова и П.Ю.Савельева о В.С.Войтинском акцент сделан на фактах его биографии и общественно-политической деятельности, но явно недостаточно раскрыты экономические взгляды.

Статья О.Л.Протасовой об А.В.Пешехонове обширна по объему и подробно излагает биографические сведения о нем, однако он почти совсем не представлен как экономист и один из крупнейших аграрников своего времени, к тому же библиография отличается явной неполнотой. Между тем О.Л.Протасовой принадлежит монография об этой персоналии. Статья О.К.Иванцовой о П.Б.Струве не отражает в достаточной степени значение и масштаб этой фигуры. Автор слабо отразила эмигрантский период его деятельности в 1920-е –1930-е годы, в то время как, используя материалы книги Р.Пайпса, можно было бы выполнить статью и на более высоком уровне. В целом же, блок статей, посвященных экономистам, дает представление о развитии этой сферы общественной мысли в Русском зарубежье.

Туманова Анастасия Сергеевна

Известный дореволюционный ученый-цивилист И.А.Покровский характеризовал идейный настрой российской юриспруденции конца XIX в. словами своего знаменитого современника, немецкого юриста О.Гирке: «Мы должны найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряем!»⁴³ «Дух искания», по мнению И.А.Покровского, отражал состояние юриспруденции дореволюционной России, которая не могла больше довольствоваться изучением действующего законодательства и ощущала свою беспомощность без «великих идей» и «все-

⁴³ Покровский И.А. *Основные проблемы гражданского права*. М., 1998. С.75–76.

общих истин», без исследования идеи права. Роль «служанки законодательства» больше ее не утравала.

Составители энциклопедий «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» и «Общественная мысль Русского зарубежья» воссоздали облик правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. практически во всей ее яркости и многообразии. В энциклопедии, посвященной общественной мысли России, перед читателем проходит широкая панорама воззрений дореволюционных российских правоведов:

- юристов старшего поколения, принадлежавших к государственной школе (Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин, А.Д.Градовский),
- их более молодых коллег по правовому «цеху», сторонников социологического направления в юриспруденции (Н.М.Коркунов, С.А.Муромцев, М.М.Ковалевский),
- представителей школы «возрожденного естественного права» (В.М.Гессен, Б.А.Кистяковский, С.А.Котляревский, П.И.Новгородцев, Е.Н.Трубецкой),
- сторонников юридического позитивизма (С.В.Пахман и Г.Ф.Шершеневич),
- теоретика психологической теории права Л.И.Петражицкого и др.

Основная заслуга в разработке данной проблемы принадлежит доктору философских наук, профессору А.Н.Медушевскому. Ученый написал подавляющее число биографических очерков о юристах, а также воссоздал в специальных статьях («парламентаризм», «конституционализм», «федерализм», «правовое государство», «гражданское общество») понятийный ряд политико-правовой теории российского конституционализма.

Правовая мысль является важным направлением общественной мысли, без изучения которого невозможно создать целостное представление о российском обществе, его идейных устремлениях и политико-правовой жизни. Традиция непредвзятого изучения правовой мысли только создается в современной России. В советский период наследие дореволюционной российской юриспруденции, «напитанное» идеями германских правоведов и явившееся квинтэссенцией воззрений русской школы юриспруденции имперского времени, было незаслуженно забыто и искажено. Между тем богатство направлений и течений в правовой мысли дореволюционной России, персональная известность и авторитетность ее представителей позволяют нам утверждать следующее. Период конца XIX – начала XX столетия являлся «золотым веком» российской юриспруденции, а теоретические разработки юристов того

времени на полном основании следует отнести к «золотому фонду» отечественного правового наследия, чрезвычайно поучительному и востребованному в современных условиях.

Именно российская юридическая наука конца XIX – начала XX в. разработала теоретические представления о правовом и социальном государстве, о соотношении объективного и субъективного права, создала развернутую теорию прав и свобод личности, вместившую в себя каталог прав и свобод, их классификацию, систему гарантий и механизмы их осуществления. Дореволюционными российскими юристами было обосновано, что права и свободы гражданина являются для него естественными и неотчуждаемыми, а для публичной власти – высшей ценностью. Их признание, соблюдение и защита были признаны неотъемлемой обязанностью государства. Эти идеи были широко востребованы в XX столетии. Они легли в основу Всеобщей декларации прав человека 1948 г., целого ряда международно-правовых актов, а в 1993 году – Конституции Российской Федерации.

Правовые идеи дореволюционных российских правоведов имели не только теоретическое значение. В условиях конституционной эволюции формы правления российского государства они определяли вектор проведения правовой конституционной реформы, обозначали ее теоретическое содержание. Видные российские правоведы дореволюционной поры⁴⁴ являлись создателями либеральных политических партий и их платформ; сотрудничали в либеральной печати; активно работали в Государственной думе Российской империи, где были разработчиками законоположений о неприкосновенности личности, свободе совести, собраний, союзов, печати, гражданском равенстве и др. Опираясь на философию неокантианства, ее приверженцы, как справедливо указывает А.Н.Медушевский в ряде статей энциклопедии, смогли переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить действующей правовой системе русского самодержавия концепцию либеральных правовых реформ.

Правоведов и по совместительству политических деятелей, о которых идет речь в очерках, объединяло несколько черт: будучи юристами по образованию и конституционалистами по своим воззрениям, они являлись теоретиками и творцами буржуазного права, формировавшегося в «бурных» реалиях политико-правовой жизни начала XX в., –

⁴⁴ М.М.Ковалевский, С.А.Муромцев, П.И.Новгородцев, Л.И.Петражицкий, Г.Ф.Шершеневич и другие.

общей теории права и ее отраслей (государственного, гражданского, уголовного и др.).

Изучение воззрений российских юристов на государственные и правовые институты важно для нас еще и потому, что оно позволяет составить представление о таком аспекте общественного сознания, как правовое сознание; а в более узком смысле – об особом виде правосознания, получившем в современном конституционном праве наименование конституционного правосознания. Оно подразумевает совокупность представлений людей о Конституции и отдельных ее элементах – правах человека, демократическом правлении, справедливом суде и др. Содержание воззрений юридической элиты российского общества на проводимую правительством правовую реформу, выражавшееся в правосознании, являлось важным показателем уровня культурно-правовой зрелости общества, степени его подготовленности к практическому воплощению своих взглядов в виде соответствующих форм позитивного права. Правовое сознание образованного общества явилось предпосылкой конституционной реформы, проводимой в стране в начале XX века, и в то же время правосознание обуславливалось данной реформой. Российские правоведы считали, что реформы должны отвечать типу правосознания общества, и видели в этом залог их успешности.

Энциклопедия «Общественная мысль Русского зарубежья» содержит очерки о жизненном пути и взглядах российских юристов начала прошлого века, завершивших свою жизнь в эмиграции⁴⁵. Написанные известными российскими историками энциклопедические статьи показывают, как развивались воззрения российской юридической профессуры после Октябрьской революции, в период их вынужденной эмиграции, работы в зарубежных научных центрах, общественных и политических организациях.

Отдельные юристы (П.И.Новгородцев, Б.Э.Нольде) отказались в эмиграции от либеральной модели общественного переустройства, базировавшейся на приоритете идей правового государства, прав и свобод личности, были близки к евразийству. Другие (В.Д.Набоков) остались верны идеям политического либерализма. Однако все они продолжали свои поиски «потерянной идеи права». П.И.Новгородцев сосредоточился на изучении русской философии права, в очередной раз провозгласив

⁴⁵ Среди них были П.И.Новгородцев, Б.Э.Нольде, Л.И.Петражицкий (автор статей – Д.В.Аронов), В.Д.Набоков (автор – Н.И.Канищева), М.М.Ковалевский и В.Д.Кузьмин-Караваев (автор – Н.Б.Хайлова).

взаимосвязь права и нравственности, подчиненных, правда, уже религиозному закону, Б.Э.Нольде занялся обоснованием правового статуса русских эмигрантов за рубежом.

Заложенная составителями энциклопедий об общественной мысли России и зарубежья традиция исследования правовой мысли заслуживает высокой оценки и последующего развития. При этом можно было бы расширить круг юридической профессуры за счет таких ученых, как государствоведы Н.И.Лазаревский и Н.И.Палиенко, полицейсты⁴⁶ В.Ф.Дерюжинский и А.И.Елистратов, цивилисты Ю.С.Гамбаров, А.Х.Гольмстен и А.А.Рождественский.

Дырин Анатолий Иванович

Рецензируемое издание предваряется небольшим, но богатым мыслями (суждения, определения, оценки и т.п.) разделом «От составителей». Автором его выступил руководитель проекта и ответственный редактор энциклопедии доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ Валерий Васильевич Журавлев. Сразу же замечу, что, как это бывает иногда в изданиях «коллективного автора», разделы обозначаемые «От составителей», «Введение», «Предисловие», «От авторов» и т.п., фактически выполняют и роль своеобразной саморецензии или – точнее – самопрезентации. В нашем случае это именно так.

Что же касается «вводного раздела» энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья», то он оценивается рецензентом именно таковым. И в силу этого я считал возможным, но также и необходимым (об этом дальше, по тексту) основные характеристики, суждения и оценки авторско-редакторской самопрезентации «проверить анализом» – как их существо, так и их обоснование, идущее и от методологии, и от источниковой базы, и от ряда других факторов.

Считаю реализацию такого подхода продуктивной, особенно с учетом двух исходных, утверждаемых нами, но фактически аксиоматических моментов: а) энциклопедия состоялась, получилась и оценивается высоко; и б) в энциклопедии, в ее материалах и прежде всего в статьях, предваряющих (С.9–161) собственно тексты о «творцах общественной мысли Русского зарубежья», есть, к сожалению, и погрешности, которые могут и должны быть (по нашему суждению) издателями и авторами энциклопедии осмыслены и как-то учтены при переиздании труда,

⁴⁶ *Специалисты в области административного права, именовавшиеся тогда полицейским.*

которое желательно было бы осуществить в доработанном виде. Может быть осуществлено и переиздание обеих (2005 и 2009 гг.) энциклопедий. Но при этом XX веку общественной мысли России можно выделить два тома.

Поскольку энциклопедия 2009 г. «является логическим продолжением» энциклопедии 2005 года и «в совокупности своей они представляют первую в отечественной научной литературе попытку объединить, как бы завязав в сложный узел, две трагически разведенные историей ветви самопознания лучшими умами Отечества русской души, русского характера и русского интеллекта, а также видения ими остающихся всегда актуальными проблем народной судьбы в контексте прошлого, настоящего и будущего России» (С.5) и поскольку, на взгляд рецензента, здесь подчеркиваются три важнейшие и, следовательно, не конкретно-частные, а мировоззренческие и методологические оценки (идеи, положения, выводы), зададимся вопросами:

- а) является ли логическим продолжением?..
- б) действительно ли представляет собой первую в отечественной научной (?) литературе попытку?..
- в) что реально, в теоретических положениях, можно объединить как трагически разведенные историей ветви самопознания?.. (далее все точно по тексту с.5).

А. По замыслу – очень хорошо, если бы действительно было так, но о таком замысле ничего не сообщается. Что же касается процесса «исполнения» и «результатов» реализации упомянутого замысла, то в издании 2005 года читатель имеет возможность ознакомиться по персоналиям с процессом движения общественной мысли в России XVIII, XIX и начала XX столетия. Здесь представлены статьи некоторых известных авторов, находившихся в эмиграции, за рубежом России, но не сообщается, что они составляли «Русское зарубежье»: тогдашние эмигранты никаким «зарубежьем» не выступали даже во второй половине XIX и начале XX века. Этот вопрос, думаю, возникать не может, если все мы исходим из исторических реальностей.

Б. Согласен также, что на высоком энциклопедическом уровне действительно попытка оценивается верно «как *впервые*», но даже беглый просмотр 40-страничного раздела, обозначенного в книге «Зарубежной архивной Россией» (С.635–675) пробуждает сомнение в обоснованности положения относительно *научной* литературы в целом. Впрочем, пункты **А** и **Б** малосущественны. Важнее другое: пункт **В**.

Хотелось бы ясно и четко понимать, что означают для авторского коллектива и прежде всего для авторов вводной части энциклопедии (С.9–161), впрочем, и в этой части – в первую очередь – для автора 64-страничного раздела «География общественной мысли *Русского зарубежья*» (курсив мой. – А.Д.), некоторые, полагаю, базовые (исходные, основополагающие и т.п.) понятия и категории, а затем – и некоторые термины и словосочетания. Тоже важные для *этой* энциклопедии.

Согласен: свою главную задачу авторский коллектив (в т.ч. и прежде всего авторы персоналий) осознал, как предписано было проектом, и выполнил – в силу своих возможностей – все же по-разному, в том числе из-за доступности имеющейся источниковой базы и литературы о тех или иных «героях» общественной мысли Русского зарубежья.

К исходным понятиям энциклопедии относится, прежде всего, понятие (категория) «общественная мысль». В разделе «От составителей» В.В.Журавлев воспроизвел *наиболее приемлемое для решения конкретных задач авторского коллектива определение* этого исходного понятия. Нет никакой причины, чтобы не согласиться с выбором авторов проекта и позицией авторского коллектива. Здесь не требуются ни разъяснения, ни обоснования с моей стороны.

Но можно ли (и надо ли?) таким же образом согласиться, т.е. без необходимых пояснений и возражений, вытекающих из осмысления⁴⁷ материалов энциклопедии⁴⁸, с трактовкой другого исходного для характеристики тематики энциклопедии понятия – понятия «Русское зарубежье».

Неслучайным является использование в заголовке издания понятия «Русское зарубежье», введенного в оборот Г.П.Струве. Согласен, не может использоваться случайно, необоснованно, не по существу своему, слишком расширительно. Например (как отмечает ответственный редактор), для обозначения тенденций и процессов эволюции общественной мысли Русского зарубежья в хронологических границах всех пяти волн эмиграции, начиная с 30-х – 40-х годов XIX в. и завершая концом прошлого столетия, когда впервые за всю историю страны переезд россиян за рубеж перестал носить политический характер. Думаю, что нижеследующий текст надо считать обоснованием вышесказанного: «История отечественного зарубежья как социокультурного феномена насчитывает более полутора столетий, если считать условной отправной

⁴⁷ В данном случае мною, как читателем и, тем более, еще и рецензентом.

⁴⁸ Вводные статьи и статьи-персоналии, а также то, что здесь создано и опубликовано под именем «Зарубежной архивной России».

точкой возникновения данного явления 1836 год, т.е. эпоху Николая I, когда по политическим мотивам в Ирландию выехал профессор Московского университета В.С.Печерин». И еще: «Архипелаг отечественной эмиграции за это длительное время распространился практически по всему миру, периодически расширяясь в контексте общественно-политической обстановки дореволюционной и революционной эпох, в период 2-й мировой войны и диссидентского движения в СССР 60–70-х годов прошлого века» (курсив мой. – А.Д.).

Утверждаю и готов отстаивать свою позицию относительно наличия в вышеприведенных положениях энциклопедии следующих дискуссионных моментов:

а) дискуссионным является фактически синонимичное использование понятий «общественная мысль Русского зарубежья» и «отечественная зарубежная общественная мысль», «Русское зарубежье» и «Русское зарубежье в хронологических границах всех пяти волн эмиграции», «Русское зарубежье» и вывод о таком расширении «архипелага» отечественной эмиграции, которое фактически включило в «Русское зарубежье» эмиграционные процессы из России последних более чем полутора столетий;

б) синонимом понятия «Русское зарубежье» было возникающее в тот же период истории нашей страны понятие «русская эмиграция первой волны», т.е. эмиграция, возникшая после Октябрьской революции и гражданской войны. «Русское зарубежье» тогда обозначалось (многими и внутри эмиграции) даже «Зарубежной Россией». Но ни к каким иным волнам эмиграции это понятие по своим важнейшим характеристикам не может и не должно быть применимо. Если мы исследуем научно, а не творим мифологию и ее элементы.

Смею утверждать, что исток этих оценок и выводов содержится главным образом в статье И.В.Сабенниковой о «географии общественной мысли Русского зарубежья», которая содержит логически противоречивые суждения и оценки, расширительные толкования ряда понятий и терминов, недостаточно обоснованные обобщения. В том числе и уже отмеченные в этой рецензии.

В завершение аналитической части своей рецензии издания приведу еще одно суждение В.В.Журавлева, касающееся формулировки понятия «Русское зарубежье». Формулировки, как мне представляется, более полной и точной, не расширительной, по существу своему и исторически верной.

Рожденная в недрах самой отечественной эмиграции дефиниция «Русское зарубежье», – сообщает ответственный редактор, – «с самого начала

была призвана обозначать отнюдь не этническую принадлежность выразителей общественных взглядов и идей, но нечто гораздо большее, а именно – общность исторической, общественно-политической и личностной судьбы представителей достаточно широких социальных кругов и политических сил многонационального и поликонфессионального российского общества, оказавшегося за бортом Отечества в обстановке политической конфронтации, нараставшей в недрах Империи с середины XIX века и завершившейся бурными революционными процессами Февраля и Октября 1917 г. и их последствиями в условиях советской действительности. При этом авторский коллектив исходил из того, что понятие "зарубежье" шире и многограннее термина "эмиграция". В итоге Русское зарубежье предстает перед нами как русскоязычная, русскоговорящая и "русскодумающая" когорта россиян, вынужденно покинувших Родину, но оставшихся в духовной связи с нею».

Только два–три пункта хотелось бы мне здесь добавить и раскрыть, наполнив их конкретным содержанием жизни и деятельности представителей общественной мысли в рядах русской послереволюционной эмиграции (или эмиграции первой волны⁴⁹), ибо строго и точно лишь эти представители «России в изгнании» и были «Русским зарубежьем». А все, что после: «эмиграция», и тем более насильственная (угон в рабство) с оккупированных фашистами территорий СССР, послевоенная эмиграция из СССР, третья и четвертая волны эмиграции – все это по многим существенным признакам уже нечто другое.

Словом, это все, что угодно: оно имеет свои особенности и характерные черты, имеет свои атрибуты, но к Русскому зарубежью эти эмиграции, по моему мнению, никакого отношения не имели. Как не имели они в своем подавляющем большинстве и *отношения к разработке общественной мысли*. Впрочем, те немногие из последних волн эмиграции, которые такое отношение действительно имели, хорошо представлены в статьях-персоналиях. Как говорится, по другому, правда, случаю: никто не забыт и ничто не забыто, и вклад ряда лиц последних двух волн эмиграции из СССР в энциклопедии отмечен содержательно, но именно – в персоналиях.

Какие же дополнения необходимы? Если говорить о *содержательно-предметной* стороне общественной мысли, то те, которые были *характерны* для тех или иных представителей Русского зарубежья. Большинство из

⁴⁹ *Период 20-х – 30-х годов и вплоть до ее фактического ухода с исторической арены служения России, главным образом России будущего, «будущей России».*

них наличествует в разделе персоналий рецензируемой энциклопедии. Однако можно было бы полнее отразить представителей военно-философской и военно-политической «Зарубежной России»⁵⁰ – представителей 20-х – 40-х годов XX века – В.Е.Борисова, А.В.Геруа, Б.В.Геруа и А.М.Драгомирова, П.И.Залесского и Б.А.Штейфона; наконец, А.А.Керсновского, который своей книгой «Философия войны» дал своеобразное обобщение знаний о русской национальной военной доктрине как фактически мировоззрения нации по военному вопросу.

Энциклопедия имеет содержательную, но краткую статью о военном творчестве Н.Н.Головина. Есть здесь материалы о П.Н.Краснове, П.Н.Врангеле, А.И.Деникине, но необходимы статьи и о других представителях военно-научного творчества Русского зарубежья. Все это можно было бы использовать при новых переизданиях энциклопедии.

Футорянский Леонид Иосифович

Рецензируемая энциклопедия является продолжением энциклопедии «Общественная мысль России в XVIII – начале XX века». Энциклопедия «Общественная мысль Русского Зарубежья» ставит перед собой цель проследить развитие всех пяти волн русской эмиграции с 1836 года по настоящее время. Книга повествует обо всех или почти всех мыслителях России, оказавшихся в силу тех или иных причин за рубежом. При этом термин «эмигранты», который ввел в обиход автор труда «Русская литература в изгнании» Г.П.Струве, заменен на другой – зарубежные русские мыслители.

Речь в книге идет не об этнических русских мыслителях, а в целом о русскоговорящих и пишущих на русском языке. В фундаментальности книги нет сомнений. Она раскрывает многогранную палитру Русского зарубежья в многообразных статьях 60 авторов книги, демонстрируя гигантскую работу ее ответственного редактора и авторского коллектива. В книге говорится о тех представителях русской интеллигенции, которые покинули Россию, но сохранили духовную связь с нею на всю жизнь. Основную часть книги занимают очерки, основанные на архивных фондах или других материалах и литературе.

В энциклопедии четко сказано, что большинство зарубежных мыслителей, отрицательно относясь к большевизму, не видят в дореволю-

⁵⁰ *Знания о войне и мире, об армии и защите отечества, о патриотизме и военной доктрине.*

ционной России ее будущее, то же отношение у них к капитализму в его «манчестерском» виде. С.С.Кон, изучая нэповский период, говорит об этом, считая, что будущее надо искать в сочетании частных хозяйств с различными переходными формами кооперации с участием и под контролем государства. Об этом в свое время писали М.С.Туган-Барановский, А.В.Меркулов.

Вместе с тем сообщаемая авторами некоторых статей информация нуждается в расширении и уточнении. Коснемся Романа Гуля и его книги «"Ледяной поход" (с Корниловым)». Эти записки участника похода Корнилова стали поистине классикой мемуарной и русской зарубежной литературы XX в. Думается, это важнейший памятник эмигрантской литературы, который многие годы не использовался советскими и постсоветскими историками, хотя он представляется интересным изложением событий начального периода гражданской войны. Сын помещика, Гуль довольно правдиво описывает события, хотя и не скрывает своего сочувствия Корнилову. После Октября он, как и десятки других, устремился на Дон в Новочеркасск. «На улицах расклеены воззвания, зовущие в Добровольческую армию, в партизанский отряд Чернышева... в отряд "белого дьявола" – сотника Грекова» (С.7). «В воскресенье утром, – рассказывал Гуль, – едем в собор. Великолепный храм полон молящихся, а у алтаря группа военных, между ними Алексеев, худой, среднего роста». Далее автор повествует о записи в Добровольческую армию, не умалчивая о раздоре между корниловцами и алексеевцами. «С переездом в Ростов, – свидетельствует Гуль, – трения не уменьшаются, казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевикам и неприязненно относятся к добровольцам». Автор правдиво пишет, что «притока в Добровольческую армию нет». В сравнении с надвигающимися (рабочими) добровольцы ничтожны. Они едва насчитывают 2 000 штыков (С.10). Гуль свидетельствует о мордобое, самосудах белых офицеров в Добровольческой армии (С.11, 15). Он пишет о том, что Каледин застрелился и какое впечатление это произвело на немногочисленных «добровольцев», а далее говорит: «Конец казакам, теперь на Дону все кончено, куда же мы пойдем?» (С.11) Гуль сообщает, что упомянутого сотника Грекова называли «белым дьяволом», за то, что он усердствовал в арестах и расстрелах (С.17). Уже тогда начались массовые расстрелы белыми, кого попало (С.29). Он пишет о том, что белые добивали штыками, жалея патроны, одних, а других (еще живых) раненых кончали прикладами. Автор пишет о громадных потерях добровольцев (белых) под Екатеринодаром, что здесь легли тысячи (С.33).

Таким образом, по этой книге мы узнаем о начале белого движения без всяких прикрас.

Особый интерес представляет книга С.П.Мельгунова «Красный террор в России 1918–1923 гг.». Автор задумал в другой специальной книге рассказать о «белом терроре», но по разным причинам не сделал этого. Автор пишет: «По плану моя работа распадается на три части: исторический обзор, характеристика "красного террора" большевиков и так называемого "террора белого". Лишь случайное обстоятельство побудило меня выпустить первоначально как бы вторую часть работы, посвященную "красному террору" (Думается, что это было сделано не случайно). А когда прозвучал выстрел Конради (убийство В.В.Воровского) и развернулась подготовка к лозаннскому процессу, пришлось спешно собрать и издать часть материала, – свидетельствует автор. Это только схема будущей работы. Автор сознавал, что в его адрес может быть сделан упрек: «А белый террор?» С.П.Мельгунов попытался доказать, что «красный террор вызван эксцессами белых». «Данные истории свидетельствуют, – писал он, – что "белый террор" всегда был ужаснее "красного"», другими словами, «реставрация несла с собой больше человеческих жертв, чем революция» (С.6). Мельгунов приводит слова из брошюры Пешехонова «Почему я не эмигрировал?». Говоря о правительстве Деникина, Пешехонов писал: «И Вы не замечаете крови на этой власти. Если у большевиков имеется чрезвычайка, то у Деникина ведь была контрразведка, а по существу – одно и то же. Но в кое-чем и деникинцы ведь перешеголяли большевиков» (С.32).

В Послесловии к своей книге Мельгунов сообщает: «Я должен сказать несколько слов об одном источнике, который имеет первостепенное значение для характеристики большевизма в период 1918–1919 г., и это единственное описание террора на юге за этот период времени. Я говорю о материале Особой Комиссии по расследованию деяний большевиков, образованной в декабре 1918 г. при правительстве генерала Деникина» (С.211). Кроме материалов комиссии, автор широко использует газетные данные, которые порой вызывают сомнение. По данным Лациса, за первое полугодие 1918 г. было казнено 22 человека, а по сведениям Мельгунова, смертной казни были подвергнуты 884 человека (С.31). Мельгунов свидетельствует, что в станицах Лабинского отдела на Кубани было казнено 770 казаков (С.90).

Хотелось особо сказать, дополняя сведения в энциклопедии, о книге генералов А.И.Деникина и фон Лампе «Трагедия белой армии» (Париж, 1926). В ней четко говорится о причинах поражения Белой армии. Ав-

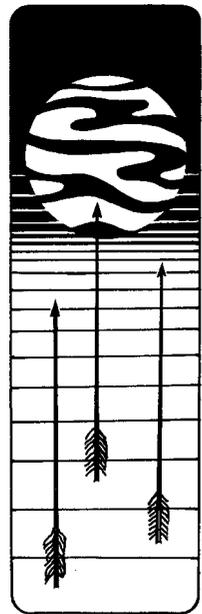
торы считают, что основной причиной поражения деникинской армии было то, что в момент движения на Москву польская армия под командованием Ю.Пилсудского прекратила свое наступление против России. Пилсудский понимал, что Деникин выступал «За единую и неделимую Россию». После переговоров с Юлианом Мархлевским (с которым в свое время Пилсудский был в Сибирской ссылке) Пилсудский прекратил наступление, что освободило более 30 тысяч красноармейцев, которых можно было бросить на борьбу с Деникиным.

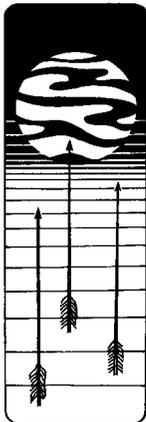
Фон Лампе считал, что «одной из важнейших причин поражения белых было окраинное положение, а с другой стороны, центральное расположение красных. Красные могли перебрасывать силы с одного участка на другой. Тылы же белых упирались в моря». Причиной поражения белых А.И.Деникин и Фон Лампе считали и то, что у красных были прекрасные ораторы: Ленин, Троцкий, Луначарский, а у белых они отсутствовали. Главнейшей причиной поражения белых было отсутствие у них иной общей идеи, кроме реставрации старого строя. Идея красных о ликвидации пропасти между богатством и бедностью также служила делу их победы. Грабежи и погромы, считают Деникин и Лампе, имели место и у красных, но не в таких размерах, как у белых. Интервенты поддерживали белых, но они были эгоистичны в своих устремлениях. Благодаря Ленину и Троцкому на сторону красных было привлечено 75 тыс. бывших офицеров старой армии и 130 тыс. унтер-офицеров (таких, как Чапаев и Блюхер). Широкое партизанское движение у красных разрушало тыл белых. Из двух зол крестьянство выбрало меньшее, – подчеркивал Троцкий. Это и обусловило, в конце концов, поражение белых.

В целом, говоря об «Энциклопедии Русского зарубежья», следует сказать, что большой коллектив авторов проделал громадную работу. Создано произведение, посвященное основным течениям общественной мысли Русского зарубежья, начиная с 1836 года по настоящее время. Отражена палитра различных направлений жизнедеятельности русской эмиграции, что сделало возможным изучение ее прошлого и настоящего. Этот фундаментальный труд несомненно обогатит представление нашего общества о Российском зарубежье.

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

РОССИЯ XXI 06. 2010

Владимир Мильков

ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ РУСИ

**ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО, ИДЕЙНОЕ
СВОЕОБРАЗИЕ ВОЗЗРЕНИЙ**

**К 900-ЛЕТИЮ
КИРИКА НОВГОРОДЦА**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
929

The article introduces the life and creative work of Kirik Novgorodets (1110 – no earlier than 1156/58), the outstanding Russian scientist and thinker of the 12th century. The author demonstrates that Kirik’s creative work represented a glaring and multifaceted phenomenon. The author analyzes facets of Kirik’s talents in mathematics, calendar, theology, philosophy and investigates the scientific and philosophical content of “Study of numbers” and theological and ethical aspects of “Raising the questions”. Kirik as the author of these works is considered in the article not just as an outstanding scientist but as a major religious philosopher, a representative of the theological rationalism tradition in Ancient Rus thought as well. The author of article comes to the conclusion that the scientist and thinker from the Great Novgorod belonged to a group of Russians who attained the European level of education. Kirik by far surpassed his times.

Ключевые слова: Кирик Новгородец, русская средневековая наука, религиозно-философская мысль Древней Руси, математика, календарь, богословие, этика.

Key words: Kirik Novgorodets, the Russian Medieval science, religious philosophical thought of Ancient Rus, mathematics, calendar, theology, ethics.

E-mail: dr_milkov@mail.ru

В 1110 году на берегах реки Волхов, где в те годы ускоренно поднимался и становился Великим град Новгород, родился мальчик. Впоследствии его имя в памяти потомков будет прочно связываться с местом, где он родился, жил и творил. Это Кирик Новгородец – гордость отечественной научной мысли. Русская ученость, собственно, и начиналась с изысканий Кирика.

Буквально за несколько лет до рождения Кирика, в 1106 году, на берегах той же реки можно было наблюдать нечто очень необычное для Древней Руси. По Волхову, который несет свои воды «в варяги» да «в немцы» и фактически является дорогой в Европу, прибыли энергичные выходцы из Италии и затеяли строительство своего монастыря вблизи быстро развивавшегося торгово-политического центра. Уже к 1119 году в речных водах отражался величественный каменный собор. Его заложил и быстро отстроил на свои средства переселившийся из Рима Антоний, имя которого с тех пор и носит пригородная обитель. Иноком Антониева монастыря станет его «ровесник», который создаст здесь свое знаменитое «Учение о числах». В творчестве ученого антониевского инок будут наблюдаться нетипичные для древнерусской книжности черты и даже отразится знание латинских традиций. Своеобразие эмигрантской обители, долгое время находившейся в Новгороде на особом положении, во многом помогает понять феномен Кирика. Ученую подготовку талантливого новгородского юноша проходил в среде первого поколения прибывших с Антонием монахов. Другими словами, его наставниками были европейские учителя.

Неудивительно поэтому, что на фоне других книжников той эпохи Кирик Новгородец резко выделялся разносторонними научными познаниями и необычной по своим истокам богословской эрудицией. Наши средневековые предки отдали должное редкостным дарованиям мудрого новгородского книжника. Имя его не затерялось в веках. В многочисленных списках и нескольких редакциях до нас дошло два сочинения, принадлежащих перу Кирика. Логично считать, что это только малая часть наследия. Но с учетом войн, пожаров и идеологической выбраковки текстов при отборе рукописей для копирования это уже немало. Сегодня к трудам ученого писателя из Новгорода обращаются математики, хронологи, астрономы, философы, религиоведы. Благо, имеется возможность на материалах конкретных сочинений составить представление об уровне научной квалификации, широте интересов и особенностях религиозных воззрений первого ученого Руси. Иное дело биография Кирика: отталкиваясь от нескольких опорных фактов, ее приходится «добраивать», исходя из общих соображений.

Скупые штрихи к портрету ученого мыслителя

В историю русской культуры Кирик вошел как выдающийся средневековый математик и пытливый исследователь мироздания. В 1136 году им было создано произведение, название

которого не имеет аналогов в древнерусской книжности: «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (в историографии чаще фигурирует как «Учение о числах»)¹. Данный текст существенным образом отличается от других произведений раннехристианской русской письменности своими жанровыми особенностями. Он имел все признаки краткого научного трактата, в содержании которого абсолютно преобладали сведения светского характера². Тематически данный текст был посвящен разработке календарно-математической проблематики, но в нем также затрагивались вопросы естественнонаучного и натурфилософского значения.

В приписке к «Учению о числах» Кирик сообщил о себе важные биографические сведения. Из них мы узнаем, что на момент завершения труда (1136) Кирику было всего 26 лет. Там же сообщается, что автор являлся монахом Антониева монастыря в Новгороде, где совмещал обязанности дьякона и domestика (т.е. руководителя церковного хора при монастырской церкви Рождества Богородицы). Обитель, в которой подвизался автор «Учения», существенно отличалась от других древнерусских монастырей.

¹ Текст, ввиду его важности для отечественной культуры, неоднократно переиздавался (см.: Е(вгений). Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому // Труды и летописи общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч.4. Кн.1. С.122–129). Фототипическое воспроизведение «Учения» с параллельным переводом на современный русский язык осуществлено В.П.Зубовым и Т.И.Конишиной (см.: Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. VI. С.174–191). Перепечатку переложения древнерусского оригинала в понятной читателям нашей эпохи версии см. в изд.: Симонов Р.А. Кирик Новгородец – ученый XII века. М., 1980. Приложение. С. 98–101; Учение о числах // Златоструй: Древняя Русь X–XIII вв. М., 1990. С.296–300. Осуществлена публикация древнерусского текста и перевода «Учения» (Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С.400–410; переиздание см.: Симонов Р.А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры). М., 2007. С.306–335).

² Эта оценка не противоречит тому, что глубокие познания в календарно-астрономической области служили целям церковной кампутистики и пасхалистики (см.: Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. 1978. М., 1978. С.93).

На первых порах это была достаточно автономная община попавших в чужую землю монахов. Пришельцы держались независимо и до вступления в должность архиепископа Нифонта не находились в подчинении новгородских святителей. В устройстве обители не принимают участие ни князь, ни владыка. Согласно «Житию Антония» монастырь возводится исключительно на деньги, перемещенные из Рима в бочонке тем же чудесным образом, что и камень, переместивший Антония по водам в Новгород и ставший в монастыре объектом культового почитания³. Что заставило чужаков отправиться в далекую страну? Не исключено, что это были религиозные мигранты, спасавшиеся от гонений папы Григория VII (1015/20–1085). Он инициировал преследования рассеянных по Европе ирландских монахов⁴. К числу таких переселенцев, скорее всего, и принадлежал Антоний, а также прибывшие с ним спутники – такие же, как и он, изгнанники. Именно они должны были составить ядро обосновавшейся на берегу Волхова общины. Такой, скорее всего, была та среда, в которой Кирик сформировался как творческая личность.

Собор Рождества Богородицы (1117–1119) Антониева монастыря и его основатель Св. Антоний, по житийной легенде приплывший в 1106 г. в Новгород на камне. Рисунок А.Н.Агаркова

³ См.: Макаров Н.А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. №2 (12). С.205–210.

⁴ См.: Кузьмин А.Г. Падение Перуна. М., 1988. С.170–171.

Скудность биографических данных можно в некоторой степени восполнить путем реконструкции исторической обстановки, в которой формировался будущий ученый и богослов. Для понимания личности мыслителя очень важно, что период детства и возмужания его совпал с грандиозными преобразованиями в политической, религиозной и культурной жизни северорусского центра. Эпохальные изменения в первой трети XII в. были связаны со становлением независимой боярской Новгородской республики⁵. Весьма выразителен культурный фон политических преобразований того времени. Поколение Кирика было свидетелем быстрого роста города, в центре которого в 1116 году князь Мстислав закладывает каменный Кремль. На глазах подраставшего юноши церковным строительством преображался внешний вид города. К двум уже имевшимся каменным храмам – Софии (1044–1059) и Благовещения на Городище (1103) – один за другим прибавляются монументальные постройки Никольского собора (1113), Собора Рождества Богородицы (1117–1119) в своем для Кирика Антониевом монастыре⁶, величественный Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119–1130). Чуть позже город украсили церкви Ивана на Опоках (1127–1130) и Успения на торгу (1135). Это было время, когда Кирик завершал период ученичества и начинал самостоятельный творческий путь. Внешне выразительные успехи христианизации в городе проходили на фоне далеко не изжитой языческой стихии, а среди новгородцев сплошь и рядом встречались пережитки грубого двоеверия. Яркие жизненные впечатления привели древнерусского мыслителя к исследованию проблемы взаимоотношения вер. В последующем эта тема будет постоянно присутствовать в различных разделах «Вопрошания».

Первый научный трактат Древней Руси (своеобразие содержания и проблемы его изучения)

Начнем анализ творчества новгородского книжника с раннего его произведения. Судя по «Учению», круг интересов Кирика выходил далеко за пределы монастырских

обязанностей. Сумма заключенных в «Учении о числах» астрономиче-

⁵ См.: Хорошев А.С. *Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики*. М.: Изд-во МГУ, 1980. С.21–33.

⁶ Если Кирик попал в монастырь еще ребенком (а это весьма вероятно, учитывая столь раннее становление его как ученого), то он, вместе со старшей братией, вполне мог принимать участие в подсобных работах при возведении Рождественского собора – того самого собора, где он со временем займет место руководителя церковного хора.

ских, математических и календарных знаний, с учетом профессиональных занятий Кирика церковной музыкой, образует неполный (за отсутствием геометрии) квадриум. Небольшое по объему сочинение дает представление о многогранности дарований средневекового русского ученого⁷. Эту многогранность хорошо отражает история изучения памятника. Первых исследователей заинтересовали, прежде всего, математические аспекты произведения⁸, а в последующем «Учение» находилось не только в сфере интересов математиков⁹, но им вплотную занимались также астрономы¹⁰, хронологи¹¹ и историки средневековой науки¹². Вопрос о философских аспектах «Учения» Кирика возник достаточно поздно и был вызван выяснением путей проникновения в «Учение» античных реминисценций¹³ и поисками источников учености новгородского числолюбца¹⁴.

⁷ *Симонов Р.А. О композиционной структуре «Учения» Кирика Новгородца (1136 г.) // Историко-математические исследования. М., 1973. Вып. XVIII. С. 264–277.*

⁸ *Бобынин В.В. Состояние математических знаний в России до XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Апрель. С. 183–209; Хавский П. [В]. Примечания на русские хронологические вычисления // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1847. №6. С. 35–41.*

⁹ *См., например: Гнеденко Б.В. Очерки по истории математики в России. М., 1946. С. 14; Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 г. М., 1968. С. 18–20.*

¹⁰ *Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. М., 1961. Вып. 6. С. 97.*

¹¹ *Селешников С.И. История календаря и хронология. М., 1970. С. 55.*

¹² *Кузаков В.К. Естественнонаучные представления на Руси (X–XV вв.) // Вопросы истории. 1974. №1. С. 123; Его же. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси X–XVII вв. М., 1976. С. 112; Кузнецов Б.Г. Очерки истории русской науки. М.; Л., 1940. С. 7; Райнов Т.И. Наука в России XI–XVII вв. М.; Л., 1940. С. 187–188.*

¹³ *Гаврюшин Н.К. «Поволение стихий» в древнерусской письменности // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья. Киев, 1988. С. 208–212; Зубов В.П. Примечания к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 195; Мурьянов М.Ф. О космологии Кирика Новгородца // Вопросы истории астрономии. М., 1974. Сб. 3. С. 12–17 (переиздание см.: Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Очерки. СПб., 2007. Ч. 1. С. 153–156).*

¹⁴ *Мильков В.В. Источники учености Кирика Новгородца // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения. К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. Материалы научной конференции (Москва, 11–12 декабря 2006). М.: РГГУ, 2006. С. 13–25; Его же.*

«Учение о числах» – это древнейшее из точно датированных оригинальных авторских сочинений Древней Руси. Хотя оно было создано в 1136 году, самый ранний из сохранившихся списков датируется XVI столетием¹⁵. Композиционной особенностью «Учения» является деление на разделы (параграфы), которые, в свою очередь, сгруппированы по тематическому принципу. Структурно-тематически содержание «Учения» можно разделить на четыре части: 1) систематизация данных о единицах счета времени (§§1–5)¹⁶; 2) описание приемов, применяющихся при календарных расчетах (§§6–18), куда отдельным блоком входят натурфилософские статьи о поновлении стихий (§§10–13); 3) сведения о количестве часов, которые объемлют годовой и суточный периоды (§§19–20), с добавлением расчетных показателей дробных делений часа каждого дня (§§21–27); 4) автобиографические приписки.

В первом разделе, состоящем из пяти параграфов, применены различные единицы временного исчисления. Прошедший от сотворения мира до 6644 (1136) года период измерен в годах (§1), месяцах (§2), неделях (§3), днях (§4), часах (§5). Тут же описывается методика проведения счетных операций. Чтобы просчитать количество дней, истекших с сотворения мира до 6644 года, Кирик рекомендует прошедшие лета «от Адама» перевести в дни путем сложения годовых длительностей в искомым единицах измерения. Он исходит из того, что продолжительность года составляет 365 дней, но при этом вводит коррекцию с учетом

Теологический рационализм древнерусских мыслителей // Громов М.Н., Мильков В.В. Указ. соч. С.116–120; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец (XII век) как древнерусский ученый-мыслитель // Вестник РГНФ. 2004. №4 (37). С.50–65.

¹⁵ РНБ. Пог. №76. Л.342–346 (О публикации его см. в прим.1). Тот же текст воспроизводится еще в трех рукописях:

1) Санкт-Петербургский филиал Института истории РАН. Собр. Археографической комиссии №245 (бывший Соф. №475). Л.45 об.–50 об. (публикацию см.: Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец (XII в.) как древнерусский ученый-мыслитель. С.59–65);

2) РНБ. Соф. №1161. Л.216. Фрагмент «Учения» по рукописи начала XVII в. (публикацию см.: Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С.325);

3) РГАДА. Ф.196. №106. Л.115 об.–116 об. Мазуринский список XVIII в.

Существует также список начала XIX в., который является копией с Софийского (РГБ. Рум. №35. Л.1–4).

¹⁶ Здесь и далее отсылки делаются на параграфы (пункты) «Учения», на которые оно разбито публикаторами в имеющихся изданиях трактата.

високосных лет. По его расчетам к моменту написания минул 2 426 721 день. А поскольку дневная градация дня определяется двенадцатью часами, то измеренный уже в более мелких единицах срок определяется автором трактата очень значительной величиной – 29 120 652 часа. Характерно, что Кирик здесь оперирует понятием т.н. «косого часа», разделявшего исчисление ночного и дневного времени суток в зависимости от сезонов года: дневной час в результате имел большую продолжительность, чем зимний¹⁷.

В следующем разделе (его можно назвать теорией календаря) дано понятие индикта, или 15-летнего календарного периода (§6), описание солнечного, с циклом в 28 лет (§7), и лунного, с циклом в 19 лет, кругов (§8). Вводится также прием исчисления времени «веками» – тысячелетиями (§9). Каждый из хронологических подходов иллюстрируется точными данными о прошедшем с момента создания мира времени в разных его измерениях. В тексте раздела содержатся рекомендации, как производить расчеты. Все расчеты поштатейно привязаны к текущему 6644 (1136) году – году создания произведения.

Сведения §§7–8 знакомили с важнейшими астрономическими принципами календарных исчислений. Они были особенно важны с точки зрения практического их предназначения. Кирик специально подчеркивал, что умение производить исчисление солнечных и лунных кругов имеет большое значение для определения сроков Пасхи. По расчетным рекомендациям «Учения», для определения текущего года солнечного круга необходимо все годы от начала мира разделить на 28, тогда полученный остаток и будет текущим годом. Но при этом нужно учитывать, что солнечный годовой круг начинается с первого октября. К 6644 году, по данным Кирика, прошло 237 солнечных кругов и идет восьмой год последнего круга. Методика определения текущего лунного года строится на аналогичных принципах. По расчетам Кирика «от Адама» минуло уже 349 кругов и идет 13-й год последнего круга.

Во второй раздел трактата включены параграфы о циклических обновлениях природных стихий: неба (§10), земли (§11), моря (§12), воды (§13). Этот текстовый блок трактата имеет прямое отношение к характеристике философско-мировоззренческих предпочтений мыслителя. Давно отмечено, что указанные пункты «Учения» являются вставкой в текст, после которой автор возвращается к теме циклов и вводит данные

¹⁷ Подробнее см.: Симонов Р.А. «Косой час» и первые московские куранты // *Живая старина*. 1997. №3. С.24–26.

о високосных годах (§14) и о «великом круге», имеющем периодичность в 532 года (§15)¹⁸. Логическим продолжением календарно-теоретических принципов являются сведения о числе месяцев (§16), недель (§17) и дней (§18) в году с учетом високосных дней.

Особый раздел образуют статьи, в которых повествуется о количестве часов в году и дне (§§19–20). Далее приводятся сведения о еще более мелких временных измерениях (§§21–27). В историографии за этим блоком статей закрепилось название «о дробных делениях часа»¹⁹. Он завершается выводом о предельно возможном делении часового отрезка времени: «Из шестых дробных получаются седьмые дробные, из одного – 5. А седьмых дробных часиков в одном дне 937 500, столько же и в ночи» (§27). Это означает, что час делится на 5 дробных частей, а затем дробная величина на пять вторых дробных. Затем каждая последующая дробная рассчитывается до седьмого уровня. Последнее дробное деление часа обозначается очень малой величиной – в $1/937\,500$ (или $1/5$ в 7-ой степени – по современным расчетам это 46 миллисекунд). Высказано мнение, что таким образом Кирик, занимавшийся математикой по совместительству с обязанностями руководителя хора Рождественского собора Антониева монастыря, обозначил предел звуковых ощущений²⁰. Но, вероятнее всего, указанный в тексте предел деления отражал возможности вычислительного инструмента, применявшегося для проведения таких расчетов²¹.

Календарно-математические статьи завершает авторская приписка, сообщающая данные о возрасте Кирика, исчисленном в разных временных единицах²², а также обозначен текущий год в индиктном, солнеч-

¹⁸ Так, в произведении обозначен «великий индиктион» – цикл повторяемости христианской Пасхи, равный произведению солнечного и лунного кругов: $28 \times 19 = 532$. Своего рода христианский календарный аналог Мирового года, под которым Платон понимал десяти тысячелетний цикл возвращения всех небесных светил на свои начальные места.

¹⁹ Вопрос о том, принадлежит ли раздел о дробном делении часа перу Кирика или он является авторской компиляцией, пока окончательно не решен. В любом случае он демонстрирует навыки операций с очень малыми дробными величинами.

²⁰ Мурьянов М.Ф. Хронометрия Киевской Руси // Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Ч.1. С.144.

²¹ Симонов Р.А. Кирик Новгородец – ученый XII века. С.72–73.

²² 26-летний возраст автора исчисляется в месяцах (312), неделях (1354), днях (9497), дневных (т.н. косых) часах (113 960), что является прямой иллюстрацией к первым пяти параграфам «Учения».

ном и лунном счете. Автор щеголяет своим умением применить содержащиеся в трактате расчетные рекомендации на практике²³.

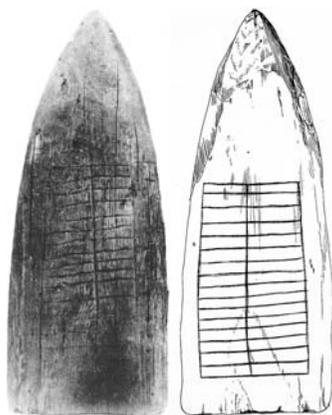
Автобиографическая приписка позволяет судить также о политических пристрастиях Кирика Новгородца. Дело в том, что к 1136 году, году написания «Учения», в Новгороде окончательно изменяется форма государственного правления. Этот год был ознаменован изгнанием новгородского князя Всеволода, и Кирик проявляет пристальное внимание к сменившему Всеволода князю Святославу. На фоне политической чехарды в этом не было насущной необходимости. Но, несмотря на утверждавшиеся в 1117–1136 годах порядки вольного избрания князей, Кирик остается чуждым прореспубликанским настроениям. Едва ли не в пику возобладавшей тогда в Новгороде общественно-политической тенденции он пишет в своем «Учении», что его труд создан в царствование Иоанна II Комнина (1118–1143) и в первый год новгородского княжения Святослава Ольговича (1136–1138). Нифонт, который был заклятым врагом Святослава, упомянут последним. Свои политические идеалы Кирик обозначил сопоставлением бесправного князя-временщика с могущественным греческим цесарем. В самый разгар антикняжеских настроений Кирик недвусмысленно выражал симпатии и к княжеской власти в Новгороде, и к единодержавной форме правления. На этом основании можно сделать вывод, что автор «Учения» не принимал удельного сепаратизма, терзавшего и ослаблявшего Русскую землю. Из малой приписки ученого-мыслителя к математическому трактату следует, что он не уходил всецело в науку, отстраняясь от насущных проблем современности, что кругозор его не был узкоместным, удельным. Будучи жителем обретшего свободу города, новгородский книжник оставался приверженцем общерусской идеи. По сути дела Кирик предвосхитил гениально выраженную позднее «Словом о полку Игореве» идеологию единства страны.

Но все же социально-политический смысл существует в произведении как мотив, а основное его содержание имеет научное значение. В «Учении о числах» Кирик продемонстрировал математические знания высшего для своей эпохи уровня. Эти знания были необходимы для проведения

²³ Кирик адресовал свое сочинение неким «числолюбцам» и «промузгам». В такой форме обращения усматривается определенная ирония автора по отношению к лицам, которые тоже занимались математикой, но не достигли сопоставимого с ним уровня умений (Пиотровская Е.К. Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т.40. С.379–384).

сложных календарных расчетов. В древнерусскую эпоху для цифровых обозначений применялась буквенная нумерация, в которую Кирик внес ряд новаций. До появления «Учения» в цифровых алфавитах Древней Руси применялось только обозначение десятков и сотен тысяч. Кирик же оперировал миллионными и десятимиллионными разрядами цифр. Автор «Учения» вышел в своих математических операциях в область ранее не употреблявшихся великих чисел. Новые числовые ряды в своем тексте он назвал «несведи» (т.е. несчитаемые, имея в виду отсутствие практики употребления таких чисел в его время)²⁴.

Закономерен вопрос о том, каким образом обеспечивалась точность вычислений в сфере больших чисел. Не так давно Р.А.Симонов убедительно доказал, что Кирик использовал в своих вычислениях наглядное механическое счетное приспособление – абак²⁵. Этот прототип «счетной машины» был известен Древнему Востоку и Европе. Имеются археологические свидетельства о существовании абак и в Древней Руси с XI века. Средневековый русский абак, а точнее, его графическая основа расчерчивалась на доске или любой подходящей для этого поверхности.

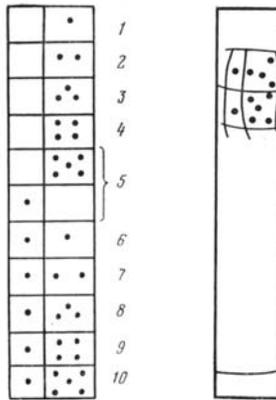

Слева: резная доска 16-уровневого абак. Справа: ее прорись. Из раскопок в Новгороде. XIV в.
Кирик при подсчетах пользовался 8-уровневым абак.

²⁴ Симонов Р.А. Несъведа – что это такое? // Русская речь. 2006. №4. С.81–85.

²⁵ См. об этом: Симонов Р.А. Древнерусская книжность (в свете новейших источников календарно-арифметического характера) М., 1993. С.75–131.

Счетное поле формировалось из нескольких горизонтально расположенных друг под другом параллельных линий, которыми пространство делилось на ряд уровней. Затем образованное параллельными линиями пространство разграничивалось вертикальной чертой на две половины. Каждый горизонтальный уровень соответствовал числовому разряду, а цифровая номинация внутри левой и правой половин любого из уровней базировалась на принципах пятерично-десятиричного счета. Для обозначения цифр на абак в качестве счетных элементов применялись вишневые и сливовые косточки.

Слева: схема обозначений чисел на абак. Справа: прорись пряслица из Белоозера с точечной записью на абак, она выражает число 100. XIII в.

С помощью такого приспособления можно было выполнять математические действия над крупными цифровыми величинами. К примеру, для того, чтобы получить результаты расчетов по §5 и определить количество часов в 6644 годах, необходимо было осуществить три несложных для абак действия: удвоив исходное число (т.е. количество дней от сотворения мира), затем удесятирив его же и сложив оба результата²⁶. Кирик в своих расчетах оперировал десятимиллионными разрядами. Следовательно, соответствующие цифровые показания он мог получить только на восьмиуровневом абак. Это было существенным шагом вперед, ибо прежде на Руси максимальные цифровые значения укладывались в шестиуровневый абак²⁷.

²⁶ *Симонов Р.А. Кирик Новгородец – ученый XII века. С.68–69.*

²⁷ *Там же. С.62, 71.*

Если оценивать трактат в целом, то он дает фундаментальное представление о принципах счисления времени и базовых понятиях церковного календаря. На этой эмпирической основе автор демонстрирует собственные недюжинные математические способности. Но есть еще один важный аспект произведения, без учета которого характеристика Кирика будет односторонней. Текст памятника дает представление о нетривиальных философских познаниях автора «Учения».

**Философские аспекты
«Учения о числах»**

Раздел о поновлении стихий в «Учении» более других календарно-математических статей характеризует философские аспекты воззрений ученого мыслителя. Данный раздел явно разрывает целостность повествования и последовательность его частей. Раздел не связан с хронологической проблематикой «Учения» и практического значения для календарных исчислений не имеет. Здесь говорится об обновлении неба каждые 80 лет (§10), об обновлении земли через каждые 40 лет (§11), об обновлении моря каждые 60 лет (§11) и об обновлении вод каждые 70 лет (§13). Немаловажно, что данные о поновлении стихий эмпирически не наблюдаемы, поэтому не могут быть зафиксированы и рассчитаны в отличие от циклов небесных светил. Автор воспроизводит готовую и откуда-то позаимствованную им модель.

В свое время В.П.Зубов совершенно справедливо заключил, что источник подобного рода идей надо искать в античности³⁰. Другие авторы также признали связь с античностью несомненной, хотя прямых текстовых аналогов не нашли: М.Ф.Мурьянов усматривал в данном разделе влияние пифагореизма³¹, а Н.К.Гаврюшин возможным источником циклических идей считал стоицизм³². Прямого заимствования из произведений античных авторов ожидать не приходится, поэтому надо искать опосредованные звенья. Аналогичные сюжеты встречаются в семитысячниках, считающихся прототипами «Уче-

³⁰ Зубов В.П. *Примечания к «Наставлению, как человеку познать счисление лет»*. С.195.

³¹ Мурьянов М.Ф. *О космологии Кирика Новгородца*. С.14 (переиздание см.: Мурьянов М.Ф. *История книжной культуры России*. Ч.1. С.155–156).

³² Гаврюшин Н.К. *«Поновление стихий» в древнерусской письменности // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья*. Киев, 1988. С.208.

ния»³³. В некоторых из них, кроме названных в «Учении» природных стихий, фигурируют еще ветряная и звездная. Получается, что количество стихий соответствовало античной номенклатуре материальных первоначал, а прототипом данного раздела являлась какая-то модификация христианизированной версии четверицы стихий³⁴. Решить, когда и кем вносились правки, можно будет только после тщательного текстологического сличения всех списков «Учения» с разными версиями семитысячников. Сегодня можно лишь констатировать правоту тех исследователей, которые трактуют элементы мироздания в «Учении» Кирика и в семитысячниках как материальные корни всех вещей³⁵. Постоянно обновляющиеся космические стихии в «Учении» представлены глобальными вселенскими массами материальных первоначал. Стихийно-космические сферы исходной первоматерии – это своего рода вселенские резервуары строительного материала Вселенной. По пути такого отождествления шли антиохийские экзегеты при толковании творения мира. Библейские первотворения ими воспринимались как стихии. Правда, взгляд антиохийцев на физическую действительность статичный, тогда как Кирик демонстрирует динамичное понимание природных процессов.

Прямых аналогов концепции обновления стихий в христианской книжности пока не обнаружено, тогда как у древнегреческих мыслителей идея циклического обновления мироздания являлась общим местом. Вспомним хотя бы учение о мировых пожарах Гераклита. Его развили стоики с их учением о повторяющихся обновлениях мирового тела в уничтожающем все огне³⁶. Представители пифагореизма рассматривали бытие мира в динамике гармоничных ритмов, а время сводили к повторяющимся циклам³⁷. К Пифагору восходит не чуждый

³³ Турилов А.А. *О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семитысячников» // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С.31.*

³⁴ *О различных христианизированных версиях четверицы см.: Громов М.Н. Античное учение о стихиях в Древней Руси // Вестник Московского университета. 1981. Серия 7. Философия. С.65–74; Мильков В.В. Античное учение о четырех стихиях в древнерусской письменности // Древняя Русь: Пересечение традиций. М., 1997. С.42–56; Его же. Космологические произведения в книжности Древней Руси. СПб., 2008. Ч.1. С.297, 333, 359; СПб., 2009. Ч.2. С.414–420.*

³⁵ Гаврюшин Н.К. *«Поновения стихий» в древнерусской книжности. С.208.*

³⁶ Богомолов А.С. *Античная философия. М., 1985. С.274.*

³⁷ *Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч.1. С.151, 479, 484.*

Кирику принцип, согласно которому «все познаваемое имеет число, ибо без него невозможно ничего ни понять, ни познать»³⁸. Платон унаследовал от Пифагора представления о том, что материальный мир упорядочен с помощью идей и чисел³⁹. Он же говорил о чередовании циклов Мирового года, которые повторяются с возвратом перемещающихся по небу светил на свои места. В общей форме мысль о циклах бытия высказывал Аристотель, который учил, что все в мире гибнет и снова возникает в бесконечных круговращениях⁴⁰. Неясно, откуда и каким путем идеи обновления мироздания попали в «Учение», но при этом понятно, что сам принцип циклизма безусловно античный, а соответствующие сюжеты памятника глубоко архетипичны.

Блок о поновлениях стихий в «Учении» тематически соединен с другими статьями, в которых календарные и временные ритмы предстают во множестве параллельных и пересекающихся циклов. Циклизм, таким образом, предстает в произведении универсальной закономерностью бытия. В силу архаических ассоциаций циклизм можно было бы воспринять как временную модель бесконечности, но Кирик нейтрализует столь опасные, с точки зрения доктрины, ассоциации. Он четко проговаривает креационистски-эсхатологические принципы христианской доктрины и таким образом вводит природный циклизм в начально-конечные рамки бытия мира. Другими словами, он совмещает архетипическую модель кругового времени с библейской концепцией линейно однонаправленного временного вектора. Вывод о бесконечности круговых повторений невозможен, если исходными считаются принципы креационизма и финализма. Автор «Учения» сделал необходимые мировоззренчески-установочные оговорки, это обезопасило его от возможных обвинений и позволило всецело сосредоточиться на математическом исследовании циклических процессов.

Для религиозно-философской характеристики трактата важно учитывать, что описание циклической повторяемости нацеливает на исследование посюсторонней действительности. В отличие от подавляющего большинства древнерусских книжных текстов для содержания трактата характерна не трансцендентная направленность, а ус-

³⁸ Богомолов А. С. Указ. соч. С.72.

³⁹ Платон. Тимей. 37d, 38a.

⁴⁰ Аристотель. Физика. Кн.IV. 14. 223 b 10–13.

тойчивый природоцентризм. Подобная установка ориентирует на исследование физической сферы мироздания, которая, как вторичная онтологическая реальность, мало интересовала христианских мыслителей.

Запечатленное в «Учении о числах» видение мира не вполне типично для традиции древнерусской православной мысли. Полностью отсутствуют ссылки на Священное писание и церковные авторитеты, но при этом в трактате присутствует апология полезности знаний. Содержание трактата более всего соответствует научной методологии пифагорейцев, согласно которой все выражается и познается числом. Концептуально Кирик активно включал античные архетипы в христианский контекст, а если учесть отсутствие специальных оговорок о допустимых рамках такого взаимодействия, то статус дохристианских реминисценций в его построениях оказывается весьма высоким.

С учетом философского компонента, средневековый ученый предстает перед нами не простым «статистиком мироздания», но крупным мыслителем, который был вооружен разносторонними и фундаментальными (по понятиям средневековья) знаниями. Небольшой по объему текст насыщен сведениями из области математики, астрономии, календаря, философии.

Не исключено, что столь своеобразный по содержанию и исполнению трактат был написан с целью ученой состязательности, подтверждавшей квалификационные способности его автора⁴¹. Научный кругозор автора «Учения» соответствует средневековому европейскому стандарту ученой подготовки. Образование такого рода в XII столетии можно было получить в высших школах Византии или европейских университетах⁴². Но Кирик не мог происходить из числа пришедших на Русь греков: слишком незначительны для образованного византийца были занимаемые им церковные должности. Каков же был путь ученичества явно незнатного человека, получившего наивысшее по тем временам образование, но при этом передвигавшегося лишь по низшим ступеням церковно-послужной иерархии?

⁴¹ Симонов Р.А. *Древнерусская книжность*. С.9, 46, 154–155; *Его же. Ученая состязательность в Древней Руси // Информационная культура в контексте гуманитарного знания: Сборник статей*. Краснодар, 2001. Вып.12. С.49–56.

⁴² См.: Самодурова З.Г. *Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С.366–401.*

Ответить на этот вопрос нетрудно: Кирику не надо было покидать ставшие для него своими стены Антониева монастыря. Прославившийся на писательском поприще талантливый новгородец почти наверняка принадлежал к местному пополнению переселившейся из Европы общины. Судя по годам, он должен был находиться в послушании и обучении у первого поколения антониевских монахов. Именно они, выходцы с Запада, могли дать отличавшемуся выдающимися способностями новгородскому юноше университетское, европейски высокое образование. Самостоятельность и оригинальность суждений Кирика, видимо, также следует объяснять школой, которую он прошел в находившемся на особом положении Антониевом монастыре-переселенце. Разносторонние дарования позволяли молодому монаху совмещать два важных монастырских занятия: дьяконство и руководство хором, да еще попутно упражняться в математике.

**Кирик как исследователь
религиозности
и нравственно-этического
облика современников**

Перу Кирика принадлежит также «Вопрошание»⁴³, созданное в середине XII столетия⁴⁴. По формальным признакам оно может быть отнесено к жанру церковно-покаянной дисциплины. Многие исследователи так

его и воспринимали, ограничиваясь изучением церковно-правовых и церковно-политических аспектов произведения⁴⁵. Однако даже в рамках

⁴³ Публикации см.: Макарий (Булгаков). *История Русской церкви*. М., 1995. Кн.2. С.389–395 (далее будет воспроизводиться общепринятая в публикациях данного памятника нумерация параграфов без отсылок к изданиям); Памятники древнерусского канонического права // *Русская историческая библиотека*. СПб., 1880 Т.6. Ч.1. / Изд. подг. А.С.Павловым. Стб.21–62; Смирнов С.И. *Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины*. М., 1912. С.1–27.

⁴⁴ По имеющимся в содержании «Вопрошания» датирующим признакам можно заключить, что оно создавалось в пределах конца 40-х – конца 50-х годов. Нижние хронологические рамки произведения определяются годами правления архиепископа Нифонта (1131–1156), но наиболее вероятна вторая половина этого срока. Верхняя дата устанавливается на основании упоминания преемника Нифонта Аркадия, до его официального возведения в сан епископа в 1158 году.

⁴⁵ Максимович К.А. *Заповеди святыхъ отць. Латинский пенитенциал VIII века в церковно-славянском переводе*. М., 2008. С.23, 78–79, 82, 139–141, 149–151; Пихоя Р.Г. *Опыт*

строного церковного жанра автор «Вопрошания» находил темы для философско-богословского осмысления действительности. Чаще всего Кирик фокусировал внимание на проблемах нравственно-этического характера. Уже в начале XX века один из лучших знатоков творчества Кирика выявил этическую составляющую церковно-правовых разделов «Вопрошания»⁴⁶. Такой поворот дела может показаться странным. «Вопрошание» действительно не является прямой моральной проповедью и кардинальным образом отличается от древнерусских поучений, писавшихся с позиций религиозно-нравственного назидания. Но все его содержание подчинено задаче формирования здорового морального климата в обществе. Следовательно, по тексту памятника можно судить о религиозно-философских воззрениях мыслителя.

«Вопрошание» имеет сложную композиционную структуру, выстроенную из разновременных записей в форме вопросов Кирика разным лицам. Часть материала имеет черты фиксации по типу дневниковых заметок. В сочетании живого рассказа с вопросно-ответной формой проявились черты новаторства. Как и в случае с «Учением о числах», Кирик Новгородец создал не имеющее полных аналогов произведение.

Подавляющий объем текста воспроизводит записи бесед Кирика и новгородского владыки Нифонта. Так случилось, что жизненные пути крупного церковного деятеля русского средневековья и антониевского инока пересеклись. Когда это произошло – сказать трудно. По крайней мере, в 40–50-е годы Кирик мог часто встречаться с владыкой и подолгу с ним беседовать. Содержание бесед он фиксировал письменно. Записи отражают напряженное осмысление автором «Вопрошания» религиозной жизни своих современников. На завершающей стадии создания произведения родившемуся в 1110 году Кирику было более 40 лет. К этому времени он уже стал иеромонахом и вы-

изучения ранних новгородских памятников церковного права (Правило «Аще двоеженец» и «Вопрошание Кириково») // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1973. Т.1. С.9–16; Его же. Церковь в Древней Руси (конец X – перв. пол. XIII в.): Древнерусское покаянное право как исторический источник. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974; Подскальски Г. Указ. соч. С.306–310; Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С.102–110, 179–180, 224.

⁴⁶ См.: Смирнов С. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С.104–132.

носил на обсуждение с владыкой отнюдь не простые проблемы, возникавшие в реальной практике его пастырской деятельности.

Многие вопросы Кирика Нифонту были весьма остры. Они обнаруживали далеко не всегда канонический ход мыслей вопрошателя и по этой причине обсуждались в довольно напряженной обстановке. Случалось, что архиепископ на дерзость вопрошателя топал ногами, удаляя свидетелей разговора. Гнев, однако, не перерастал в опалу, ибо богословские собеседования, тщательно фиксируемые Кириком, продолжались довольно длительное время. Гнев и опасения владыки не были напрасными. Вопрошатель ссылался на апокрифическую литературу и проявлял склонность к не признанным греческими канонами материалам латинского происхождения.

Спектр интересовавших Кирика вопросов был весьма разнообразен. В общих чертах его можно дифференцировать по тематическим рубрикам. Важные вопросы богослужебной практики (§§14, 20, 22, 70, 95–97, 101); отношение к причастию (§§1, 61–63) и пищевые запреты (§§86–91); приобщение к вере латинян, иноверцев и язычников (§§10, 40, 50); вопросы чистоты телесной и духовной применительно к посту и брачным отношениям (§§26–30, 57, 67–69, 71–73, 77, 80–82, 84, 92–93). Много внимания уделено суевериям (§§17, 47, 74) и двоеверным ситуациям (§§11, 53, 59). Подвергаются осуждениям и запретам некоторые случаи проявления социального зла (§§4, 12).

Кирик не начетник. Его интересует не абстрактный набор грехов, а заботит вполне конкретное нравственное измерение повседневности, вытекающее из оценки религиозного состояния общества. Все содержание произведения подводит к выводу о том, что греховность безнравственна, тогда как жизнь без греха моральна и нравственна, поскольку угодна Богу. Каждый из зафиксированных в сочинении прецедентов оценивается двояко: с канонической точки зрения – то есть насколько то или иное явление соответствует церковным правилам и рекомендациям; и с нравственно-этической, показывающей, насколько установления способствуют удержанию людей в рамках должного.

Уже давно отмечено, что целый ряд положений «Вопрошания» рисует яркую картину новгородской жизни середины XII столетия. Благодаря этому произведению, в частности, узнаем о существовании культа языческих божеств почти два века спустя после введения христианства. В §33 Кирик Новгородец сообщает о том, что его современники приносят в жертву Роду и Рожаницам хлебы, сыры и мед. Естественно, это уже не было проявлением чистого язычества.

Рожаничные трапезы происходили в церквах. Как пронизательный исследователь религиозно-нравственного состояния современников, автор «Вопрошания» фиксирует ценнейшие сведения о симбиозе язычества с православием. Поднятый Кириком перед Нифонтом вопрос затрагивал базовые реалии языческого сознания, в каком-то качестве сохранявшиеся двоеверами. Практики рожаничной обрядности имели отношение к неизжитому культу плодородия и пантеистическому пониманию природы вчерашними язычниками⁴⁷.

Кирик воспроизводит категорический запрет епископа Нифонта на проведение подобных ритуалов. Непримируемый пафос владыки можно сравнить с антиязыческими поучениями, направленными на искоренение культа Рода и Рожаниц⁴⁸. Но, в отличие от последних, в «Вопрошании» отсутствуют обличения как таковые. Только фиксация положения дел и оценка, данная высшим должностным лицом новгородской церкви. Однако и в таком сдержанном виде 33-й пункт «Вопрошания» четко маркирует религиозную, а вместе с ней нравственную переориентацию, на которую нацеливала церковь. В ее задачу входило искоренение прежних верований и внедрение в общественное сознание новых сакральных ценностей. Но перестройка общественного сознания древних русичей шла медленно. Есть в нее и вклад Кирика, в «Вопрошании» которого были обозначены новые религиозные и моральные критерии, нацеливавшие на слом прежних духовно-нравственных ценностей.

Поднимая ту или иную проблему, Кирик показывает трудности переходного периода, которые не способствовали скорому формированию нового морально-религиозного облика его современников. Этому мешала инерция архаики, которая проявлялась не только в

⁴⁷ Для понимания мифологических функций Рода важно отождествление его с Творцом (Гальковский Н.М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*. М., 1913. Т. II. С.97). Он наделялся производительной силой, которая была направлена на женское начало. В том же парном качестве предстают и другие дохристианские персонажи, олицетворявшие обожествление небесного (мужского) и земного (женского) начал бытия. Согласно мифологическим воззрениям, представленные в образах богов природные сферы находились в космическом браке (см.: Мильков В.В. *Антицерковные и еретические движения в древнерусской мысли* // Громов М.Н., Мильков В.В. *Указ. соч.* С.297–234; *Его же. Язычество славяно-русского общества* // *Русская философия. Энциклопедия*. М., 2007. С.729–731).

⁴⁸ Ср.: Гальковский Н.Н. *Указ. соч.* С.22–25, 33, 86–89.

рожаничных трапезах, но и в других пережитках язычества. Реалиям такого рода уделено много внимания в «Вопрошании».

Весьма наглядно пережитки язычества отразило содержание §50, где излагаются нормативные рекомендации к проведению обряда крещения взрослых, а также §40, регламентирующего обращение в веру инородцев. В них документально зафиксировано, что в Новгороде и округе до середины XII в. далеко не все население было воцерковлено. Приобщение к христианству взрослых людей свидетельствует о затянувшемся процессе христианизации. Характерно, что суровых нравственных требований для приходящего к таинству крещения новгородца «Вопрошание» не предусматривает. Единственным условием было пребывание в чистоте в течение восьмидневного срока оглашения. Подобные рекомендации максимально упрощали порядок приобщения к новой вере, дабы не оттолкнуть неофита. Главной целью являлся отрыв язычника от традиций поганства.

В «Вопрошании» получили отражение разные нормы церковной практики в сфере крещальной обрядности. Они обнаруживают дифференциацию ценностных подходов новгородских священнослужителей к представителям различных вер и этносов. Согласно §40 для славян и иноязычных инородцев определялись разные сроки оглашения (8 и 40 дней соответственно). Нравственным критерием для проведения таких отличий могло быть противопоставление своих и чужих. Тем не менее данная статья свидетельствует, что за выходцами из иноязычной среды, в которой язычество держалось сильнее и дольше, требовался более тщательный контроль.

По тому же нравственному критерию проводилось различие и в отношении к латинянам, которые считались христианами иного исповедания. В §10 излагаются условия приобщения к православию католика. Из «Вопрошания» следует, что он должен был пройти тот же восьмидневный срок оглашения, что и приходящий к вере новгородец. Сам акт приобщения ограничивался только миропомазанием. В дополнение к достаточно упрощенной процедуре Кирик предложил и собственную поправку. Он рассудил так: если человек священнику известен, то даже сроки оглашения можно сократить. Снисходительное отношение к переходящим из католичества в православие могло быть предопределено частыми западными контактами новгородцев, но нельзя сбрасывать со счетов специфики Антониева монастыря и влияния на Кирика прибывших из Италии учителей. Возможность

прохождения упрощенной и ускоренной процедуры открывалась и перед вчерашними язычниками.

Механизм воцерковления в середине XII века, как видим, не предусматривал суровых испытаний. В этих условиях обряду крещения придавалась чисто внешне благочестивая форма. С ситуациями формальной христианизации новгородцев мы еще не раз встретимся на страницах «Вопрошания». На таком фоне многочисленные пережитки язычества закономерны.

Даже в суждениях самого автора «Вопрошания» можно обнаружить некоторый архаический подтекст. Наглядным примером являются смыслы §53, где формулируется запрет на осуществление захоронения умершего после захода солнца. Поразительным образом здесь отразилось сплетение различных верований. Известно, что языческие захоронения древних славян по обряду трупоположения делались лицом на восток – навстречу обожествленному светилу⁴⁹. Начиная с дохристианской поры, а затем на протяжении последующих веков по традиции русское население устойчиво продолжало хоронить своих умерших до захода солнца⁵⁰. В христианскую пору изменений ориентации не произошло. Изменилось лишь понимание обряда. Солнце в новой мировоззренческой системе координат стало выступать в качестве сакрального ориентира, обозначающего то направление, откуда должен прийти Христос в момент всеобщего воскрешения мертвых. «Вопрошание», при описании важнейшей детали раннесредневекового похоронного обряда, демонстрировало редкую для церковной книжности идеологическую сдержанность. При совпадении внешних признаков погребальных обычаев до и после введения христианства отсутствовали объективные основания для морального суждения дохристианских погребальных практик.

⁴⁹ См. об этом: Моця А.П. Некоторые проблемы изучения восточно-славянского погребального обряда конца I – начала II тысячелетия н.э. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Новгород, 1989. С.42; Седов В.В. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* М., 1982. С.97–98; Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси.* М., 1988. С.109–111. – В «Ригведе» путь к обители предков назван «дорогою солнца», а в народных стихах рай наделяется эпитетом «солнечный» (Тихонравов Н.С. *Сочинения.* М., 1898. Т.1. С.195).

⁵⁰ Барсов Е.В. *Погребальные обычаи на Севере Руси* // *Причитания Северного края.* М., 1872. Т.1. С.306; Куликовский Г.И. *Похоронные обряды Обонежского края* // *Этнографическое обозрение.* 1890. №1. С.53.

Тема «правильной» погребальной практики продолжается в §55. Здесь говорится о помещении вместе с мертвым иконки Михаила. При исследовании захоронений эпохи Кирика в ближайшей новгородской округе, а также на окраинах Новгородской земли неоднократно находили медные литые образки и другие христианские символы⁵¹. Получается, что Кирик воспроизвел в своем тексте как раз ту картину, которая открывается археологам при проведении раскопок могильников его времени. Спрашивается, зачем Кирик касался ситуации, которая чисто внешне выглядела вполне благопристойно?

На самом деле, вопрошатель заострил внимание иерарха на весьма важной для того времени проблеме. Далеко не все предметы христианского благочестия можно рассматривать как бесспорный индикатор принадлежности их владельцев к православию. По данным археологии большое количество образков и крестиков находится в комплекте с богатым вещевым инвентарем, который отражает веру в жизнь за гробом. Их помещали на пояс и у ног, в составе амулетов и ожерелий (причем по несколько штук). Они также встречаются в захоронениях с явно нехристианской восточной ориентацией. Все вместе отражает дохристианское отношение к смерти⁵². Присутствие предметов христианского благочестия среди вещевого инвентаря погребений в лучшем случае можно квалифицировать либо как свидетельство далеко не полной христианизации общества⁵³, либо как чисто внешний и формальный знак принадлежности к новой вере⁵⁴.

В вопросе Кирика владыке крылся определенный подвох: формальная демонстрация принадлежности к христианству оказывается в контексте архаической дохристианской традиции. Вопрошатель понимал, что за описанным им обрядом скрывается языческая логика захоронения с вещами, поэтому и заострил внимание на двусмысленном обрядовом действии. Кажется, реакция владыки должна быть

⁵¹ *Самая полная сводка: Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С.187–192.*

⁵² *Введение христианства на Руси. М., 1987. Вклейка. Рис.37, 39; Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополя) // Краткие сообщения Института археологии. М., 1991. №205. С.16–18.*

⁵³ *Седов В.В. Указ. соч. С.9.*

⁵⁴ *Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни... С.19.*

предсказуемой. Но в ответе на запрос Кирика владыка называет усопшего христианином и не велит выкапывать иконку, в каковой усопшему христианину за гробом не было необходимости. Получается, что Нифонт принимал чисто внешнюю демонстрацию принадлежности к вере. В обстановке затянувшейся христианизации он вынужден был считаться с ритуальными практиками переходного периода. Обычное в подобных случаях моральное осуждение непотребных действий в русле архаики оказывается неуместным.

Остановимся еще на одном примере скрытого синкретизма. В §74 воспроизводится поверье, согласно которому зачатый в воскресенье, субботу или пятницу ребенок станет либо вором, либо блудником, либо разбойником. Автор проявил какую-то особую заинтересованность в этом вопросе, увязав данную практику с известной ему по книгам «некоторой заповедью». Предопределение будущего резко осудил Нифонт и порекомендовал сжечь книги, в которых об этом пишется.

В древнерусской письменности указанный сюжет «Вопрошания» не стоит особняком. В апокрифических материалах известны аналогичные поверья⁵⁵. Установлено, что апокрифические епитимийники («худые номоканунцы» по Н.С.Тихонравову), в которых имеются аналогичные «Вопрошанию» сюжеты, являются краткой версией «Заповедей святых отец». Сами «Заповеди» были переведены с латинского пенитенциала⁵⁶ VIII века и через посредничество кирилло-мефодиевской традиции попали на Русь. Из «Заповедей святых отец» апокрифическими номоканунцами⁵⁷ был заимствован ряд латинских норм⁵⁸. Таким образом, в творчестве Кирика обозначается еще одна грань весьма специфического западничества.

⁵⁵ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т.2. С.302–303, 312. – Предупреждения о появлении нежелательного потомства встречаем в «Лунниках» (Перетц В.Н. Материалы к истории апокрифа и легенды // Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1901 г. СПб., 1901. Т.VI. Кн.3. С.61, 63, 82).

⁵⁶ Пенитенциал – сборник вопросов, которые задавали священники при покаянии грешников.

⁵⁷ Апокрифические («худые») номоканунцы – термин, обозначающий подборки неканонических правил.

⁵⁸ Максимович К.А. Указ. соч. С.15, 35, 137, 157–158, 172, 174; ср.: Тихонравов Н.С. Указ. соч. С.3–4; 305, 311.

Однако общий контекст затронутой «Вопрошанием» темы сложнее. Практика прогнозирования судьбы зачатых в неблагоприятные дни детей была широко распространена, начиная с дохристианской эпохи, и веками удерживалась в традиционной народной культуре. По данным фольклора и этнографии вплоть до недавнего времени стойко держался комплекс представлений, увязывающих несчастную судьбу или порочные черты личности с зачатием в неблагоприятные дни (например, образы причитаний)⁵⁹. Выявление плохих дней в году, месяце, неделе, наконец, внимание к неблагоприятным часам в дне – это круг действий, относящихся к сфере хрономантии. В рамках таких действий качество времени оценивалось в прогностической перспективе⁶⁰. Кирик вполне мог инициировать обсуждение вопроса о нежелательном времени зачатия детей на основании бытования соответствующих суеверий в его эпоху. Но внимание к проблеме предсказаний вряд ли было инициировано только этим.

Не будем забывать, что Кирик не связал проблему неблагоприятных дней с примитивным народным обоснованием поверья, а сопоставил прогностику злых дней с книжной ее интерпретацией. В эпоху средневековья образованные книжные люди вроде Кирика проблему определения неблагоприятного времени решали астрономически, без этого прогноз не мог быть точным⁶¹. Сам Кирик, главной сферой которого были календарно-астрономические и математические расчеты, не только понимал логику средневековой прогностики, но и вполне

⁵⁹ Веселовский А.Н. Судьба-Доля в народных представлениях славян // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1889. Т.46. №6. С.175. – Ср.: «Мы с тобой, да свет спорядная суседуика, в безчастный день во пятницу засеяны, в безталанный день во среду вспорожены» (Барсов Е. Причитания Северного края. Т.1. С.10).

⁶⁰ Бодуэн-де-Куртенэ И. Тяжелые дни (из «апокрифов») // Записки нефилологического общества при имп. Петербургском университете. Сб. в честь проф. Ф.А.Брауна. Пг., 1915. С.21–22; Сперанский М. «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. София, 1937. Вып.7. №1; Толстая С.М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценки дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С.168. Успенский Б.А. К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели // *Finitis duodecim Lustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М.Лотмана. Таллин, 1982. С.70–74.

⁶¹ Симонов Р.А. Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). М., 1998. С.13, 32–34.

мог быть знаком с астрологическими текстами. Не исключено, что его могла интересовать расчетная подоплека прогностики, а не довольно примитивные практики такого рода у современных новгородцев. Сохранявшаяся с дохристианских времен среди его современников практика прогнозирования, скорее всего, была лишь поводом для обозначения проблемы.

В «Вопрошании» затрагивались и другие ситуации синкретического свойства. Характерный пример – это обсуждение вопроса, можно ли резать скот по воскресеньям (§11). Вопрос не праздный. На первый взгляд в нем просматривается внимание к тому, как следует сочетать насущные заботы мирян с чтимым церковным днем недели, который считался днем отдохновения от дел. В то же время в вопросе звучит опасение, что воскресный забой животных ассоциируется с действиями в традиционном ключе. Ведь в сохранявшейся языческие пережитки традиционной культуре заклятие скота в сакральные сроки было связано с коллективными и семейными трапезами ритуальной направленности. По сути дела, резание скота в почитаемые календарные сроки являлось заклятием жертвенных животных. Казалось бы, по праздникам надо напрочь запретить действия, вызывающие ассоциации с жертвенными обрядами, но владыка, как опытный церковный политик, соотносится и с нуждами простых мирян, и с прочностью традиций. Проник ли он в двусмысленность ситуации? Ведь речь идет о послаблении пережиточным обрядам в условиях христианства. Новгородский владыка проводит тонкую политику поощрения устойчивым народным традициям. Он разрешает действия, которые трудно было искоренить и которые благодаря подобным поощрениям держались столетиями. В данном случае Нифонт отступает от запретов, которые для подобных ситуаций предусматривались греческими и древнерусскими епитимийниками. Последние заклятие скотины по воскресеньям квалифицировали как грех⁶².

В общем и целом зафиксированные в «Вопрошании» двоеверные казусы отразили переустройство нравов древнерусского общества в переходный от язычества к христианству период. В соответствии с новым мировоззрением менялась шкала ценностей, но оставалась

⁶² См.: Алмазов А.И. *Тайная исповедь в православной Восточной церкви. Одесса, 1894. Т. III. С. 153; Смирнов С. Древнерусский духовник. С. 126. Прим. 4.*

инерция в сознании и привычках людей. Вот на этой неустойчивой и неоднозначной ситуации перехода и сфокусировано было внимание Кирика. Видимо, незавершенность процессов предопределила отсутствие одномерности при характеристике нравственно-религиозного состояния общества. Что-то из безобидной архаики по умолчанию принималось, с чем-то приходилось мириться, а что-то категорическим образом отменялось.

Естественно, что ситуации широкой общественной значимости не сводятся в «Вопрошании» исключительно к двоеверным рецидивам. Среди нравственно-религиозных оценок древнерусской действительности Кирик выделяет несколько поступков, которые он считает не просто тяжким личным грехом, но и большим социальным злом. В первую очередь к таким греховным поступкам относится лихоимство – взимание долговых процентов (§4). Сам Кирик уверен, что при взимании лихвы нарушался принцип совести. С позиций христианской нравственности взимание лихвы приравнивалось к грабежу. Пожалуй, едва ли не в первую очередь такого рода нравственная проповедь могла быть направлена на увещевание состоятельных особ, дававших деньги в рост. Но близкий к имущей и властной среде иерарх занял позицию компромисса и предлагал лечить порок лихоимства увещеваниями. Кирик, задавая вопрос, поднимал моральную планку требования до максимума. Можно видеть, как на ниве священнослужения происходила нелегкая нравственная борьба с лихоимством, а высокое попустительство не способствовало искоренению зла.

Другим социальным злом Кирик считал непомерно расцветший к середине XII века масштаб паломничества в Святые места (§12). Подобное отношение может показаться неожиданным. Суть дела помогают понять оценки того же явления ближайшими современниками. Г.Подскальски и А.В.Назаренко очень хорошо показали, что сдержанное и даже критическое отношение к «паломническому энтузиазму» было характерно для целого ряда христианских авторов⁶³. Эту точку зрения разделяли отдельные представители Русской церкви. Например, посетивший Святую землю в 1106–1107 годах игумен Да-

⁶³ См., например: *Изборник 1076 года*. М., 1965. Л.117 а; *Патерик Киевского Печерского монастыря* / Изд. подг. Д.И.Абрамович. СПб., 1911. С.110. Об этом подробнее: Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*. М., 2001. С.629–631; Подскальски Г. *Указ соч.* С.319.

нии⁶⁴. Знакомый нам уже архиепископ Нифонт рекомендовал новгородскому священнику Илье накладывать епитимию на тех, кто дает клятву посетить святые места⁶⁵. Подобные настроения можно было бы объяснить опасениями церковнослужителей по поводу контактов с латинянами на Святой земле. Но антилатинских полемических выпадов в «Хождении игумена Даниила» не обнаруживается⁶⁶. Бесперспективно искать подобную мотивировку и у западника Кирика.

Подлинные причины негативного отношения к паломничеству на Руси помогает понять именно «Вопрошание». Если автор «Хождения» всего лишь опасался, что участники паломничества в Иерусалим могут возгордиться подвигом посещения святых мест, то Кирик называет более существенную причину. По его убеждению, многие ходили на чужбину вовсе не за благочестием, а чтобы «ходяче ясти и пити». Меткая характеристика! Кирика, однако, волновала не только меркантильная, но еще и сущностная сторона дела. Хотя критика и адресовалась тем, кто присоединялся к группам паломников и существовал за чужой счет, главное опасение вызывал соблазн подменить многотрудный путь духовного совершенствования формальным актом посещения Святых мест. Ведь посещению Святой земли, согласно распространенному в православной среде убеждению, придавалось спасительное значение. Совершенно очевидно, что в общественном сознании открывался соблазн избрания легкого пути спасения, без многотрудной работы над собой. Кирик же исходил из того, что человек должен не формально исполнять обет, а прежде всего должен быть готов к нему морально (т.е. духовно) и нравственно (т.е. понимать глубокий духовный смысл посещения Святых мест).

Поразительным образом Кирик предвосхитил ставшую официальной точку зрения. Изложенная в «Вопрошании» мотивация запрета на паломничество была подтверждена собором 1276 года и в качестве правила была включена в Кормчую книгу⁶⁷. И рекомендации в тексте, и последующие соборные решения противостояли поветрию хождений в Святые места. Все это означало, что спасает не место, а дело.

⁶⁴ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С.24–25.

⁶⁵ Русская историческая библиотека. М., 1906. Т.6. Стб.61–62.

⁶⁶ См.: Назаренко А.В. Указ соч. С.638.

⁶⁷ Бенешевич В.И. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т.2. С.116; Назаренко А.В. Указ. соч. С.629–630.

Настоящий путь спасения пролегал не по дорогам на Ближний Восток, а по сердцам и душам верующих. Залогом спасения должны быть не далекие путешествия сомнительного свойства, а добрые поступки и внутреннее совершенствование под руководством опытного и понимающего пастыря, каковым и был Кирик Новгородец.

Нельзя не признать крайнюю актуальность поднятой в «Вопрошании» проблемы и большую важность ее в масштабах всего общества. В годы Кирика путешествия в Святую землю становились своеобразной модой, когда под предлогом паломничества можно было покинуть семью, дело, которым занимался, а возможно, даже и хозяина, от которого был зависим. Так оборачивались социальной своей стороной духовно-нравственные изъяны мнимоспасаящихся.

Тема легкого спасения рассматривается в «Вопрошании» еще в одном и очень интересном контексте. В §76 Кирик поднимает вопрос о практике заказных литургий. Откупление от грехов практиковалось среди богатых, и Кирик подмечает ту особенность, что оплатившие свои грехи нисколько не трудятся над собственным нравственным обликом. Естественно, что епископ отверг такую практику, как не соответствующую канонам Восточной церкви и нравственно порочную, а в сакральном смысле бесполезную. Та же проблема оплаты грехов будет подниматься в древнерусской книжности неоднократно, а это значит, что служители церкви отпускали грехи «на дару». В историографии давно были отмечены следы западного влияния на творчество Кирика. Отраженная «Вопрошанием» практика заказных литургий зародилась в латинском мире. Источником в данном случае являлось «Правило» англосакса Бонифатия – апостола Германии (ум.755)⁶⁸. Но для нас важно, что такая церковная практика распространялась среди западных славян ирландцами через моравское посредничество⁶⁹. Тексты, регулирующие эту практику, скорее всего, попали к Кирику в числе привезенных переселенцами из Европы книг.

⁶⁸ Никольский Н.К. *К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право* // Библиографическая летопись Обществ любителей древней письменности. Пг., 1917. Т.3. С.110–124; Суворов Н.С. *Следы Западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права*. Ярославль, 1893. С.161–163.

⁶⁹ Мурьянов М.Ф. *О новгородской культуре XII века* // *Sacris Erudiri*. XIX. 1969–1970. С.422; Кузьмин А.Г. *Падение Перуна*. С.171.

«Вопрошание» является образцом того, как без проповеди и прямых нравучений можно воздействовать на моральное сознание. Его философско-этическое ядро составляет выяснение сути должного, с точки зрения установок христианского вероучения. Именно с позиций доктринально заданного должного давалась моральная оценка современников Кирика. В общем контексте произведения этический аспект занимает значительное место. Автор «Вопрошания» сделал предметом своего исследования нравственно-религиозную сферу жизни новгородцев. На этом поприще средневековый русский энциклопедист проявил себя как тонкий наблюдатель, знаток и аналитик современной жизни с нравственной ее стороны. Поэтому и «Вопрошание» вышло из-под его пера не сухим юридически-нормативным документом, а оказалось энциклопедией нравов эпохи, облеченной в форму церковно-правовых установлений.

Трактовка многих тем «Вопрошания» неотделима от авторитетных суждений новгородского архиепископа, которые тщательно фиксировались создателем произведения. Некоторые исследователи указывают на длительное присутствие Кирика в ближайшем окружении Нифонта и на этом основании делают вывод о подвластном положении автора «Вопрошания» при дворе новгородского владыки, низводя роль Кирика до функций секретаря владычной канцелярии. Мало того, что здесь не учитывается активная позиция вопрошателя. Недооценивается степень суверенности инока во взаимоотношениях с иерархом. Ведь раболепского пиетета перед высоким сановным лицом в содержании произведения как раз и не обнаруживается. Пожалуй, наиболее ярко, даже вызывающе, Кирик демонстрирует свою независимость от Нифонта беседами с автокефальным митрополитом Климентом Смолятичем (1147–1150).

Встречи с главой русской автокефальной церкви состоялись во время поездки Нифонта в Киев (1147). Туда новгородский архиепископ отправился с целью возглавить силы, противодействовавшие избранию Климента русским первоиерархом на митрополию, независимую от Византии. За противодействие инициативе киевского князя новгородский владыка был заточён (1149). Пока Нифонт находился в заточении велись беседы между двумя высокообразованными книжниками: ученым мужем из свиты новгородского архиепископа и автокефальным митрополитом, который слыл у современников знатоком античной философии. Отношения между ними, судя по записям бесед

(§§21–38 «Вопрошания»), были вполне доверительными. Автор «Вопрошания» помещает толкования Климента в один ряд с ответами Нифонта, как бы уравнивая авторитет обоих. Для такого рода поступков надо обладать не только независимостью, но еще и смелостью. Вступив в общение с общерусским митрополитом (к тому же митрополитом с точки зрения канона неправомочным) через голову своего непосредственного духовного начальника, Кирик даже не задается вопросом законности главы русской церкви. Не исключено, что здесь проявились те же общерусские пристрастия, что и в «Учении о числах», где Кириком был возвеличен не имевший реальной власти новгородский князь.

Встречи с античником Климентом должны были завершиться в 1150 году, когда на киевском столе утвердился дружественный Нифонту Юрий Долгорукий, ликвидировавший автокефалию и освободивший опального новгородского архиепископа. После перемены политической ситуации в Киеве выпущенный из заточения новгородский владыка возвращается домой, где Кирик вновь объявляется в его окружении и продолжает выступать в привычной уже роли вопрошателя.

После смерти Нифонта, случившейся в 1156 году⁷⁰, Кирик не отошел от привычных занятий интервьюирования и обращается за разъяснением ряда проблем уже к новому владыке. Причем он продолжает линию повествования в духе беспристрастной преемственности летописных погодных записей. В той же манере, в какой прежде адресовались вопросы Нифонту, испытывает Кирик богословские позиции бывшего аркажского игумена Аркадия, которого новгородцы удостоили избрания в епископы вечевым собранием (1158). Беседы велись, пока Аркадий ожидал своего утверждения в сане. На вопрошаниях Аркадия и обрываются записи Кирика, достигшего в 1158 году возраста 48 лет. Кирик, как явствует из автобиографических ремарок сочинения, был слаб здоровьем и еще в бытность прежнего владыки имел намеренье уйти от дел, приняв схиму. От этого шага его удерживал Нифонт. Как сложились последние годы жизни выдающегося новгородца, остается неизвестным.

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. С.347.

Многогранность дарований

Хотя из наследия Кирика сохранились всего два произведения, сами эти произведения характеризуют творчество их создателя как многоплановое⁷¹. «Учение» и «Вопрошание» представляют разные этапы творчества Кирика Новгородца. Они отражают динамику расширения проблемного поля древнерусского книжника и богатый диапазон творческих возможностей древнерусского автора.

Сопоставляя этапы творческого пути Кирика Новгородца, мы видим, как изменялись интересы мыслителя от вычислительно-математических до фундаментальных богословских. В роли математика и астронома он решал задачи календарных вычислений. Его анализ современности с позиций богословия был на самом острие злобы дня. Целый ряд научных идей был заимствован Кириком из античности, это и придает им особую значимость. Нестандартность осмысления им жгучих проблем новгородской жизни обуславливалась некоторой свободой от диктата догм. Работы Кирика обладают высокой степенью оригинальности. Все эти особенности, включая западные реминисценции в творчестве и европейские источники учености, были обусловлены тем, что Кирик являлся воспитанником монастыря-переселенца, основанного в 1106 году прибывшим из Рима Антонием.

Оценивая творчество Кирика в целом, мы имеем все основания констатировать: в культурном и идейно-мировоззренческом смысле явление Кирика было исключительно ярким. С его именем связан мощный всплеск веротерпимой и голодной до всяких знаний учености. Кирик исследовал мироздание числом, а нравственно-религиозные качества своих современников оценивал по меркам богатой палитры неоднозначных книжных предписаний и устных реко-

⁷¹ На этом основании даже высказывались сомнения, что в одной личности не мог продуктивно сочетаться талант почти покинувшего теологическую почву ученого с достоинствами церковного писателя, для которого были характерны широчайшие познания в богословии и церковном праве (см.: Мурьянов М.Ф. *О новгородской культуре XII века*. С.421, 429; Goltz L.K. *Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts*. Stuttgart, 1905. S.176). Однако концепция «двух Кириков» не закрепилась в историографии (Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С.216–217).

мендаций современных ему церковных деятелей. Ситуация перехода, динамичность духовных процессов и первые в отечественной книжности попытки осмыслить плоды христианизации на фоне разных явлений религиозной жизни первой половины XII в. – все это являлось факторами, которые побуждали к идейным исканиям и неординарным решениям. Как мыслитель, находившийся на путях поиска самостоятельных ответов на проблемы, Кирик безусловно может быть назван крупным представителем рационализированной ветви древнерусской религиозной мысли в той ее редакции, которая отражена кругом кирилло-мефодиевских древностей.

Брошенное на русскую почву переселенцами из Европы зерно знаний дало первый и зрелый плод отечественной научной мысли средневековья. К сожалению, эта во всех отношениях плодотворная традиция не получила закрепления и дальнейшего продолжения.

Феномен Кирика демонстрирует, что в Древней Руси имелись как начатки научной мысли, так и собственный опыт в теологии. Кирик Новгородец заявил о себе не только как ученый, но и как религиозный философ, имевший разностороннюю богословскую подготовку.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

РОССИЯ XXI 06. 2010

Ив Коэн

ЛИЧНОСТНОЕ, ДОЛЖНОСТНОЕ И ПАРТИЙНОЕ «Я»:

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ
И РАБОТЫ НАД СОБОЙ
В КОММУНИЗМЕ И ЛИБЕРАЛИЗМЕ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
159.923.2

For the last thirty years, enterprises in Capitalist countries have been fostering among their staff a sense of engagement and participation in the life of the company. Self improvement techniques are being actively promoted: once intended only for managers, nowadays they are compulsory for all workers. The article shows how the Soviet Union pioneered this move. From the outset, the Bolsheviks set great store by work on the self, which was obligatory for those running both enterprises, and the country itself. Political and industrial achievement depends not only on the amount of physical and mental effort put in, but also on the energy spent on self improvement, which is necessary in any institution. The bureaucracies of the twentieth century were not that impersonal after all, human subjectivity playing a direct part in their creation and functioning. The paper examines subjectivity in a historical context: the different uses of the word 'I', the choice of one particular 'I' due to one's activity, the reflexive 'I', and the Communist 'party I', which tries to subjugate all other 'I's, whether or not Communism is in power.

Ключевые слова: субъективность; личность; техники работы над собой; менеджмент; производительность; политика; предприятие; Сталин.

Key Words: subjectivity; personality; techniques for work on the self; management; productivity; politics; enterprise; Stalin.

E-mail: yvecohen@free.fr

Поразительно, но «работа над собой», широко распространенная в коммунистическом мире, с 1920-х годов стала обыденной вещью на предприятиях в либеральных странах¹. Конечно, она существовала на Западе и раньше, но долгое время касалась исключительно административных работников. С 1980-х годов практика работы над собой распространилась и на нижние ступени иерархической лестницы.

Мы наблюдаем общий для любого организованного общества феномен. В своей последней работе Фуко обращает внимание на связь между типом общества и практиками работы над собой, выделяя различные варианты соотношения между ними². «Так же, как и другие "цивилизации", сталинизм тридцатых годов породил и ввел в повседневную жизнь свои методы самокритики, способствовавшие развитию "самоусовершенствования"³. Но не надо забывать о специфических особенностях этого явления. Оно встречается только в светских обществах. Развитие техник работы над собой – даже если зачастую они выражаются в ведении личного дневника, служащего автору полигоном его собственной трансформации⁴, – происходит исключительно при усилении власти политической, а никак не религиозной. К тому же в традиционных обществах

¹ Выражение заимствовано из коммунистического лексикона. «Необходимо работать над собой при помощи самокритики», – рекомендует в 1935 году партийный деятель, ответственный за немецкоязычное отделение Университета национальных меньшинств Запада, готовившего большевистские кадры для запада СССР и европейских стран (Unfried B. *Parler de soi au parti. L'autocritique dans les milieux du Komintern en URSS dans les années trente* // Studer B., Unfried B., Herrmann I., dir. *Parler de soi sous Staline*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2002. P.152. – По этой теме см. работы Брижум Шмюдер: Studer B. *Introduction* // Studer B. et al. *Op. cit.* P.1–30; Studer B. *L'être perfectible. La formation du cadre stalinien par le «travail sur soi»* // *Genèses*. №51. Juin 2003. P.92–113; *Idem. Subjectivity as a Resource in Stalinism: Some Reflections on Governmentality, Discipline and the Self* (выступление на конференции: *Times of Change. Swiss Historical Convention*. Berne, 15–17 mars 2007).

² Среди прочих работ: Foucault M. *La technologie politique des individus* (1982) // Foucault M. *Dits et écrits*. Paris: Gallimard, 1994. Vol.4. P.813–828. – Русский перевод: Фуко М. *Политическая технология индивидов* // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2002. – Прим. перев.

³ Studer B. *L'être perfectible*. P.93.

⁴ Hellbeck J. *Revolution on my mind: writing a diary under Stalin*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2006.

от Античности до Абсолютизма искусство «самосовершенствования» касалось лишь руководящих элит, а значит, в первую очередь аристократии.

Коммунизм тоже начал с элит, но вскоре спустился до уровня обычных граждан. Его главной задачей стало усиление контроля правящей партии в целях повышения политической активности вообще и политически корректной активности во всех остальных областях жизни: работе, семейной жизни, дружеских отношениях, культуре и т.д.⁵ Речь идет не о свободных индивидуальных формах работы над собой, берущих свое начало в Античности⁶. Наоборот, здесь имеются в виду институционализированные, полностью контролирующиеся властями методы. Они весьма разнообразны. Среди них есть *биографии* и *автобиографии*, которые советские граждане обязаны были составлять на таких важных жизненных этапах, как принятие на работу, вступление в партию, призыв в армию, партийные чистки, повышение по службе. Другой метод – *самокритика*, публичное признание своих ошибок на собрании какой-либо организации, к примеру, партийной ячейки. Ее логичным продолжением стало внедрение сталинским правительством «отчетов о себе» (*самоотчетов*) – рассказов о своей профессиональной, политической и в особенности частной жизни перед лицом коллектива (на предприятии, в управленческих или партийных структурах). Все вышеперечисленные техники разрабатывались с целью поощрения работы над собой и использования государством энергии, высвобождающейся благодаря данным практикам.

Некоторые из них, казалось бы, никак не связаны с искусством самосовершенствования. Например, поведение в отношении других людей во время обвинительного собрания или в ходе политических чисток является одним из методов самоконструирования⁷. Вообще, любые пар-

⁵ Говорить о противопоставлении общественного частному не приходится. Можно только констатировать взаимосвязь различных сфер деятельности и частной жизни, представляющей собой различные отношения: с друзьями, родителями, родственниками и т.д.

⁶ См.: Foucault M. *L'usage des plaisirs*. Paris: Gallimard, 1984; *Idem. Le souci de soi*. Paris: Gallimard, 1984.

⁷ Cohen Y. *La co-construction de la personne et de la bureaucratie: aspects de la subjectivité de Staline et des cadres soviétiques (années 30)* // Studer B., Haumann H., dir. *Stalinistische Subjekte / Stalinist Subjects / Sujets staliniens. Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953*. Zürich: Chronos, 2006. P.175–196.

тийные споры или их отсутствие становятся способами самоконструирования. Однако есть и другие, более интимные формы работы над собой, которые чаще всего скрыты от посторонних глаз: личный дневник, автобиография или переписка⁸.

Суть нашей гипотезы состоит в следующем. Руководящие кадры капиталистического предприятия в начале XX в. включились в процесс, не так давно распространившийся на всех служащих, в то время как советская и, говоря шире, коммунистическая практика стала первым светским опытом контролируемой государством работы над собой.

Сегодня работа над собой стала отдельным, очень популярным инструментом управления на предприятиях, особенно широко применяющимся во Франции: необходимо «включаться» в жизнь предприятия, «чувствовать себя его частью»⁹. Парадокс состоит в том, что процесс максимального включения сотрудников в жизнь компании идет одновременно с резким ростом нестабильности самой работы. Мы наблюдаем серьезные изменения в отношении к труду, точнее говоря, к трудовому договору, с конца XIX века играющему определяющую роль в рабочем процессе. Все чаще целеполагание становится одной из задач служащих (от управленцев до простых рабочих). Причем зачастую они должны не только просчитать, способны ли достичь поставленных ими самими целей, но и оценить полученные результаты. Таким образом, сегодня на людей ложится гораздо *большая* нагрузка. Если раньше, выполняя работу, человек доказывал себе, на что он способен, то теперь в процессе задействуется еще и его *Я*, вся его сущность, субъективность: смогу ли *Я* достичь целей, которые сам поставил и которые, следовательно, меня определяют? Техники работы над собой, распространившиеся так же широко, как полвека назад в Советском Союзе, становятся главным лотом капиталистического предприятия, наравне с методиками, обеспечивающими выполнение материальной и интеллектуальной составляющих работы. Несмотря на местную специфику, у двух систем много общего: самокритика существовала не только в СССР, но и на Западе, так же как и система прикрепления к по-

⁸ Griesse M. *Communiquer, juger et agir sous Staline: la personne prise entre ses liens avec les proches et son rapport au système politico-idéologique*, thèse d'histoire / Scherrer J., dir. Paris: EHESS, 2008

⁹ См.: Cohen Y. *Le rapport à soi des chefs. Quelques éléments sur l'entre-deux-guerres* // Pezet E., dir. *Management et conduite de soi. Enquête sur les ascèses de la performance*. Paris: Vuibert, 2007. P.49–74.

дающему надежды, но еще неопытному сотруднику «coach» (на Западе) или «наставника» (в Советском Союзе).

Еще одна причина такого интереса к вопросу субъективности происходит из сложившегося в социальных науках принципа: ни в коем случае не отставать от реальной жизни. Сегодня изучение субъективности, субъекта, личности стало обязательной составляющей социологии, антропологии и истории. Этот внезапный интерес сложно объяснить в нескольких словах, однако можно предположить, что он является одним из последствий отхода от структурализма. Когда структура теряет значение, на первый план выходят люди, а формы их самовыражения становятся предметом научного интереса. Ученые отмечают, что, помимо научных работников, интерес к новому феномену проявляют и специалисты по теории организации. Крушение СССР и коммунизма способствовало развитию этих тенденций. Советский Союз считался царством коллективного и победившей структуры, однако сегодня никто уже не верит ни в то, ни в другое. Можно, конечно, называть коммунизм типичным примером «бюрократической машины» и «бездушной бюрократии»¹⁰, но невозможно отрицать, что отдельные личности со своим собственным *Я* добровольно становились шестеренками «бездушных» машин, чем и пользовался режим: «Многие газетные статьи тридцатых годов свидетельствовали о личной вовлеченности людей в дело развития советской системы»¹¹. Историография советского общества не упускает возможности влиться в общее для всех социальных наук движение, одну из составляющих которого можно трактовать как пересмотр дюркгеймовской социологии, утверждавшей, что социальные практики, принятые в определенном сообществе, полностью определяют действия индивидов.

Отныне социальные науки занимаются двумя вопросами: активными взаимоотношениями личности с запутанной, полной препятствий реальной жизнью и эволюцией статуса личности, факторами, способствующими изменению этого статуса.

Чтобы избежать бесконечных споров о том, что есть субъективность, попытаемся рассмотреть ее в архивных материалах и выявить различные *Я*, о которых можно узнать немало интересного, наблюдая, как

¹⁰ Геллер М. *Машина и винтики: история формирования советского человека*. Л.: Overseas Publications Interchange, 1985.

¹¹ Studer B. *Parler de soi...* P.165. См. также: Lazar M. *Le parti et le don de soi // Vingtième siècle. № 60. Oct.–déc. 1998. P.35–42.*

человек «включается» в работу. Мы не собираемся вслед за солипсистами и картезианцами отстаивать идею замкнутости субъекта на самом себе. Напротив, обратимся к Фуко, который после долгого периода приверженности философии «смерти субъекта» в двух последних произведениях отказался от нее и стал рассматривать субъект сквозь призму практик, составляющих его сущность, в частности практик работы над собой. Однако не стоит считать их индивидуальными актами: они непосредственно связаны с общественными собраниями, организованными и не очень, и подвергаются сильному внешнему воздействию.

Начнем с методов, позволяющих исследовать субъективность в исторической перспективе, а потом остановимся подробнее на практиках работы над собой.

Различные Я и «режимы» субъективности

Историографическое направление, развившееся из изучения форм работы над собой, стало самым впечатляющим результатом открытия советских архивов, упрощения доступа к личным документам и возрождения исторической науки после краха СССР. Выявление того, что отношение к себе и формы работы над собой играли столь важную роль в коммунистической истории (что связано с пропагандой коллективного и гонениями на личное), является серьезным историографическим событием XX века, размах которого сложно переоценить. Некоторые из исследователей-первопроходцев считают показательными «анкетные проверки», другие – «манипулирование субъективным» и «когнитивную и даже эмоциональную атмосферу» коммунистических практик, третьи – «самый масштабный из всех существовавших в современную эпоху коллективный автобиографический проект»¹². Следовательно, если мы хотим связать коммунистическую историю с общемировой, необходимо найти способы анализа субъективности. По словам Брижит Штудер, большевики, стоявшие у

¹² Отныне все эти феномены так же неразрывно связаны с историей коммунизма, как, например, ГУЛАГ (См.: Клод Пеннетье и Бернар Пюдаль в: Penne-tier C., Puda-l B., dir. *Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste*. Paris; Berlin, 2002. P.17; Б.Штудер в: Studer B. *Parler de soi...* P.6; и один из центральных текстов этого течения, перепечатанный в предыдущем сочинении: Hellbeck J. *Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts* // Studer B. *Parler de soi...* P.168; – первая публикация в: *The Russian Review*. July 2001. Vol.60. P.340–359).

руля в Советском Союзе, использовали формы, существовавшие в либеральных обществах. М.Фуко отмечал, что «сталинизм, "патологическая форма" власти, зачастую применяет "идеи и методы нашей рациональной политики"»¹³. Но, несмотря на большое количество заимствований, нельзя говорить об идентичности феноменов, скорее наоборот: различия, неизбежно возникающие при заимствованиях или даже предшествующие им, имеют гораздо большее значение, чем сами идеи. Как же тогда выявить формы субъективности в разных обществах и сравнить их?

«Эго-документаристское» течение, ориентированное на практики работы над собой, имеет дело с автобиографиями, материалами партийных чисток, дневниками и прочими источниками, такими же субъективными, как сам человек, и в которых повествование по определению идет от первого лица. Однако самоконструирование и формирование субъективности можно встретить в документах, написанных от первого лица, но не являющихся традиционными свидетельствами, используемыми эго-документаристским течением. Это служебные бумаги или документы, относящиеся к жизни организации, при условии, что они несут отпечаток субъективности (речь идет от первого лица) или свидетельствуют о практиках, в которых субъективность выступает объектом. Иньяс Мейерсон, французский психолог XX в., занимавшийся историей психологических функций, пишет, что личность нужно искать не в субъективных состояниях, свидетельствующих о «чистом опыте» субъекта, а в ее самореализации. «Личность в действительности не является чем-то простым, она не есть непосредственная данность, напротив, она всегда опосредована и всегда является сложной и многосоставной величиной. Это историческая категория, функция, появившаяся в ходе истории и продолжающаяся развиваться на наших глазах. <...> Личность можно увидеть только в продуктах ее деятельности: деяниях и творениях»¹⁴. Наличие эго-документов совсем не обязательно; есть свидетельства, которые позволяют выявлять практики, непосредственно демонстрирующие проявления субъективности или указывающие на нее.

Лингвист Эмиль Бенвенист сделал несколько замечаний, подсказавших историкам интересный и удобный способ исследований: нужно

¹³ Foucault M. *Le sujet et le pouvoir* // Foucault M. *Dits et écrits. Vol.4. P.224.* – Цит. по: Studer B. *L'être perfectible. P.112.*

¹⁴ Meyerson I. *Introduction // Problèmes de la personne. Paris: Mouton, 1973. P.8–9.*

следовать за различными *Я* в их разнообразных проявлениях. «Субъективность, о которой здесь [в языке] идет речь, – это способность рассказчика позиционировать себя как "субъект"», – пишет он. Субъект проявляется только в тот момент, когда произносится слово *Я*. Впрочем, это *Я* предполагает наличие адресата: «*Я* говорю *Я*, только обращаясь к кому-то, кто выступает в моей речи как *Ты*». Поэтому мы ориентируемся на следующее положение: «*Я* отсылает нас к тому индивидуальному речевому акту, в котором это слово, будучи произнесено, указывает на говорящего»¹⁵. Каждый речевой акт уникален. Появление слова *Я* всякий раз обозначает не одно и то же *Я*, а его ситуационные конфигурации, в которых можно легко распознать практические отношения¹⁶.

Из огромного количества литературы по этой теме стоит выделить статью Алексиса Береловича. Автор обращается к мемуарам Бориса Ванникова, бывшего наркома вооружения. Когда Сталин спросил его мнение о новом оружии, тот ответил, «что теперь занимается не оружием, а боеприпасами». Сталин возразил, сказав, «что интересуется его личным мнением»¹⁷. Хотя в статье разговор передается в третьем лице, понятно, что в действительности оба говорили от первого. Мы видим, что вначале нарком пытается избежать ответа, ссылаясь на то, что отныне выполняет другую функцию. Новое «должностное *Я*» ответственного за боеприпасы уже не может отвечать на вопрос, касающийся оружия. Но Сталин в частности и большевизм вообще требуют от человека независимо от его должности выполнения любой необходимой в данный момент функции. Умения наркома не ограничиваются одной функцией, поэтому Сталин спрашивает с него больше, вторгаясь в то, что А.Берелович называет «личностью» – сущностью, противопоставленной «функции». «Сталину проще апеллировать к человеку, а не к должности». Коммунизм и Сталин обращаются к личности, которая с этих пор в данной исторической ситуации может бесконечно использоваться,

¹⁵ Benveniste E. *De la subjectivité dans le langage (1958)* // Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966. P.259–262. См.: Персональность. Язык филологии в русско-немецком диалоге: [Научный сборник] / Под ред. Н.С.Плотникова и А.Хардта, при участии В.И.Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007.

¹⁶ См. также: Harré R., Van Langenhove L., ed. *Positioning theory: moral contexts of intentional action*. Malden: Blackwell, 1999. P.216 (выражаю благодарность Галине Орловой за эту ссылку).

¹⁷ Berelowitch A. *De Listopad à Onisimov. Deux visions du responsable stalinien* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol.32. №4. Oct-déc. 1991. P.633, 634, 636.

независимо от своей основной функции, должности и положения в обществе (или семейного положения). Ванников столкнулся с *Я* генерального секретаря Сталина, апеллировавшим к «партийному *Я*» Ванникова, которое настолько сильно, что имеет право распоряжаться любым «должностным *Я*», появляющимся у наркома. Иначе говоря, «партийное *Я*» способно вторгаться в область других *Я*. Оно не только задействуется в политических дискуссиях, когда дозволяется или нет свободно менять точку зрения, соглашаясь или отвергая компромисс с чужой логикой, но еще и обязано главенствовать во всех проявлениях личности¹⁸. Личностное *Я* должно сливаться с партийным.

Совсем другая ситуация, непохожая на ту, что сложилась в СССР, дает понять, как, наблюдая за разнообразными *Я*, можно увидеть это различие. В 1928 году на французском автомобилестроительном заводе «Peugeot» появляется новый технический директор Эрнест Маттерн, уже занимавший этот пост с 1917 по 1922 год. В 1922 году он переходит в компанию «Citroën», расположенную в Париже, где становится одним из главных доверенных лиц. Через некоторое время из «Peugeot» снова обращаются к нему, и в феврале 1928 г. Маттерн возвращается на прежнюю должность. В августе того же года, возмущенный условиями работы, он пишет письмо. Он говорит: «Если бы я действовал из личной выгоды, то остался бы в Париже» или «Я думал, мои обязанности действительно будут включать в себя контроль над всей технической стороной работы нашей компании». Здесь мы сталкиваемся не с должностным *Я*, в принципе неспособным так выражать себя. Это другое *Я*, непосредственно не связанное с должностью. Автор письма явно желает получать удовольствие от работы: «Я согласился на ваше предложение: 1. Ради морального удовлетворения. 2. Потому что хотел вернуться на восток. 3. Из-за привязанности к месту, где прожил 17 лет»¹⁹. Такое *Я*, назовем его рефлексивным, оценивает то, что происходит с должностным. «Внедолжностное *Я*» не включается полностью ни в одну из деятельностей, однако это не значит, что оно не способно контролировать все остальные *Я* и их обязательства, – просто, с одной стороны, оно не вполне ими поглощено, а с другой, – всегда незримо присутствует.

Рефлексивное *Я* само по себе является деятельностью. Однако его логика отличается от логики работы, функции или должности, которые,

¹⁸ Thevenot L. *L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement*. Paris: La Découverte, 2006.

¹⁹ Архив Маттерна. Письмо Эрнеста Маттерна Жан-Пьеру Пежо, август 1928.

кстати, тоже проявляются лишь в процессе деятельности. Действовавший при Сталине механизм партийных чисток, самокритики и самоотчетов требовал предоставления исчерпывающего устного или письменного отчета о деле. Быть коммунистом – тоже дело, к которому предъявляются определенные требования и о котором могут потребовать отчета. Не обладает ли коммунистическое Я (рассматриваемое как дело) способностью управлять всеми остальными Я, каждым по-своему, в соответствии со своей логикой?²⁰

Здесь вспоминается диалог из книги Платонова:

– А ты покажь мне бумажку, что ты действительно лицо!

– Какое я тебе лицо? – сказал Чиклин. – Я никто; у нас партия – вот лицо!²¹

Неужели это правда?

Лазарь Каганович (член Политбюро и первый секретарь Московского городского комитета партии) в записке, аналогичной той, что писал Маттерн, в ответ на прямую просьбу Сталина, первым помощником которого он был в это время, принимается жонглировать различными Я. Летом 1932 года на Украине и юге России свирепствует голод, и многие партийные организации выступают против политики центра. Сталин обеспокоен ситуацией и решает сменить всю партийную, правительственную и чекистскую элиту, предлагая Кагановичу возглавить компартию Украины (С 1925 по 1928 год Каганович уже был ее Первым секретарем)²². В своем письме Каганович со всем соглашается и дает отдельный комментарий «по вопросу о [своей] персоне» (отметим, что слово «персона» крайне редко используется в русском языке в таком контек-

²⁰ О разнообразии виртуальных Я в Интернет-пространстве см.: Jauréguiberry F. *Internet comme espace inédit de construction de soi* // Jauréguiberry F., Proulx S., dir. *Internet, nouvel espace citoyen?* Paris: L'Harmattan, 2002. P.223–245 (выражаю благодарность Никола Орэ за эту ссылку). Автор справедливо отсылает к работе, представляющей типологию, близкую к предложенной нами (Mead G.H. *Mind, self & society from the standpoint of a social behaviorist*. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. Французский перевод: Paris: PUF, 2006; переведено на русский в сокращении: Мид Дж.Г. *Избранное*. М.: ИНИОН, 2009. – Прим. перев.).

²¹ Платонов А. *Котлован (декабрь 1929 – апрель 1930)* // Платонов А. *Чевенгур*. Тула: Приокское книжное издательство, 1989. С.445.

²² Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У., Кошелева Л.П., Рис Э.А., Роговая Л.А. *Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг.* М.: РОССПЭН, 2001. С.274. *Письмо И.В.Сталина Л.М.Кагановичу от 11 августа 1932 г.*

сте). Он занимается самовосхвалением, выставляя себя единственным человеком, способным реализовать замысел Сталина, настолько велики его знания и опыт в кадровом вопросе, так хорошо он знает Украину, ее население и экономику, настолько сильно испортилась там атмосфера после его отъезда и такие прекрасные масштабные цели ставит перед ним Сталин... Одним словом, полная поддержка. К тому же, говорит он Сталину, «у Вас есть не только официальное политическое, но и товарищески-моральное право распоряжаться тем, кого Вы сформировали как политического деятеля, т.е. мною, *Вашим учеником* (курсив Кагановича. – *И.К.*)». Мы хорошо видим, как специфическое должностное *Я* коммунистического чиновника сливается с «личностным *Я*», якобы отдающим себя в распоряжение партии. Но между делом Каганович вставляет одну фразу, где проглядывает совсем другое *Я*: «Это, между прочим, один из моментов, портящих настроение, опять начинать сначала с людьми на той же Украине!» На Украину Кагановича не отправили.

Какое *Я* берет верх, когда Каганович говорит Сталину о своих чувствах по поводу ситуации? Мы видим, что главные качества человека из ближайшего окружения Сталина – расчетливость и показная самоотдача. Хотя есть прямо противоположные примеры. Так, Бухарин и другие, менее известные политические деятели, от которых, кажется, не осталось ничего, кроме идеи ставить партийную принадлежность в основу своего самоопределения, в самый разгар чисток требовали от партии наказания за свои ошибки. Но, как подчеркивает Славой Жижек, нельзя с уверенностью утверждать, что в их словах нет расчета. Бухарин, например, держится за свою субъективность, чтобы оставить за собой право решать, что должно фигурировать в ритуале экзекуции, а что можно оставить на усмотрение государства: сама эта мысль была недопустима в сталинскую эпоху. Партийное *Я*, включая его рефлексивную сторону, обязано было полностью подчиняться начальству²³.

Маттерн же отзывается о своей должности, не скрывая легкого разочарования и свободно демонстрируя личностное *Я*, характерной чертой которого может быть хитрость, о чем свидетельствует случай с

²³ Žizek S. *Vous avez dit totalitarisme? Cinq interventions sur les (mé)usages d'une notion*. Paris: Éd. Amsterdam, 2004. – Это напоминает «скрытого наблюдателя», одновременно пребывающего в глубоком гипнозе и осознающего происходящее, – факт, отрицаемый психоанализом (Borch-Jacobsen M. *Souvenirs d'Anna O. Une mystification centenaire*. Paris: Aubier, 1995. P.89).

Кагановичем и украинским вопросом. Если бы такие же комментарии позволил себе кто-то другой, его личностное *Я* восприняли бы как антипартийное, однако у Кагановича личностное *Я* целиком и полностью принадлежит партии. В данном случае речь идет не о частном²⁴, а о рефлексивном *Я*, пронизывающем все сферы и выбирающем ту, что ему больше подходит в данный момент. Оно прямо противоположно современному личностному *Я*, разностороннему и не зависящему от рабочих и личных обязательств. Это *Я* не испытывает на себе былого семейного и религиозного влияния, которое специалист по микроистории Джованни Леви замечательно описывает в своем фундаментальном труде²⁵. Что касается партийного *Я*, оно строго контролируется и почти не оставляет человеку свободы действий, особенно если он сам себя связывает, вливаясь в находящийся под еще большим надзором коллектив. Йохен Хелльбек цитирует дневник такого человека, шахтера по профессии (запись сделана 29 ноября 1930 г.). «Самое высокое чувство, которое мне довелось испытать за мою короткую жизнь, – осознание того, что я являюсь частью коллектива шахтеров», – говорит он. Подобных примеров можно привести тысячи²⁶. Это ощущение и есть воплощение субъективности. Что касается Маттерна, он не обязан скрывать свое «личностное *Я*» или подстраиваться под требования общества. Нет никакой партийной инстанции или тайного властелина дум, принуждающего Маттерна выковырять *Я*, способное и обязанное объять и подчинить себе все остальные *Я* во имя организации или карьерного роста. Однако нельзя утверждать, что его рефлексивное *Я* развивается абсолютно свободно, но это уже другой вопрос.

Сложившаяся в советской промышленности ситуация позволяет увидеть *Я*, концентрирующееся на своей должности с целью недопущения вмешательства партийцев... при этом следуя указаниям партии, навязывающей такое поведение главам предприятий. В начале 1930-х годов отношения между заводским начальством и заводскими же партийными деятелями ухудшаются и большевистская партия ставит перед собой цель за первую пятилетку вернуться к «единоначалию». Данный принцип применялся еще при Ленине: во время трудового дня все беспрекословно подчиняются начальнику, а после окончания работы демо-

²⁴ *Private self, как говорят на английском (Hellbeck J. Working, struggling... P.182).*

²⁵ *Levi G. L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Turin: Einaudi, 1985.*

²⁶ *Hellbeck J. Working, struggling... P.178.*

кратия вновь вступает в права. *Единоначалие* было введено Лениным в 1918 году: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда»²⁷. Безоговорочное подчинение одному начальнику во время работы, и абсолютная свобода и демократия в остальное время. В 1920-х годах директором предприятия еще мог быть назначен беспартийный, хотя «красных директоров» (рабочие-коммунисты порой очень быстро поднимались по карьерной лестнице) становилось все больше. К политике *единоначалия* вернулись в сентябре 1929 г., чтобы защитить начальников производства от вмешательства партии и профсоюза в повседневные дела.

Отправимся на Путиловский завод, крупное машиностроительное предприятие, созданное еще до революции и расположенное в Ленинграде, – единственное на тот момент место в Советском Союзе, где производились тракторы. Это техническое новшество имело серьезное политическое значение: оно должно было убедить крестьянство и, что гораздо важнее, общественное мнение в Советском Союзе и мире в превосходстве социализма над раздробленной мелкой частной собственностью в деле развития сельского хозяйства. Власть оказывает сильное давление на завод. Там производятся тракторы, являющиеся несертифицированной копией фордовского трактора «Fordson». В 1929 году завод произвел 3 000 штук, а в 1930 г. центр потребовал выпустить в четыре раза больше: 12 000 тракторов и еще 2 000 в виде запчастей²⁸. Москва отправляет на завод членов Политбюро, чтобы обсудить пути внедрения *единоначалия* (ясно, что речь идет о заводском уровне, а не о высших партийных чинах, не желающих отказываться от своих прерогатив). Ведутся оживленные дискуссии, в начале 1930 г. еще довольно открытые.

Многие «начальники», сами являясь коммунистами, прямо выражают свое недовольство «организациями», то есть коммунистической партией и профсоюзом. Молодой энергичный инженер Джигит, член партии, руководящий одним из крупнейших механических цехов, рас-

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. С.203.

²⁸ Cohen Y. *The Soviet Fordson. Between the Politics of Stalin and the Philosophy of Ford, 1924–1932* // Bonin H., Lung Y., Tolliday S., ed. *Ford, 1903–2003. The European History*. Paris: Plage, 2003. Vol.2. P.531–558.

сказывает о своей ссоре с цеховой партячейкой. Опытный шлифовальщик допустил несколько ошибок, и Джигит решил уволить его, но за рабочего вступилось бюро ячейки. Джигит пишет, что, когда один из членов партячейки встал на его сторону и назвал это «влезанием в функции начальника, началось: "Что за безобразие, что ячейка не имеет права отстаивать работника! Надо оставить его!" и так далее. Естественно, что с таким решением я согласиться не могу, и человек будет снят»²⁹. Мы видим, как инженер-коммунист спорит с партией, защищая свое право «быть единоначальником». Позже он уточняет, что выражается «от своего имени»³⁰.

Похожие случаи, пересказанные начальником прокатного цеха этого завода, свидетельствуют о сложностях внедрения *единоначалия*. Известно, состоит ли этот человек в партии, но его «должностное Я» выглядит внушительно: «Я думаю, что у начальников, сидящих здесь, много бывает стычек с организациями. Я зубастый и часто с ними грызусь. Например, я хочу перебросить человека со стана на стан. Я беру и ставлю. Мне говорят, что это надо согласовать с организациями, я просто беру и ставлю»³¹. Оба «начальника», говоря об «организациях», используют слова «влезание» и «помеха». Второй возмущен тем, что «они вмешиваются и много мешают».

В ситуации, когда начальники производства высказывают свои требования, их «партийное Я» теряет значимость: выполнение плана становится важнее партийной солидарности. Это хорошо иллюстрирует еще одна реплика Джигита, прекрасно осознающего, что ему угрожает: «Я считаю необходимым отметить, что за работу, которую мы ведем и подставляем свою голову, нам будет пришит ряд кличек. Несмотря на все это, мы должны сказать, что помощь со стороны заводских организаций, со стороны заводоуправления мы ни в чем не чувствуем. Если я приду к Василию Федоровичу, я всегда встречу у него полную поддержку и помощь, но это персональная поддержка»³². Василий Федорович – это директор завода Грачев, «красный директор». Его поддержка выглядит «личной» на фоне остального «заводоуправления», ведущего себя, по мнению Джигита, некорректно. Однако мы

²⁹ *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф.1788. Оп.23. Д.123. Л.3 об. Стенограмма собрания управления завода, 26 апреля 1930 г.*

³⁰ *Там же. Л.1–7, 88 об.*

³¹ *Там же. Л.4 об.*

³² *Там же. Л.3 об.*

понимаем, что Грачев реагирует именно так, как этого требует принцип *единоначалия*: старается избежать вмешательства местных коммунистов в его решения.

Клуцис Г.Г., 1930 год

Принадлежность к партии позволяет директору завода выступать перед партийными чиновниками в качестве представителя производства. Главный аргумент – его роль в достижении самых высоких коммунистических целей: строительстве нового общества. Защищаясь этим доводом, некоторые руководители крупных предприятий, как, например, Иван Алексеевич Лихачев (1896–1956), директор автомобильного завода города Москвы

АМО³³, смогут пережить репрессии и самые страшные чистки. Однако в большинстве своем люди предпочитали подчиниться партийному Я, просто-напросто превратив его в свое собственное Я, чтобы без лишних сложностей отвечать на любые претензии.

Желание партии (то есть организации, возглавляющей страну и отстаивающей право вмешиваться во все сферы жизни своих членов) контролировать Я человека, вне всяких сомнений, является особенностью коммунизма. Надо сказать, ресурс работы над собой широко использовался Коминтерном за пределами СССР.

Мобилизация ресурсов работы над собой

Сегодня «включение» в жизнь предприятия стало повсеместным требованием. Мы далеко ушли от теории человеческих отношений Элтона Мэйо и мотивационного менедж-

мента 1960-х годов. Литература по управлению персоналом постоянно говорит о «личной включенности»³⁴. Французская национальная ассоциация руководителей отделов кадров в 2008 году провела исследование среди своих членов: «Каждый *включенный* сотрудник приносит компании дополнительный заработок. Около 40% опрошенных видят в этом положительный эффект: растет производительность труда, налаживаются взаимоотношения, у работников появляется личная мотивация – «всеобщее вовлечение в рабочий процесс», «стремление развивать сотрудничество между отделами», «создание связей, общение и совместная работа», «необходимость привлечения новых сотрудников и препятствование уходу старых». <...> По всей очевидности, существует связь между включенностью сотрудников и достижениями предприятия»³⁵. Вопрос в том, относится ли это к рядовым служащим. Сегодня каждый должен работать над собой, хотя методы работы весьма разнообразны. Некоторые из них широко обсуждаются, а иногда и осуждаются во Франции. В последние несколько лет выросло количество само-

³³ Леонтьева Т.К. Лихачев. М.: Молодая Гвардия, 1979.

³⁴ Thevenet M. *Impliquer les personnes dans l'entreprise*. Paris: Ed. Liaisons, 1992; Kahn W.A. *Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal*. Vol.33. №4. 1990. P.692–724.

³⁵ Caïm ANDRH. URL:

http://www.andrh.fr/content/download/380/1922/file/CP_engagement_personnel_salaries_aout08.doc (дата обращения: 26.01.2010).

убийств на предприятиях, в связи с чем одной из самых популярных тем стал «стресс», которому особенно подвержены служащие, подчинившиеся новому требованию «личной включенности». Так, на автомобилестроительном заводе «Renault», где покончили с собой несколько инженерно-технических работников, профсоюз выразил протест против повторного «исследования включенности», затронувшего в 2006 году всех служащих, причем забывчивым специально напомнили об этом факте: «Имейте в виду, что, отвечая на предложенные вопросы, вы тем самым подтверждаете свою включенность»³⁶. Методика «вовлечения» людей не скрывает своих целей: все сотрудники должны в конечном итоге согласиться с политикой предприятия³⁷, или, говоря в принятых нами терминах, приобрести «заводское Я»³⁸.

Но вернемся к началу XX века. После выхода в свет статьи «Социальная роль офицера» (1891)³⁹ появилась целая серия публикаций и докладов, посвященных социальной роли инженера. В них говорилось о необходимости серьезного отношения к социальному аспекту работы инженера – человека, руководящего другими людьми. Для выполнения своей социальной роли и должностных обязанностей он должен прилагать усилия и тщательно контролировать себя: «Чтобы выполнить эту [социальную] миссию, ученик [инженерной школы] обязан работать, во-первых, над собой, а во-вторых, над рабочими». Один из главных идеологов нового течения так говорит об авторитете: «Опыт показывает, что есть много способов, которые, если применять их разумно, почти всегда позволяют человеку заставить окружающих признать его превосходство. Самый эффективный из них – личный пример. Чтобы управлять людьми, нужно уметь управлять собой; рабочий, видя в своем начальнике идеального семьянина, трудолюбивого, пунктуального и требовательного к себе начальника, охотнее подчинится его указаниям»⁴⁰. Та-

³⁶ URL: <http://costkiller.net/actu/actu-Renault%20%20Politique%20Achats%20-%20Enqu%EAte%20Engagement.1006.htm> (дата обращения: 22.02.2007).

³⁷ Shimizu K. *Toyotisme. Paris: La Découverte, 1999.*

³⁸ «Культура предприятия» ставит перед собой те же цели (См.: Godelier E. *La culture d'entreprise. Paris: La Découverte, 2006.*)

³⁹ Lyautey H. *Du rôle social de l'officier // Revue des deux mondes. T.CIV. 15.3.1891. P.443–459.*

⁴⁰ Анонимный пересказ (инициалы G.B.) работы Мориса Беллома (Bellom M. *La mission sociale des Ecoles techniques à l'étranger et en France, avec un programme d'action. Paris: Larose et Tenin, 1908*): *La Technique moderne, mars 1909. P.167; Bellom M. L'enseignement*

ким образом, чтобы управлять другими⁴¹, ответственный работник должен сначала научиться контролировать самого себя.

Один из основных методов – отчеты вышестоящему начальству. В первых, они позволяют рассказать о своих действиях и инициативах относительно развития отдела, во-вторых, служат знаком солидарности с общей политикой и тем руководителем, которому направляются. Во всяком случае, именно на этом настаивают сами главы предприятий. Директор автомобильных заводов «Peugeot» рассказывает, что в 1918 году «призвал *всех* без исключения сотрудников раз в год писать (ему) лично письма, предлагая (свои) идеи и указывая, что, по их мнению, стоит изменить на предприятии». В первый год отозвалось 150 человек, т.е. около трети служащих; но, отмечает он, «поскольку я не поленился написать (*в нерабочее время*) длинные письма всем, кто ко мне обратился, на следующий год я получил отчеты почти от всех сотрудников» (курсив автора. – И.К.)⁴². Директор другой компании называет этот феномен «самоконтролем»: «Отчеты служат для того, чтобы начальник был в курсе всех дел. Но главная их функция – освободить его от необходимости самому наблюдать за работой, вводя обязательный самоконтроль для всех сотрудников. Позволить руководителю, главе отдела или простому служащему бесконтрольно выполнять работу и однажды заметить ущерб, нанесенный его халатностью, а потом предъявлять требования, порицать, возможно, даже уволить его – вот традиционный метод управления, который особенно опасно применять на расстоянии. Я решил проблему, обязав всех регулярно и четко докладывать мне о проделанной работе. Поэтому теперь каждый контролирует себя сам»⁴³. Сложно оценить, насколько эта практика распространена на французских и европейских промышленных предприятиях (последнее высказывание принадлежит бельгийцу, руководителю тек-

économique et social à l'Ecole nationale supérieure des Mines. Le rôle économique et social de l'ingénieur. Paris: 1906. P.16.

⁴¹ См.: Foucault M. *Le gouvernement de soi et des autres. Cours au Collège de France, 1982–1983. Paris: Gallimard, Le Seuil, 2008.*

⁴² Mattern E. *Note sur le classement des collaborateurs. 1947. Le point 6. – Цит. no: Cohen Y. Titre d'entreprise contre diplôme d'ingénieur. Les ingénieurs gèrent les ingénieurs entre les deux guerres // Grelon A., dir. Les ingénieurs de la crise. Paris: Éditions de l'EHESS, 1986. P.86.*

⁴³ Landauer E. *La direction à distance // IV Congrès international d'organisation scientifique du travail. Paris: CNOF, 1931. P.5.*

стильной фабрики европейского масштаба), но современные специалисты по менеджменту горячо рекомендуют данный метод⁴⁴.

Начиная с Античности, самоконтроль является составной частью всех техник работы над собой. На предприятии он используется, чтобы привить человеку общественные нормы и интегрировать его всего без остатка в коллектив. Однако на самоконтроль могут воздействовать и внешние причины. Система функционирует таким образом, что человеческое *Я* оказывается под надзором внешней, иерархически более высокой инстанции и заключается в строгие организационные рамки. В результате место самоконтроля занимает регламентированная демонстрация своего *Я*, а в отношениях человека с самим собой появляется третья контролирующая сторона⁴⁵.

Методика самостоятельного целеполагания напоминает «социалистическое соревнование», распространенное среди бригад рабочих-активистов в ходе первой пятилетки и проходившее под эгидой Коммунистической партии. Его суть состоит в том, чтобы заново определить политические или экономические цели, бросая вызов друг другу. Во французском капиталистическом обществе 1920-х – 1930-х годов самокритика тоже существовала (и носила то же название). Например, в артиллерии вместо того, чтобы подвергнуться обычному разбору после упражнений, «исполняющий» сам выступал «перед собравшимися, указывая на свои ошибки». Считалось, что самокритика «развивает проницательность и привычку к искренности»⁴⁶.

Надо сказать, подобные способы работы над собой являются исключительно дискурсивными⁴⁷. Они предполагают письменное формулирование замечаний, фактов и суждений касательно самого себя, что требует умения устно или письменно общаться с собеседником и готовности учиться размышлять и вербализовать свои прогнозы и ожидания. Между тем существуют недискурсивные схемы поведения, то есть те, в которых *Я* выступает не как непосредственный предмет дискурсивной

⁴⁴ Carpenter Ch.U. *Profit making in shop and factory management* // *The Engineering Magazine*. N.Y., 1908 (переведено на французский в 1912 г.); Fayol H. *Administration industrielle et générale* // *Bulletin de la Société de l'Industrie minérale*. 1916. №3 (переведено на множество языков).

⁴⁵ В советском мире эта третья сторона зачастую ассоциируется со Сталиным.

⁴⁶ Maurin A. («Général Maurin»). *L'École polytechnique et la formation du chef* // *X Information*. 25 mars 1930. P.190.

⁴⁷ Studer B. *Introduction*. P.8–9.

практики, а как косвенный объект реляционной практики (которая, безусловно, может содержать непосредственные высказывания и целые дискурсы). Так, доклады на конференциях и публикации, посвященные социальной роли инженера, рекомендуют внимательно относиться к каждому подчиненному, причем проявлять эту заботу желательно не только во время работы, но и вне ее, особенно в случае болезни или семейных проблем у служащего. Супруге рекомендуется во всем помогать мужу, поскольку забота о других предполагает семейное участие⁴⁸. Вообще, благополучная семейная жизнь – одно из условий работы на предприятии: Я специалиста неотделимо от Я мужа, что связано с моральными требованиями католицизма (по крайней мере, согласно нормативным текстам) и вполне понятной заинтересованностью предприятия. Дискурсивные и поведенческие усилия формируют в результате правильное Я.

Долгое время рабочие были освобождены от дискурсивной части. Пока само предприятие функционировало по принципам тейлоризма, от рабочих никто не требовал раздумий. Они должны были удовлетворяться выполнением инструкций, спускаемых отделами планирования. На самом деле, субъективность проявлялась уже здесь, поскольку рабочий знал, что иерархическое положение освобождает его от необходимости думать. «От вас не требуют мыслей, для этого здесь есть другие люди», – сказал однажды рабочему Фредерик Тейлор⁴⁹. Правда, социологи, эргономисты и историки уже доказали, что рабочий все-таки думает, хотя бы для того, чтобы выполнить норму, которую невозможно сделать быстро и безупречно без участия со стороны исполнителя. Этот факт был признан, и в 1930-х годах в цехах крупных автомобильных предприятий устанавливаются «коробки для идей» или «пожеланий», чтобы собирать предложения рабочих по усовершенствованию их тру-

⁴⁸ См. в частности: A.B. *L'ingénieur et son rôle social // Études religieuses, philosophiques, historiques et littéraires*. T.LXIV. Janv.–avril 1895. P.193–219; Lamirand G. *Le rôle social de l'ingénieur. Scènes de la vie d'usine*. Paris: Ed. de la Revue des Jeunes, Desclée et Cie. 1932.

⁴⁹ Copley F.B., Frederick W. Taylor, *The Father of Scientific Management*. 2 vols. N.Y.: Taylor Society, 1923. V.I. P.189. – Цит. по: Friedmann G. *Les problèmes humains du machinisme industriel*. Paris: Gallimard, 3e ed., 1961. P.258. – Я благодарю Северин Мюллер, обратившую мое внимание на тот факт, что отрицание рабочей мысли и отсутствие дискурсивной работы над собой не означают, что практики Тейлора никак не влияли на рабочую субъективность.

да. Но признание рабочей мысли было крайне узким и касалось лишь одной задачи – улучшения организации рабочего места. Иметь свои мысли вменялось в обязанность лишь руководящим кадрам, рабочим просто предоставлялась такая возможность, причем чрезвычайно ограниченная.

Можно ли утверждать, что простые рабочие не были обязаны работать над собой? Патерналистское предприятие XIX столетия, так же как предприятие XX века с его заботой о человеке как частью политики управления, призывает служащих соблюдать санитарно-гигиенические нормы, не злоупотреблять алкоголем, помнить о морали и нравственности и иногда ходить в библиотеку. Для работающих на заводах женщин, а также жен и дочерей рабочих организуются курсы шитья и домохозяйства⁵⁰. За их жизнью следят представленные «патронажными сестрами» заводские социальные службы (если таковые имеются) или социальный департамент, созданный, например, в 1914 году на заводе Форда с целью обеспечивать *Five Dollar Day*⁵¹. Мысль о необходимости наблюдения за семейной жизнью рабочих родилась из институционализированных практик: начальство терпеливо ждет, пока рабочие начнут проявлять большую сознательность и dorастут до письменных отчетов, как это произошло с управленцами, и их «должностное Я», наконец, сформируется.

Требовательность к себе, вменяющаяся в обязанность руководящим кадрам на либеральном предприятии, не распространяется на рабочих и рядовых служащих. Достаточно, чтобы они были просто «довольны». Директор заводов «Peugeot» пишет: «Рабочим "Peugeot" должно нравиться в наших цехах. Это желание наших управляющих и мое личное желание. Впрочем, глупо мечтать чего-то достичь, если персонал недоволен своей работой»; «Я уверен, что довольный рабочий <...> приносит гораздо больше выгоды, чем тот, что настроен враждебно к нашей компании»⁵². В либеральном государстве предприятие производит това-

⁵⁰ Noiriell G. *Du patronage au paternalisme: la restructuration des formes de domination de la main d'oeuvre ouvrière dans l'industrie métallurgique française // Le Mouvement social. №144. Juil.–sept. 1988. P.17–36; Gueslin H. Le paternalisme revisité en Europe occidentale (seconde moitié du XIXe, début XXe siècle) // Genèses. №7. Mars 1992. P.201–211.*

⁵¹ Фиксированный дневной заработок в размере пяти долларов. – Прим. перев.

⁵² Архивы Маттерна. Mattern E. [Рукопись конференции.] 5 декабря 1936 г. P.7. – Этот отчет о довольном и более продуктивном работающем человеке напоминает советский

ры для продажи на рынке, и за материальную сторону процесса несут ответственность рабочие, а у управленцев давно сложилось мнение, что это требует только физических усилий. Написание отчетов о проделанной работе и предложений по усовершенствованию рабочего процесса организовать гораздо проще, чем внедрить коммунистические техники работы над собой. Поэтому в начале XX в. рождающееся на работе «заводское Я» вряд ли может претендовать на то, чтобы стать «личностным Я», способным вобрать в себя все остальные.

Но сегодня все сотрудники капиталистических предприятий, от управленцев до рабочих, не забывая и о служащих, должны «лично включаться» в работу, а для этого непременно прибегать к дискурсивному общению (устному или письменному)⁵³. Кроме того, постоянно встает вопрос о вмешательстве «заводского Я» в личную жизнь. Задача *coachs* (инструкторов) и *mentors* (наставников) – оптимизировать работу управленцев. Они выступают в качестве помощников, но отнюдь не психологов, хотя их деятельность затрагивает личную и, в частности, семейную жизнь сотрудников. Иногда это происходит напрямую, поскольку некоторые обстоятельства могут мешать работе, иногда опосредованно, поскольку вмешательство инструктора или наставника в любом случае оказывает влияние на личную жизнь работника.

Коммунизм ставил перед собой совсем другие цели и даже его производственные задачи имели политическую подоплеку. Даже на уровне рабочих приучение к дисциплине (не менее строгое, чем на капиталистическом предприятии) сопровождалось развитием защитных языковых практик. Здесь они играли важную роль для индивида, поскольку речь могла идти о свободе, а в тяжелые периоды и о жизни, а не просто о лишении зарплаты, преимуществ или увольнении. Рыночная логика, конечно, жестока, но ее жестокость выражается в других формах. С момента создания большевистская партия была построена на конспирации и внутреннем

плакат того же 1936 г., прославляющий стахановское движение: над толпой стахановцев (в центре стоит сам Стаханов) возвышаются Каганович и Хрущев, тогдашний первый секретарь компартии Украины, а еще выше изображен Сталин, замерший в приветственном жесте. Надпись сверху гласит: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живетесь, работа спорится» (Studer B. L'être perfectible... P.101).

⁵³ Нужно было бы включить в это сравнение Японию и проследить, в каких странах прижились возникшие там формы работы над собой.

наблюдении и, придя к власти, не собиралась избавляться от своей особенности⁵⁴. В коминтерновских школах кадров в Москве преподавателей «обязывали быть в курсе политических взглядов каждого студента, причем требовалось отнестись к этому не формально, а со всей серьезностью, дабы узнать их настоящую сущность (*Wesen*)»⁵⁵.

Но партия апеллировала и к теоретическим постулатам. Ведь «согласно марксистской теории человек и его сущность являются результатом процесса, в котором конкретный индивид со своими чувствами, действиями и мыслями выступает одновременно как объект и субъект, творец и творение самого себя», то есть практикует техники работы над собой, повсеместно насаждавшиеся в период активного развития Советского Союза.

Как говорит Питер Холквист, новый коммунистический человек – «существо, подчеркнуто отвергающее мелочное буржуазное понятие "личного пространства"»⁵⁶. А французские коммунисты верят: «только когда все пережитки индивидуалистического "Я" будут разрушены, сформируется безымянная железная когорта французских большевиков»⁵⁷. Я как часть коллектива шахтеров, которое приводит в пример Й.Хелльбек, противопоставляется буржуазному Я.

⁵⁴ См. «Что делать?» Ленина (1902): прежде всего, еще до решения политических и классовых вопросов, необходимо построить партию, способную защитить себя от царской полиции.

⁵⁵ Kurella A. *Der Mensch als Schöpfer seiner selbst. Beiträge zum sozialistischen Humanismus*. Berlin: Aufbau Verlag, 1958. P.16 (мексм 1936 г.). – Цитм. no: Studer B. *L'Étre perfectible...* P.92; *Entwurf eines Vorschlags zur Verbesserung der Kaderausbildung im deutschen Sektor, s.d. [после 1933, возможно, 1935]* // Российский государственный архив социальной и политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.531. Он.1. Л.75. – Цитм. no: Studer B. *Subjectivité...*

⁵⁶ Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: *Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context* // *The Journal of Modern History*. Vol.69. Sept.1997. P.416.

⁵⁷ *L'Humanité*. 19.07.1924. – Цитм. no: Fresco N. *Fabrication d'un antisémite*. Paris: Le Seuil, 1999. P. 246.

Миллионы рабочих, строящих нашу промышленность, накапливают изо дня в день огромный опыт строительства, который ценен для нас ничуть не меньше, чем опыт руководителей.

Через производственные совещания рабочий класс советской страны вкладывает свой опыт в развитие производства, учится управлять своей промышленностью, участвует в ее рационализации, помогает строительству социализма.

Каждый сознательный пролетарий должен быть активным участником производственных совещаний.

ТОВАРИЩИ РАБОЧЕ И РАБОТНИЦЫ! Помогайте через производственные совещания скорей и лучше строить социалистическую промышленность. Толкайте производственные совещания к более энергичной деятельности, проверяйте их работу.

Участвуйте во всесоюзном СМОТРЕ производственных совещаний, проводимом под руководством газеты „ПРАВДА“

Послушаем, как выражает себя буржуазное Я. Франсуа де Вендель, один из крупнейших французских предпринимателей, владелец металлургического завода в Лотарингии, хвастает своим могуществом (1928): «Я стою на самой вершине металлургии; ниже пустота, пустота, пустота... ниже виднеется Понт-а-Муссон⁵⁸. Потом снова пустота, пустота, пустота. А еще ниже толпяся все остальные сталелитейщики»⁵⁹. Воплощением его Я являются предприятие и заводы.

А как же тогда сам Сталин? Говоря о себе, он использует только третье лицо.

В августе 1936 года, во время первого московского процесса, когда были приговорены к смерти Зиновьев, Каменев и многие другие лидеры большевистской партии, Сталин пишет Кагановичу и Молотову письмо, где критикует «Правду» за то, что она слишком узко смотрит на события:

«Ни одной статьи, марксистки объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу – не дала "Правда". Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику.

Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, – а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма»⁶⁰.

В письме видно, как вырабатывается сталинская манера говорить. Слово «олицетворение» пришло ему в голову не сразу – он начал с «овеществления» (написал, а затем зачеркнул «овещест») – привычного

⁵⁸ *Понт-а-Муссон – крупное металлургическое предприятие.*

⁵⁹ *Moine J.-M. Les barons du fer. Les maîtres de forges en Lorraine du milieu du XIXe siècle aux années trente. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1989. P.374. – Цит. no: Woronoff D. Francois de Wendel. Paris: Presses de Sciences-Po, 2001. P.181.*

⁶⁰ *РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.94. Л.32–39. Письмо И.В.Сталина Л.М.Кагановичу и В.М.Молотову, 6 сентября 1936 г. (опубликовано: Хлевнюк О.В. и др. Указ. соч. С.664–665).*

термина из марксистского лексикона, означающего воплощение рабочего в его труде. Переход от «овеществления» к «олицетворению» демонстрирует, что словарь Сталина вырабатывался непосредственно в процессе письма. Замеченная нами манера говорить о себе в третьем лице также позволяет признать достоверным воспоминание его приемного сына Артема Сергеева, пересказанное, но не датированное Саймоном Себаг-Монтефиоре. Артем сообщает подробности ссоры между Сталиным и его сыном Василием. Первый упрекает второго в том, что тот использует его имя: «Но я ведь тоже Сталин», – отвечает Василий. «Нет, ты не Сталин, – отвечает сам Сталин. – Ты не Сталин и я не Сталин. Сталин – это советская власть. Сталин – это статьи в газетах и портреты, а не ты и даже не я!»⁶¹

Иначе говоря, у Сталина нет своего Я, он может говорить о себе только в третьем лице. Причем это не плод работы над собой: то, что говорится и пишется о нем, не касается его как субъекта, не касается того человека, который говорит о себе «Я». Вот почему на самом деле не существует культа «личности». Сталин – это учреждение, а если так, его ничто не ограничивает. «Сталин – советская власть» может позволить себе все, что угодно, ведь это не касается его лично. А можно ли вообще называть личностью того, кто демонстрирует полное исчезновение Я? Работа над *собой* имеет целью уничтожить Я, продемонстрировать его отсутствие в слиянии с советской властью: «Сталин» олицетворяет эту работу и все ее возможные последствия⁶². Но, если забыть о воздействии системы (которое все-таки существовало), можно ли допустить, что не было никакого Сталина, способного обдумывать свои действия?

Все коммунистические техники работы над собой были созданы для того, чтобы сбить с человека индивидуалистическое высокомерие и заставить его трудиться на коллектив, но не абстрактный, а сталинский. Их отличает не только публичность, но и повсеместность распространения – неважно, имеет данная сфера отношение к политике или нет. Был даже разработан особый метод – самоотчет. Он стал одной из тем обсуждения на высшем уровне между Ждановым и Сталиным в ходе плену-

⁶¹ Montefiori S.S. *Staline. La cour du tsar rouge*. Paris: Éditions des Syrtes, 2005. P.18 (неперевод немного изменен по сравнению с английским текстом).

⁶² См. дискуссию на этот счет, основанную на других источниках, в публикации Ива Козна: Cohen Y. *The Cult of Number One in an Age of Leaders // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol.8. №3. 2007. P.597–634.

ма ЦК ВКП (б) (февраль 1937 г.). Жданов сообщил, что на собрании партийной организации Дзержинского колхоза Матвеевского района Оренбургской области коммунист Сидоров выступил с самоотчетом, сказав, что подписан на газеты и не читает их, но «с женой живет ничего, с детьми тоже...». Из этого Жданов сделал вывод о том, что Сидоров недостаточно хорошо воспитывает свою семью. Сталин спросил, почему это называется самоотчетом, на что Жданов ответил: потому что «отчитывается коммунист в личной своей деятельности перед коммунистами»⁶³.

До Второй мировой войны самоотчет был необязателен для простых граждан, однако широко практиковался рядовыми коммунистами, но затем с ним произошло то же, что с монашеским образом жизни (*Lebensführung*), который, начиная с эпохи Возрождения, стал главным ориентиром для верующих. Работу над собой начали внедрять среди подконтрольных элит, и постепенно она охватила менее сплоченные группы. В ее распространении коммунисты значительно опередили либеральный капитализм.

На Западе с 1980-х годов и особенно в 1990-е годы требования, раньше предъявлявшиеся исключительно к руководящим кадрам, спустились по иерархической лестнице и стали относиться ко всем служащим: личная включенность, целеполагание, отчеты о достигнутых результатах, предложения по повышению своей производительности труда. Руководители отделов кадров говорят о вкладе «личной включенности» в «эффективность» предприятия так же, как раньше директор завода рассуждал о «довольных рабочих». С недавних пор включенность стала одним из просчитываемых «факторов» экономики предприятия. Действительно, необходимо отметить исключительную продуктивность работы над собой.

Коммунисты первыми оценили, насколько полезно стимулировать ее, снабдив работника эффективными дискурсивными техниками. Дисциплинарные принципы Тейлора строились на эксплуатации ранее не замечавшихся физических и интеллектуальных возможностей человека. Это признал Г.К.Орджоникидзе, нарком тяжелой промышленности начального периода советской индустриализации. Споры о сложности повышения производительности труда велись еще до августа 1935 г., когда зародилось стахановское движение, изменившее существовавшие

⁶³ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.18. Л.16. Стенограмма речи А.А.Жданова на Февральском (1927) пленуме ЦК РКП (б). С.810–811.

ранее рабочие нормы. Широко обсуждались стандартные нормы, установленные для всей территории Советского Союза. На Промышленной конференции в мае 1935 года Орджоникидзе, старый друг Сталина, выкрикивает: «Технически обоснованные нормы все еще ниже возможных». И продолжает: «У нас нет технически обоснованных норм. <...> Зато есть огромные возможности. Надо научиться использовать их»⁶⁴.

Штраних В.Ф., 1929 год

Речь идет о новом типе работы: не труде, требующем расходования физических или моральных сил для производства продукта или предоставления услуги, а, как говорят современные ученые, «продуктивной»

⁶⁴ Цит. по: Siegelbaum L.H. *Soviet Norm Determination in Theory and Practice, 1917–1941* // *Soviet Studies*. Vol. 36. №1. 1984. P.59 (курсив мой. – И.К.).

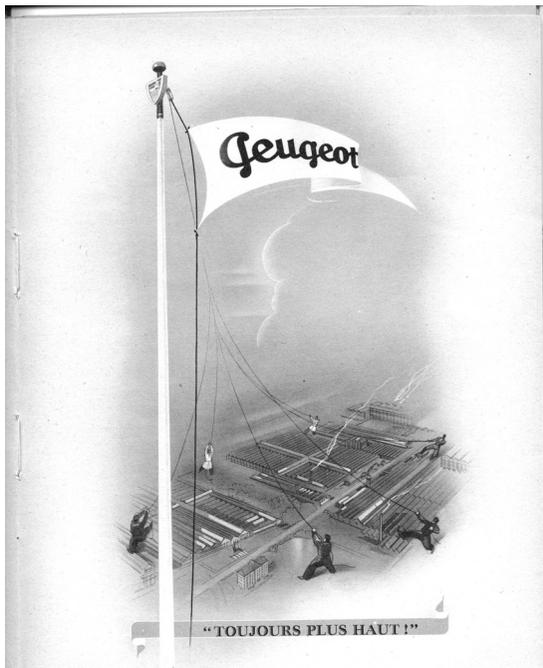
работе, чьим объектом является само *Я* человека, которое необходимо изменить. Так, например, Б.Штудер пишет: «Сталинский управленец в процессе своего формирования прибегает к техникам самоконтроля, тем самым продуктивно используя субъективность»⁶⁵. Коммунизм видит в этой продуктивности, прежде всего, политическую окраску. Капитализм же отмечает сначала экономическое значение, а уже потом политическое.

Заключение

Чтобы досконально изучить разнообразные режимы субъективности, возникшие в XX веке, требуется еще немало эмпирических и методологических исследований.

Однако уже сейчас можно сказать, что среди всевозможных *Я* есть одно, которое не отсылает ни к учреждению, ни к должности, хотя может присутствовать во всех других, позволяя констатировать, размышлять, комментировать и принимать решения. Эту функцию выполняет не должностное, а «личностное *Я*». В XX столетии коммунистическая партия присвоила себе право контроля над «личностным *Я*». Она жаждала, чтобы партийное и личностное *Я* слились воедино, подчинив себе все остальные должностные *Я* и оставив на них свой отпечаток. Для этого требовалась серьезная работа и специальные техники, которые коммунизм достаточно быстро выработал. В странах либерального капитализма тоже знали о высокой продуктивности работы над собой. В начале XX в. были разработаны техники, предназначенные для руководящих кадров (тогда считалось, что заниматься более низкими категориями служащих бесполезно). Сегодня ресурсы работы над собой используются на всех иерархических ступенях либерального предприятия, где, естественно, культивируется не партийное, а заводское *Я*. Активная работа инструкторов, психологов и консультантов размывает границу между заводским и личностным *Я*, к которому первое пытается прикрепиться. Это порождает серьезные дебаты между представителями промышленности, управленческих структур и заинтересовавшимися данной темой учеными; иногда, в случае чрезвычайных событий, например самоубийств на предприятии, к ним подключается и общество. Можно даже задаться вопросом, действительно ли мы так далеки от существовавшего в Советском Союзе «партийного *Я*».

⁶⁵ Studer B. *L'Être perfectible... P.105.*

«"Peugeot". Выше и выше!» (1941) (в белой одежде – кадры, остальные – рабочие).
Иллюстрация из брошюры «Школа для кадров» (École de cadres),
опубликована "Peugeot" (Paris, Berger-Levrault, 1943)

Таким образом, изучение сравнительной истории субъективности XX в. позволяет пролить свет на феномены, развивающиеся у нас на глазах. Однако для успешной научной работы необходимо уважительное отношение властей к главному призванию социальных наук (в первую очередь, истории) – критично относиться к их действиям.

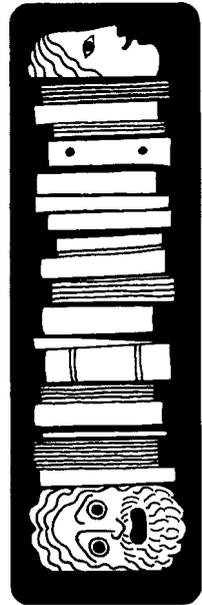
Перевод с французского Ольги Габе.

«

».

«

» -

Майя Дворкина, Петр Савельев

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

«КРИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ
В ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННЫМ
ФАКТОРОМ»

УДК
93/94
929

The published text is the first public appearance of the prominent Russia Social Democrat, one of the Mensheviks' leaders Yuli Osipovich Martov. This text is the foreword written by Martov for the Russian translation of the "Collectivism" speech delivered by J.Guesde, the French Socialist. The illegal publication of this speech undertaken by Martov's circle inaugurated transition of the circle members from ideologically undefined Radicalism to Marxism. Then when Martov was 20 years old he enunciated political principles he considered to be of highest priority. Martov remained to be loyal to these principles to the grave: the total rejection of the "conspiracy tactics" in struggle for power and the unconditional, independent value of struggle for democracy.

Ключевые слова: Ю.О.Мартов; российская социал-демократия; Ж.Гед; марксизм; демократия; публикация текста источника.

Key words: Y.O.Martov; the Russian Social Democracy; J.Gesde; Marxism; democracy; publication of the text of a source.

E-mail: savelev57@bk.ru

Публикуемый ниже текст «Предисловия» к брошюре Ж.Геда «Коллективизм» принадлежит перу одного из лидеров российских социал-демократов Юлия Осиповича Цедербаума (Мартова) (1873–1923), являясь первым его выступлением в печати. О Мартове уже написано немало. Неоднократно упоминалась и его первая публикация¹, тем более что он сам в своих воспоминаниях касался этого вопроса². Но текст этот в печати никогда не воспроизводился, а исследователи упоминали о нем мимоходом (за исключением И.Гетцлера). Между тем эта публикация знаменовала собой мировоззренческий рубеж в развитии личности Мартова, его переход на позиции марксизма.

История создания этого текста следующая. В августе 1891 года Юлий Цедербаум был зачислен на I курс естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Намерение юного Цедербаума сочетать «резание лягушек по Писареву» с «бунтовщической деятельностью», как и следовало ожидать, оказалось утопичным: участие в различных студенческих кружках не оставляло времени для занятий в лабораториях и семинарах. Бесконечные разговоры и споры с кружковцами были его стихией. Его даже не угнетали дрязги, неизбежные в политике. Позднее Мартов писал, что требуется «немного ума и умственных интересов, чтобы жить среди дряг и мелочей, с которыми связана политика, – не одна политика, а и научная деятельность и искусство». Он получал от политики «умственное и, пожалуй, эстетическое наслаждение». «Я думаю, – продолжал Мартов, – что среди "политиков по природе" я не один прикован к ней именно этим наслаждением, а не тем хотя бы в источнике вполне благородным честолюбием, которое, в конце концов, развивает "волчьи зубы"»³.

В университете Юлий близко сошелся с второкурсниками, членами Центрального студенческого кружка медиком В.Д.Соколовым и юристом И.И.Алексеевским. Из однокурсников Юлий особенно сблизился с

¹ См., например: Казарова Н.А. Ю.О.Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998. С.12; Тютюкин С.В. Ю.О.Мартов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С.115; Getzler I. Martov. A political Biography of a Russian Social-democrat. Cambridge, 1967 (русский перевод: Гетцлер И. Мартов. Политическая биография русского социал-демократа. СПб., 1998. С.25–28); и др.

² Мартов Ю.О. Записки социал-демократа / Сост. П.Ю.Савельев. М., 2004. С.103–105.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.53.

И.Д.Ставским, выходцем из крестьянской семьи и типичным нигилистом по внешности и манерам, уже в гимназии участвовавшим в тайном кружке, и С.А.Гофманом из обрусевшей немецкой семьи, педантичным и аккуратным, всегда «прилично» одетым, перешедшим на естественное отделение с математического. К этому кружку примкнул и вольнослушатель А.Г.Ризенкамф – сын генерала, своей жадой революционной деятельности больше всех импонировавший Юлию⁴. Члены кружка собирались на квартире Соколовых.

В то время наметился явный подъем политической активности студенчества. В 1891 году в России в очередной раз случился неурожай. В ряде губерний начался голод, сопровождавшийся эпидемическими заболеваниями. Возникло общественное движение по оказанию помощи голодающим. Молодежь загорелась надеждой революционной работы среди крестьян, началось своего рода новое «хождение в народ», оживились народовольческие кружки. Народническая доктрина мало заинтересовала Юлия, так же как не взволновали его и споры о роли и будущности сельской общины и русского капитализма, свидетелем которых он был на собраниях в квартире М.И.Туган-Барановского. Юлия мало заботили гуманитарный и филантропический аспекты помощи голодающим, а практической деятельности такого рода он сторонился.

Петербургская социал-демократическая организация М.И.Бруснева была связана прежде всего со студенчеством Технологического института. Марксистские кружки в университете только начали складываться. В один из них входили знакомые Юлию П.Б.Струве, братья Соколовы, Н.В.Водовозов, братья Герд, Д.В.Странден. Другой был создан осенью 1891 г. первокурсником физико-математического факультета, в будущем видным большевиком П.А.Красиковым⁵. Но марксисты не спешили вовлекать молодежь в практическую деятельность, ограничиваясь пропагандой материалистического понимания истории⁶. Очень благоприятное впечатление с первой же встречи на Юлия произвел член марксист-

⁴ Левцкий В. (Цедербаум В.О.) *За четверть века. Революционные воспоминания*. М., 1926. Т.1. Ч.1: *Революционная подготовка. 1892–1901*. С.15–16, 17; Мартюв Ю.О. *Записки социал-демократа*. С.53–55; *The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik past*. Cambridge, 1987. P.67.

⁵ *Петербургский университет и революционное движение в России*. Л., 1979. С.38, 146; Щетинина Г.И. *Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX века*. М., 1987. С.216–217.

⁶ Мартюв Ю.О. *Записки социал-демократа*. С.66.

ского кружка, приятель Струве Александр Потресов. Они стали встречаться в университете и дома. «Беседы с ним ввели меня в курс тогдашней общественной жизни, – вспоминал Мартов, – сосредоточивавшейся в земских и литературных кругах». Вместе с тем Александр стоял еще на распутье, определенно отрицательно относясь к народничеству и выдвигая в области общественных задач лишь необходимость борьбы за политическую свободу. Юлий стеснялся его как старшего и чуждого той разночинной среде, к которой принадлежал сам. Потресов был намного ближе к Струве⁷. Друг Юлия Ставский в поисках руководящей нити добрался до самого Струве, но был в нем разочарован. «Не поймешь его, – рассказывал он Юлию с досадой, – то он немецкий социал-демократ, то либерал из "Вестника Европы"». Для Юлия и его приятелей психологически неприемлем был долгий путь к политической свободе⁸. Их влекло к практической революционной деятельности, и они примкнули к «общестуденческой кассе»⁹. На ее делегатских собраниях Юлий неоднократно представлял свой кружок¹⁰. Поиск непосредственного революционного действия привел Юлия и его друзей в народнический кружок Е.П.Радиной¹¹. Они располагали гектографом и издавали брошюры. Мартов попытался написать к одной из брошюр свое предисловие программного характера. Оно было выдержано в якобинском духе и защищало террор. Но идеи автора не встретили поддержки в кружке, и текст был уничтожен¹².

⁷ Там же. С.65–66; *The Making of Three Russian Revolutionaries...* P.70, 71.

⁸ Мартов Ю.О. *Записки социал-демократа*. С.69.

⁹ «Общестуденческая касса» – нелегальное студенческое объединение, аккумулировавшее финансовые средства отдельных кружков для создания общей библиотеки запрещенной литературы и оказания помощи студентам, пострадавшим от политических репрессий.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.102. 3-е делопроизводство. 1891 г. Оп.89. Д.232; 1893 г. Оп.91. Д.1182; Ф.Р.-5881с. Оп.2 с. Д.540. Л.93; Оболенский В.А. *Моя жизнь и мои современники. Воспоминания*. Париж, 1988. С.82.

¹¹ Мартов Ю.О. *Записки социал-демократа*. С.72–73; *Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за 1892 и 1893 гг.* СПб., 1894. Т.ХVII. С.5–8; Щетинина Г.И. *Указ. соч.* С.208, 211. – *Состоя с 1893 года под негласным надзором полиции, в 1900 году Е.П.Радин дал признательные показания и подписку не участвовать более в противоправительственной деятельности* (См.: ГАРФ. Ф.102. Делопроизводство 3-е. Оп.91. Д.474).

¹² Мартов Ю.О. *Записки социал-демократа*. С.73.

Будучи удручен таким результатом, но твердо веря, что призван сражаться пером, Цедербаум примкнул к народовольческому кружку В.И.Шарого. Кружок этот был связан с группой М.С.Александрова (известный в последующем большевик Ольминский). Настроение кружковцев было самое решительное, что вполне гармонировало с настроением Юлия. У него тогда, по его собственному признанию, было примитивно-бланкистское представление о революции, которую он мыслил как торжество абстрактных, годных для всех времен и народов принципов народовластия, воплощаемых в революционной диктатуре, прочно опирающейся на бедноту и не стесняющейся в средствах. Якобинская революция сама по себе открывает путь к социализму, совершенно независимо от того, предстоит ли русской общине устоять или разложиться и превратится ли мужик в пролетария или нет. Не ставился им также вопрос о своеобразии русского исторического развития. Юлий в то время так видел развитие политической ситуации в России: голод неизбежно приведет к крестьянским стихийным бунтам, они могут кончиться походом бунтующей деревни на город, где «революционная партия», связанная с рабочими и солдатами, совершит переворот и захватит власть¹³. Абсолютная неискушенность Юлия в правилах нелегальной деятельности и неконспиративная внешность (он сильно хромал вследствие травмы, полученной в младенчестве) неизбежно должны были привести к провалу. В конце концов, это и произошло. Юлий занялся распространением прокламаций (в одной из них содержался призыв к возобновлению террора). Он раздавал их пачками многочисленным знакомым в университете, а иногда рассовывал по карманам студенческих шинелей, висевших в гардеробной. Однажды на собрание кружка явился вольнослушатель Н.Н.Михайлов, агент петербургской охранки (за что и был убит революционерами в 1905 году в Севастополе). Тогда же кружковцы весьма легкомысленно считали его только «подозрительной личностью». Но именно его показания легли в основу обвинений, вскоре выдвинутых против них¹⁴. В 20-х числах января 1892 г. начались аресты¹⁵. В ночь с 24 на 25 февраля жандармы пришли за Юлием. Ему в последнюю минуту удалось удалить из квартиры сверток с нелегальной литературой: его вынесла няня. Но, несмотря на то,

¹³ Там же. С.71.

¹⁴ Обзор важнейших дознаний... за 1892 и 1893 гг. Т.XVII. С.45.

¹⁵ Там же. С.46, 271–273.

что обыск не дал против него улики, он все же был арестован и доставлен в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице в одиночную камеру¹⁶. Имевший весьма смутные и фантастические представления об арестах, допросах и тюрьмах, основанные на книге Дж.Кеннана «Сибирь и ссылка», Юлий был приятно удивлен корректными допросами в доме №2 по Гороховой улице в Губернском жандармском управлении. На допросах он держался мужественно и заявлял о своем полнейшем неведении относительно предмета обвинений. Однако его близкий друг и товарищ по кружку Александр Ризенкампф не выдержал испытания и дал признательные показания, которые полностью изобличали Юлия как одного из самых деятельных членов кружка¹⁷.

Ю.О.Мартов. Полицейское фото. Вероятно, 1906 г.

Первое заключение оказалось недолгим – немногим больше месяца (25 февраля – 30 марта 1892 г.). Юлия «за упорное запирательство» выпустили из тюрьмы под залог под надзор полиции впредь до вынесения административного приговора¹⁸. Он вернулся домой бодрый, в приподнятом настроении от полученного «боевого крещения», с оживлением рассказывал домашним о тюремном режиме, о стычках с жандармами, о прогулках в двориках – «клетках», о перестукивании с

¹⁶ Левицкий В. Указ. соч. С.12–13; Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.77–78.

¹⁷ ГАРФ. Ф.102. Делопроизводство Особого отдела (Далее – ДПО). Оп.226. 1898 г. 6 ч. Д.956. Л.5–5 об, 10; Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.79–86.

¹⁸ ГАРФ. Ф.102. ДПО. Оп.226. 1898 г. 6 ч. Д.956. Л.6; Левицкий В. Указ. соч. С.20–21.

другими заключенными. Тем временем из университета он был отчислен за «неуспешность»¹⁹. Находясь под надзором полиции, большую часть времени он проводил дома. Кто-то из друзей познакомил его с курсисткой М.В.Васильевой. «Сестра Манефа», как шутливо ее называли, некрасивая, но очень добрая и отзывчивая девушка, целиком посвятившая себя общественному служению, связала Юлия с политическим Красным Крестом, работа в котором дала ему возможность уяснить положение революционных дел в России²⁰. Кроме того, он читал много литературы по европейской истории и вопросам экономического развития России, «засел» за I том «Капитала», французское издание которого в переводе П.Лафарга тогда было допущено цензурой к продаже. Осенью 1892 г. из-за границы вернулись Потресов и Гофман. Они привезли полный комплект изданий группы «Освобождение труда», вплоть до актуальной брошюры «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письма к молодым товарищам)»; издания немецкой, французской и бельгийской рабочих партий. Ознакомившись с этой литературой, Юлий Цедербаум «безоговорочно» признал себя марксистом²¹. В этом выборе было много и эмоционального, подсознательного. Деятельная натура Мартова искала путь к воплощению справедливости в реальность. Он нашел его в марксизме. Ему казалось, наверное, что в трудах К.Маркса впервые слились воедино революционная политика, гуманизм и сила науки. Все это давало мо-

¹⁹ ГАРФ. Ф.1696 с. Оп.1. Д.1; Ф.102. ДП ОО. Оп.226. 1898 г. 6 ч. Д.956. Л.35, 37; Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С.25; Левицкий В. Указ. соч. С.21.

²⁰ Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.95.

Красный Крест партии «Народная воля» образовался весной 1881 года. Он преследовал цель защиты, нравственной и материальной поддержки лиц, подвергшихся гонениям за свободу мысли и совести. За рубежом организацию представляли П.Л.Лавров и В.И.Засулич. В России общество действовало нелегально под названием «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным», или просто «Красный Крест». Вслед за Юлием к работе общества подключились и его родственники. Особенно активно в нем работали его сестры Надежда и Лидия. Так, в 1898 году Департамент полиции получил сведения о том, что вся семья Цедербаумов занята изготовлением платья, которое, однако, на продажу не поступает, а принадлежность Лидии Цедербаум и ее мужа Григория Канцеля к «Красному Кресту» вполне очевидна (См.: ГАРФ. Ф.102. Делопроизводство 3-е. 1897 г. Оп.95. Д.574. Л.3 об.; Документы для истории общества Красного Креста партии Народная воля // Былое. 1906. №3. С.282, 283).

²¹ Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.97–98.

ральное право на переустройство общества на началах марксизма. Вокруг Юлия образовался союз «посвященных»: Гофман, Ставский, Ставровский, студент института инженеров путей сообщения Тренюхин, Васильева, Потресов. Они отрицательно относились к программным выступлениям в духе прошлых традиций русского революционного движения и приняли название «Петербургская группа "Освобождение труда"». В начале 1892 года ею было создано общее собрание представителей студенческих кружков, на котором Юлий читал и комментировал программу группы «Освобождение труда», призывая признать ее основой всей деятельности студенческих организаций. Однако эта попытка не увенчалась успехом²². Вспоминая о том времени, известный впоследствии как лидер социалистов-революционеров В.М.Чернов называл марксистские кружки «лабораториями, приготовлявшими свежеепеченных, но уже совершенно законченных, фанатически убежденных сторонников нового мировоззрения». Сравнивая марксистов и народников начала 90-х годов, он отмечал, что первые воспитывались в открытом пренебрежении к Н.К.Михайловскому и П.Л.Лаврову, утверждались прочно и без колебаний в «правой вере», с какой-то аскетической узостью в вопросах экономических. «Они были сплоченнее нас: новизна учения на русской почве заставляла вырабатывать почти масонское тяготение друг к другу и противопоставление всему остальному миру, – писал В.М.Чернов. – Марксисты складывались на наших глазах в какое-то воинствующее духовное братство, которое объявляло непримиримую войну всему остальному миру, и всех немарксистов сваливало в одну кучу»²³. Таких «лабораторий воинствующего марксизма» в Петербурге было несколько. Традиции «Рабочего союза» в Технологическом институте продолжал кружок «стариков» (С.И.Радченко, Г.Б.Красин, Г.И.Кулиев). В университете действовал кружок Красикова, который от «сибирского землячества» был избран в Совет объединенных землячеств, имея контакты с Г.М.Кржижановским, Оболенским, Гофманом и Ставровским²⁴. Кружок Цедербаума через последних был связан с Красиковым, а через слушательниц акушерских курсов Любу Баранскую и Вареньку Кожевникову – со «стариками».

²² Жуйков Г.С. *Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда»*. Л., 1975. С.244.

²³ Чернов В.М. *Перед бурей: Воспоминания*. Нью-Йорк, 1953. С.55–56.

²⁴ Щетинина Г.И. *Указ. соч.* С.217–218.

Кружок Цедербаума стоял несколько обособленно от других молодежных объединений. Юлию было ясно, что нужно работать для рабочего движения. Но как? В деятельности других кружков его не устраивала отстраненность от кругов демократической интеллигенции. В этих сомнениях чувствуется влияние П.Б.Струве, передававшееся через Потресова. Это были истоки «легального марксизма». Еще весной, когда Юлий сидел в тюрьме, в кружке была отгектографирована брошюра «Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду: опыт программы юной русской социал-демократии». Автором ее, по-видимому, был Струве²⁵. В ней, хотя и признавалась роль рабочих, говорилось об авангардной роли интеллигенции, содержались открытые призывы (со ссылками на опыт германской социал-демократии) «сузить» работу и использовать только легальные возможности, рекомендовалось вести пропаганду в основном в кругах демократической и студенческой молодежи²⁶. Кружок Цедербаума и ориентировался на ведение пропаганды изданием ряда брошюр для этих читателей, среди которых все острее разгорался спор между народниками и марксистами. Технически кружок Юлия был обеспечен гектографом, литографским камнем и пишущей машинкой. Печатали речи западных социалистов, портреты русских революционеров, карикатуры на государственных деятелей. Издания продавались в пользу Красного Креста, для помощи заключенным. По воспоминаниям Л.Н.Баранской, Юлий Цедербаум воспринимался уже тогда как лидер группы, несмотря на свой юный возраст и болезненную комплекцию. Он поражал энергией и обширными знаниями из истории революционного движения. Кроме того, его недавнее заключение в тюрьме и надзор полиции создавали ему репутацию пострадавшего за убеждения, выделяли его из общей массы²⁷. Осенью кружок приступил к изданию перевода на русский язык речи Жюля Гада «О коллективизме»²⁸, представлявшей собой краткое

²⁵ В библиографии, составленной Р.Пайпсом, она не указана (См.: Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944 гг. М., 2001. С.585).

²⁶ Жуйков Г.С. Указ. соч. С.245; Петербургский университет и революционное движение в России... С.38–39.

²⁷ Российский государственный архив экономики. Ф.9455. Оп.3. Д.14. Л.48; Баранская Н. Странствие бездомных. Жизнеописание. М., 1999. С.43.

²⁸ Гед (Guesde) Жюль (наст. – Базиль (Basile) Матье) (1845–1922) – деятель французского и международного социалистического движения. В 60-х годах республиканец. Горячо

популярное изложение марксизма. Французский оригинал этой брошюры находился среди литературы, привезенной Потресовым из-за границы. К брошюре Юлий написал предисловие, имевшее программный характер, где «по Гегелю изображалось развитие русской революционной мысли»²⁹. Подчеркивая преемственную связь революционного народничества и социал-демократии, он подверг резкой критике народофильство, которое, с его точки зрения, отбросило основной принцип народничества «революции для народа, осуществляемой народом», и исповедовало идею заговора с целью захвата власти, осуществляемого революционной интеллигенцией. Грядущая революция виделась Мартову как революция «труда» против «капитала». Ближайшей целью социал-демократии в этой революции являлось достижение политической свободы, а главной задачей – организация рабочей партии. Если эту задачу удастся решить на момент политического переворота, то «организованная социал-демократия сумеет удержать плоды победы в руках рабочего класса». Для создания партии он предлагал объединение устойчиво существующих революционных групп, связанных с рабочими и ведущих в их среде пропаганду. Все это выглядело, конечно, весьма схематично и наивно, но по сравнению с прежними представлениями Мартова о перспективах политического развития России налицо была заметная эволюция его мировоззрения. Наконец, следует отметить, что и у других участников российского социал-демократического движения в то время представления о целях и задачах движения были не намного более ясными.

Для печатания брошюры отыскивали помещение в придворно-конюшенном ведомстве, где жила одна из сочувствующих группе и служившая в этом ведомстве акушерка. В коронном здании у самого Зимнего дворца можно было работать без риска быть прослеженными

поддерживал Парижскую коммуну. Приговорен к 5-летнему тюремному заключению, бежал. В 1871–1876 годах жил в Швейцарии и Италии. Анархист. Вернувшись на родину, в 1877 году основал социалистическую газету «Egalité», а в 1879 году марксистскую Рабочую партию, которой руководил до 1901 года. Член 2-го Интернационала. Член палаты депутатов (с 1893). Вошел в 1905 году в Объединенную социалистическую партию Франции. В 1914–1915 гг. министр французского правительства.

Речь о коллективизме он произнес 7 марта 1891 года на собрании Общества изучения экономических и политических наук в Брюсселе.

²⁹ Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.103–104.

ми. Первые листы брошюры Юлий лично воспроизводил на гектографе вместе с М.В.Васильевой³⁰. Но увидеть появление на свет первого литературного детища ему не пришлось. В декабре Юлию по Высочайшему повелению был объявлен приговор: пять месяцев тюремного заключения с последующей высылкой под гласный надзор полиции на 2 года с выбором места жительства вне университетских городов³¹. С 17 декабря 1892 года до 17 мая 1893 года он отбывал срок заключения в «Крестах». В тюрьме он получил конспиративное письмо, извещавшее, что гектографирование брошюры Ж.Геда завершено, (помечено январем 1893 г., около 100 экз.), она распространяется по кружкам, «предисловие» в студенческих кружках одобряют и спрашивают, кто его написал³².

По выходе из тюрьмы Юлий был подчинен негласному надзору полиции. Благодаря хлопотам отца ему было разрешено в течение двух недель пробить в Петербурге. Срок этот был продлен еще на неделю, а затем до 20 июня³³. В то время в кружке был выработан приветственный адрес группе «Освобождение труда» и мандат ей на право представлять кружок Цедербаума на конгрессе Интернационала (состоялся 25–31 июля / 6–12 августа 1893 г.). П.Б.Аксельрод рассказал позже Мартову, каким приятным сюрпризом был для него, Засулич и Плеханова этот мандат – первый, который они получили из России, – перед самым конгрессом и как он вывел их из неловкого положения, в котором они находились, предъявляя мандаты одних только эмигрантских организаций³⁴. А Засулич в то время писала Плеханову: «Дорогой Жорж, кричите "ура"! Прислан Вам мандат из Питера от социал-демократической группы "Освобождение труда". Уже по самому названию видно, что, значит, группа самая преданная»³⁵.

³⁰ Мартов Л. Страничка воспоминаний // Вперед. М., 1918. №1 (217). 3 января. С.2.

³¹ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.226. 1898 г. 6 ч. Д.956. Л.6; Ведомость дознаниям, произво-
дившимся в жандармских управлениях по государственным преступлениям за 1892 и
1893 гг.. СПб., 1894. Т.XVII. С.128.

³² ГАРФ. Ф.9217. Оп.2. Д.31. Л.1 об.; Мартов Л. Страничка воспоминаний. С.2.

³³ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп.226. 1898 г. 6ч. Д.956. Л.6–6 об, 24, 27, 30, 34.

³⁴ Жуйков Г.С. Указ. соч. С.38; Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. С.111.

³⁵ Из архива группы «Освобождение труда». М., 2009. Вып.1: Переписка 1883–1897 гг.
С.263.

Через месяц после освобождения из тюрьмы Юлий был выслан из Петербурга в Вильно. Начинаясь новый и чрезвычайно важный период его жизни. Что касается его петербургского кружка, то в отсутствие лидера деятельность его вскоре прекратилась.

* * *

В одном из вариантов своих воспоминаний Ю.О.Мартов писал, что «брошюра Геда неоднократно переиздавалась вместе с нашим предисловием местными провинциальными кружками в течение первой половины 90-х гг.»³⁶. В российских библиотеках и архивах сохранилось несколько экземпляров этой брошюры: в Государственной общественно-политической библиотеке (ГОПБ) (1893, 1897), в Государственном архиве Российской Федерации (1893, 1897) и в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (1896)³⁷. Кроме того, копия «Предисловия» Мартова к брошюре Ж.Геда имеется в архиве Гуверовского института (США)³⁸. Здесь текст «Предисловия» воспроизводится по экземплярам, хранящимся в ГОПБ. Первый из них является исходным, изданным «Петербургской группой "Освобождения труда"» в январе 1893 г. Второй был издан в начале 1897 г. социал-демократическим студенческим кружком В.В.Воровского, связанным с московским «Рабочим союзом». Переписывали и печатали текст студенты Комиссаровского технического училища Е.Е.Камер и Б.Е.Арманд. Тираж (7 экземпляров сброшюрованных и 40 несброшюрованных) был захвачен полицией при обыске на квартире Камера в мае 1897 года³⁹. В отличие от экземпляра брошюры из вещественных доказательств по делу Камера, исходный экземпляр имеет рисованную обложку с названием произведения Ж.Геда, указанием места и времени издания. По верхнему полю обложки размещен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», по нижнему – цитата из речи Геда: «Без классового самосознания пролетариев невозможна никакая социальная революция».

³⁶ ГАРФ. Ф.9217. Оп. 2. Д.31. Л.2.

³⁷ *Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. 2-е изд. М., 1981. Ч.1: Книги. С.67–68.*

³⁸ *Guide to the Boris I.Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Stanford University, 1989. P.55 (Box 52. Series №17. Folder 1).*

³⁹ *Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1897 год. СПб., 1902. Т.XXI. С.37, 131–132.*

Руководители Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Стоят (слева направо): А.Л.Малченко, П.К.Запорожец, А.А.Ванеев. Сидят (слева направо): В.В.Стариков, Г.М.Кржижановский, В.И.Ульянов, Ю.О.Цедербаум. Февраль 1897 г.

Предисловие к брошюре Ж.Геда «Коллективизм»⁴⁰

Цель настоящего предисловия – указать на преемственную связь, существующую между прежними революционными направлениями и тем, которое в настоящее время обещает стать господствующим среди русской интеллигенции и к которому принадлежат и издатели настоящей статьи⁴¹.

⁴⁰ Публикуется по современным нормам орфографии и пунктуации. Стиль и подчеркивания оригинала сохранены.

⁴¹ Весь текст, следующий далее и посвященный характеристике народничества, может сейчас произвести впечатление недостаточной информированности автора об этой идеологии и этом движении. Однако не следует забывать: в то время данной темы не было ни в гимназических, ни в университетских курсах истории; об этом вообще говорить было опасно. Таким образом, составить для себя картину революционного движе-

Революционное движение 60-х годов, несмотря на входящие в него социалистические элементы, было по преимуществу движением радикально-демократическим. Социализм не сложился еще в систему, которая могла бы представить полную политическую программу. Движение 60-х годов служит только введением в историю социально-революционного движения. Настоящее движение началось лишь в 70-х годах. Каковы были элементы революционного движения, которое ярко обозначилось в 73–74 гг.⁴² Несомненно, в него входил элемент политический. Уже и тогда гнет деспотизма вызывал негодование интеллигентных слоев населения. Далее успехи социализма на Западе отразились на русском движении. Уже с конца 60-х гг. Интернационал⁴³ – этот союз трудящихся против государственного союза паразитов – стал идеалом русских революционеров. Но в то время зап[адно]европейские социалисты далеко еще не усвоили научного социализма. Поэтому русские революционеры восприняли социализм в виде общей формулы о коммунистическом строе, при котором будет достигнуто общее благосостояние, свобода, равенство и братство без всякой историко-философской основы. Наконец, русская жизнь выдвигала крестьянский вопрос: русский интеллигент чувствовал, что принятые им социалистические идеи составляют плод зап[адно]европейской жизни, что массовое движение рабочих на Западе стало возможным лишь после долгого времени развития промышленности, что Россия стоит лишь в начале того пути, который привел европейские народы к социализму. Но, с другой стороны, социализм представлялся учением вечным, истиной, не зависящей от времени и места, учением угнетенных и обездоленных. Так как действительность указывала на громадное число угнетенных, то казалось, что социализм имеет много шансов на Руси. Тем более, что, благодаря экономической неразвитости страны, в ее населении уцелели еще общинные учреждения и инстинкты. Таким образом, казалось, что почва для социализма была подготовлена в России, во-1-ых, бедственным положением народа, во-2-х, присутствием коммунистических учреждений. В основу теории движения 70-х гг. легло именно это положение. Сверх

ния 1860-х – 1870-х гг. можно было только основываясь на отрывочных сведениях. Ю.О.Мартов собирал их еще в старших классах гимназии.

⁴² *Вероятно, имеется в виду деятельность Большого общества пропаганды («чайковцев»).*

⁴³ *1-й Интернационал – Международное товарищество рабочих (1864–1876) – первая массовая международная политическая организация рабочих, основателями и руководителями которой были К.Маркс и Ф.Энгельс. В ее деятельности активно участвовали русские революционеры П.И.Утин, Г.А.Лопатин, Е.Л.Дмитриева, П.Л.Лавров.*

того, своеобразность положения России сравнительно с другими странами выдвигала еще один вопрос. Если на Западе социализм сделался грозным, могучим движением только тогда, когда он стал движением рабочим, то в России, напротив того, социалистами являлись только интеллигенты, тысячами бросавшие буржуазную среду. Являлся вопрос: как оправдать стремление интеллигенции повести народ к поставленным ею целям. Разумеется, эту задачу можно было разрешить лишь тогда, когда идеалы социализма совпадали со стремлениями народа. Поэтому революционеры и постарались поставить свои социалистические стремления в связь с жизнью народа и его идеалами. Но для того, чтобы эта связь обнаружилась, потребовалось пропустить народную жизнь сквозь призму социалистического идеализма. Опыт привел к желанным результатам. Русский народ оказался «прирожденным социалистом».

С другой стороны, требовалось стремлению интеллигенции дать не только оправдание, но и верховную санкцию долга. Для этого пришлось опять-таки произвести ряд абстракций, в результате которых интеллигенция оказалась чем-то крайне зловредным: утратились черты, отличающие ту интеллигенцию, из которой вербовались революционные деятели, от буржуазной интеллигенции вообще.

Русский интеллигент-пролетарий, сам живший впроголодь, обвинил себя в тунеядстве: он смешал себя в одну массу с детьми помещиков, он признал себя ответственным за то зло, которое народ терпел до сих пор от высших классов. Противоположение народа интеллигенции стало еще ярче, когда его выразили в виде противоположения мускульного труда всякому другому. Реабилитация интеллигенции, искупление ею грехов перед народом стали необходимым местом революционной программы. «Исторические письма»⁴⁴, статьи Михайловского⁴⁵ и сочинения Бакунина⁴⁶ – все в равной степени стре-

⁴⁴ «Исторические письма» – произведение П.Л.Лаврова, написанное им в ссылке в 1868–1869 годах (под псевдонимом П.Миртов публиковались в газете «Неделя»; отдельное издание: СПб., 1870), в котором он призывал «образованное меньшинство» к «уплате долга» народу. «Письма» нашли широкий отклик в среде русской революционной молодежи.

⁴⁵ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – русский социолог, публицист, критик, представитель народничества. С 1892 года один из редакторов журнала «Русское богатство». В 1890-х годах с позиций крестьянского социализма выступал против русских последователей К.Маркса.

⁴⁶ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. Труд Бакунина «Государственность и анархия»

мились теоретизировать эти стремления революционной мысли. Система народничества сложилась. Все, касающееся политических реформ, было выкинуто из этой программы, как не прямо касающееся народа, и этим революционная интеллигенция порвала ту связь, которая до тех пор связывала революционеров с либералами. Либералы отнеслись к народническому движению отрицательно⁴⁷.

На знамени народников стояло: «революция для народа, совершенная самим народом». Эта формула обусловила собой практическую часть их программы. Широкое, всеохватывающее массовое движение в народе явилось необходимым средством для развития социалистических идей. Пережив периоды пропаганды и агитации, народники убедились в несоответствии

(1873) оказал большое влияние на развитие народнического движения в России.

⁴⁷ *Из всего вышесказанного можно было бы заключить, что мы смотрим на все движение 70-х гг. как на какую-то ошибку, ряд заблуждений и идеализаций. Такое заключение было бы неправильно. При каждом политическом социальном движении является стремление обосновать цели и задачи этого движения, т.е. вместо выяснения подготовивших его моментов является дедуктивное построение тех силлогизмов, из которых, дескать, логически вытекает его целесообразность. Выведенные таким путем основания, не представляющие собой исторически реального факта, но являющиеся продуктом отвлеченной мысли, выдвигаются в качестве девиза, формулирующего сущность движения. В данном случае народники, исходя из обнаружившегося в данный момент стремления разночинной интеллигенции изменить существующий строй, построили целую логическую систему по данному конечному ее выводу. Эта система в представлении оперировавших субъектов принимала характер реальности, которым она вовсе не обладала. Идея далее и далее по пути подобной обосновки своих стремлений вожди народников вторглись даже в область методологических вопросов и дошли до создания субъективного метода в общественных науках. Без субъективного метода вся народническая система не имела бы корней.*

Еще оговорка: я в данной очерке не касаюсь исторической сущности нашего революционного движения. Этот вопрос может быть лишь предметом специального исследования. Я пытаюсь изобразить только развитие революционной мысли не касаясь исторической подкладки данного развития. Но это не значит, чтобы я думал, что революционная мысль сама собою довела и никакого отношения к реальной жизни не имела. Выделить для изучения историю мысли из истории культуры вообще можно, если только не забывать, что история мысли является верхним этажом истории культуры. Только в таком случае можно избежать ложных выводов о значении данных фактов для истории мысли. Материалистический взгляд на историю должен лишь предохранить от «полета фантазии». – Прим. Ю.О.Мартова.

своей программы с условиями действительности. При современном положении вещей народ не давал бы большого числа сторонников социализму. Между народом и его доброжелателями клином засела самодержавная власть с ее бюрократически-полицейским основанием. Народная революция в смысле восстания всего русского крестьянства становилась утопией. Старая программа была разбита жизнью, новая программа создавалась немедленно на останках старой – сама борьба возводила это новое здание. Народничество быстро превращалось в народовольчество⁴⁸. Сами революционные деятели сначала полагали, что они, оставляя нетронутыми основные принципы своего учения, изменяют только практическую часть программы, применительно к условиям момента. На деле вышло не то. Новая программа требовала и новых оснований. Различие между правоверными народниками и народовольцами скоро обнаружилось. Тогда как народничество долгое время теоретизировалось (в лице Лаврова⁴⁹ и Михайловского), прежде чем стало практическим движением, с народовольчеством случилось обратное... Отчасти, конечно, Ткачев⁵⁰ был подготовителем народовольческой теории, но только отчасти. Условия борьбы заставили революционеров перейти к террору и политической борьбе, лишь впоследствии явилась обосновка этой программы. Случилось даже так, что, если не считать Программу Исполнительного комитета⁵¹, обоснование народовольческой теории появилось только после упадка народовольчества и продолжалось даже после исчезновения лицами, по-видимому, имеющими мало общего с народовольцами. Если в 1892 г. В.В.⁵² говорит, что «в стране, где народ не призван к активной полити-

⁴⁸ *Идейное течение и общественно-политическое движение, возглавлявшееся «Народной волей».*

⁴⁹ *Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – один из идеологов народничества, философ, социолог и публицист.*

⁵⁰ *Ткачев Петр Никитич (1844–1885/86) – один из идеологов народничества, публицист. Теоретик так называемого «русского якобинства»; доказывал необходимость создания тайной заговорной организации «революционного меньшинства» с целью захвата власти, установления революционной диктатуры и проведения социальных преобразований.*

⁵¹ *Исполнительный комитет – руководящий орган «Народной воли» (1879–1883; А.И.Желябов, С.Л.Перовская, А.Д.Михайлов и другие, в разное время 36 членов). Его программа (сентябрь – декабрь 1879 г.) опубликована: *Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С.170–174.**

⁵² *В.В. – псевдоним Василия Павловича Воронцова (1847–1918) – русского экономиста, социолога, одного из идеологов так называемого либерального народничества.*

ческой жизни и интеллигенция имеет право и должна руководить политической жизнью на благо народа»⁵³, то он говорит, конечно, вообще нелепость, но, в частности, нелепость, входившую составной частью в программу народолюбцев. Что явилось характерной чертой народолюбческого учения? Обыкновенно люди кидаются от одной крайности к другой. Вместо уничтожения интеллигенции, выставления ее дряблєю, русская интеллигенция идеализируется – выставляется на вид ее самоотверженность, отсутствие в ней буржуазных стремлений; русская интеллигенция, не в пример зап[адно]европейской, не потеряла своей души. Наконец, русская интеллигенция сильна; при отсутствии сильной буржуазии у нас, кроме вырожденного дворянства, остается только одна общественная сила, именно интеллигенция, понимая под ней всех лиц, живущих какой бы то ни было духовной жизнью. Если организовать всю эту интеллигенцию, можно смело произвести переворот на пользу народа, чтобы дать ему сказать свою волю. Еще недавно Степняк («Чего нам нужно?») ⁵⁴ высказал, что в России интеллигенция очень могущественна; из ее, дескать, слюев вербуются чиновники и офицеры. Так же думали и народолюбцы. Заговор с целью захвата власти казался им легко осуществимым. Принцип революции, осуществленной народом, был оставлен, и русские социалисты еще более уклонились от правильного пути.

Народолюбческое движение окончилось, оставив после себя блестящую страницу в русской истории. После падения «Народной воли» настало затишье. Мы думаем, что это затишье кончается. Замечаются признаки оживления, и новый фазис революционного движения намечен. Русская революционная мысль нашла себе новое прочное основание. Это основание – научный социализм. Принцип народной революции воскрешен на знамени социал-демократов. Но эта революция не есть ни революция анархического крестьянского духа против буржуазной цивилизации, ни революция мыслящей интеллигенции против деспотического правительства⁵⁵. Это революция труда против капитала. Ближайшая цель социал-демократов – достижение

⁵³ Русское богатство. 1892. Попытка обоснования народничества. Ст. II. – Прим. Ю.О.Мартова.

⁵⁴ Степняк – псевдоним Кравчинского Сергея Михайловича (1851–1895) – русского революционера-народника, писателя.

⁵⁵ Через 25 лет после создания этого текста сам автор сделал к нему следующее примечание: «Признаюсь, не без удовлетворения перечитал я эти строки в наши дни, когда – в первый раз после Бакунина – мы присутствуем при опыте "революции анархического крестьянского духа" против буржуазной цивилизации – под псевдонимом "рабочей и крестьянской диктатуры"» (Мартов Л. Страничка воспоминаний. С.2).

политической свободы, главная задача – организация рабочей партии. Удастся ли выполнить эту задачу до того времени, когда совершится переворот, к которому ведет современное положение России, или нет – это все равно. Если нет, то мы примем участие в перевороте наряду с другими прогрессивными партиями; если да, то организованная социал-демократическая партия сумеет удержать плоды победы в руках рабочего класса. Социал-демократы суть истинные продолжатели народничества и народовольчества. Не в возобновлении старых, истрепавшихся программ, не в гальванизации разложившегося трупа Народной воли, но в перетолковании пунктов старой программы состоит задача продолжения славной истории русского революционного движения. Старые партии изменили свою программу под ударами критической действительности. В пылу жаркого боя менялась программа – сама жизнь выдвинула одну ее сторону в ущерб другим, прежде стоявшим на первом плане. Неужели же революционеры 90-х годов не сумеют отнестись критически к старым программам и их скверным копиям, а ограничатся переменами в толковании старых догматов? Нет, не догматическая, а критическая мысль является в истории революционным фактором.

Социал-демократическое движение только начинается. Широим станет оно лишь тогда, когда все намеченные революционные силы будут организованы. Но эта организация возможна лишь при существовании сильных групп. Соединиться в партию могут кружки, имеющие прочные связи с рабочими и застрахованные от полного исчезновения при первом неудачном шаге. Задача социал-демократов в настоящий момент организовать такие группы. Поэтому пропаганда социал-демократических мнений является важным делом.

Издатели настоящей статьи намерены заняться этим делом. Для этого дела предполагается выпустить ряд изданий. С одной стороны, сюда войдут произведения Маркса, Энгельса, Каутского⁵⁶, Бебеля⁵⁷, Лафарга⁵⁸ и др., с другой стороны, сочинения, непосредственно затрагивающие вопросы рус-

⁵⁶ *Каутский (Kautsky) Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков Социал-демократической партии Германии и 2-го Интернационала.*

⁵⁷ *Бebel (Bebel) Август (1840–1913) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии и 2-го Интернационала.*

⁵⁸ *Лафарг (Lafargue) Поль (1842–1911) – французский социалист, ученик и зять К.Маркса, один из основателей Французской Рабочей партии, член 1-го Интернационала. Оставил большое литературное наследие в области философии, политэкономии, языкознания, литературоведения и др.*

ской жизни. В ближайшем времени предполагается издать сочинение Г.Плеханова «Задачи социалистов в борьбе с голодом»⁵⁹.

Предлагаемая статья принадлежит перу Жюля Гада, вождя группы французских коллективистов⁶⁰. Эта группа состоит из последователей научного социализма. К ней принадлежат наиболее выдающиеся французские социалисты – Гед, Лафарг, Дюк, Керси. Коллективисты близко примыкают к немецким социал-демократам, но условия французской жизни придают им более революционный характер. Так как большинство либеральных реформ во Франции уже осуществлено, они добиваются прямо уничтожения капиталистического строя. Тем не менее они не отказываются от борьбы за фабричное законодательство и др[угих] требований, могущих улучшить положение рабочего класса или облегчить ему дальнейшую борьбу.

⁵⁹ *Правильно: Плеханов Г.В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письма к молодым товарищам). Женева, 1892. Эта брошюра была в том же транспорте литературы, в который входила речь Ж.Гада.*

⁶⁰ *Имеется в виду Рабочая партия Франции, основанная Ж.Гедом и П.Лафаргом в 1879 году.*

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Пархитько Николай Петрович

аспирант МГИМО,
кафедра Истории политики стран Европы и Америки (ИПСЕА)

Мильков Владимир Владимирович

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Козн Ив

историк, доктор наук,
профессор Высшей школы социальных наук, Париж

Дворкина Майя Давидовна

ученый секретарь Государственной
общественно-политической публичной библиотеки

Савельев Петр Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Московского института открытого образования

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Parkhitko Nikolay Petrovich

post-graduated student of Moscow State Institute
of International Relations (University)

Mil'kov Vladimir Vladimirovich

D. Sci., philosopher, head specialist,
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Cohen Yves

Ph.D., historian, Professor of the Graduate School
of Social Sciences (EHESS, Paris)

Dvorkina Maya Davidovna

the scientific secretary of the Socio-Political State Library

Savel'ev Petr Yur'evich

Ph.D., historian, Professor of chair
for social and humanitarian studies
of the Moscow Institute of Open Education

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2010 г.

Теория и практика политических игр

- Кургинян С.Е. Судьба развития в современной России (окончание). №1. С.4*
Кургинян С.Е. Проект Путина. Политический генезис. №2. С.6
Кургинян С.Е. Контрнаступление модерна: возможности и альтернативы. №3. С.6
Кургинян С.Е. Опосредованные угрозы. №4. С.6
Кургинян С.Е. Система координат. №5. С.6
Кургинян С.Е. Правила игры. О морали и цинизме в политике. №6. С.6

Геоглобалистика

- Гриневский О.А. Саммит нереализованных возможностей. №5. С.64*
Максимычев И.Ф. Пост соан. Последний год ГДР. Из дневниковых записей советника-посланника посольства СССР в Берлине. №3. С.58, №4. С.32, №5. С.44
Пархитыко Н.П. Расширение НАТО в 1998–2009 гг. и курс на универсализацию блока. №6. С.26
Семенова Л.Н. Украина, но не периферия. Стабильность международной системы. №4. С.24
Симонова Т.М. Российская военная эмиграция и фашизм: политика и геополитика. №1. С.60
Четверикова О.Н. Католицизм в наступлении: идеология и политика Ватикана в условиях перехода к глобализованному мировому порядку. №1. С.34

Грани катастрофы

- Ранчин А.М. «Мерзейшая мощь»: о конце эпохи Университета и о реформе российского высшего образования. №3. С.26*

Ярлыки и мифы

- Аксютин Ю.В. «Кащей развитого социализма». №2. С.100*
Булдаков В.П. Миф на вузовской кафедре: истматовская судьба «Серебряного века». №1. С.106
Кондаков И.В. Серебряный век как «притча во языцех». №1. С.89
Ранчин А.М. О культурологии, «Серебряном веке» и статье Ютты Шеррер. №1. С.118

Национальная доктрина

- Дегоев В.В. О современных проблемах преподавания истории Северного Кавказа. №2. С.28*

Россия в мире

- Лалин В.В. История России в рамках истории технологий. Как было, как есть, а как будет? №2. С.44*
Марыня В.В. 1944–1945 годы: Красная армия в Восточной Европе. №3. С.120, №4. С.80
Русская Атлантида. Обсуждение энциклопедии «Общественная мысль Русского Зарубежья». №6. С.40

Европейские параллели

Коэн И. Личностное, должностное и партийное «Я». Исследование субъективности и работы над собой в коммунизме и либерализме. №6. С.126

Пути духовных исканий

Мильков В.В. Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца. №6. С.90
Реутин М.Ю. Образ человека в творчестве Иоанна Экхарта. Теория экстаза. №3. С.146

Щеглов А.П. Толковая Палея. Легенда о падении Сатанаила. №5. С.88

Страницы истории

Готовцева А. Г., Киянская О. И. Семейная история К.Ф.Рылеева в историко-литературном контексте конца XVIII – начала XIX века. №1. С.132

Лапицкий М.И. Россия – США: две страны, два мира. №3. С.82
Минаков А.Ю. «Тверская полубогиня»: великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической «партии». №4. С.110

Стейнберг М. Уродливая, падшая личность: общественный дискурс о личности и городской жизни в России 1906–1916 годов. №5. С.114
Федотова М.С. Образы «народных героев» войны 1853–1856 гг. в культурной памяти. №4. С.130

Ферретти М. Расколота память: Россия и война. №2. С.70

Юрганов А.Л. Первый шаг в десталинизации исторической науки. №5. С.146

Актуальный архив

Дворкина М.Д., Савельев П.Ю. «Критическая мысль является в истории революционным фактором». №6. С.158

Макаров В.Г., Ретников А.В. Люди из примечаний. «...Милый Гриша Товстолес». К истории «Евразийского движения». №2. С.162

Мальков В.Л. P.S. К истории жизни президента США Франклина Д.Рузвельта. №3. С.170

Мелих Ю.Б. Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию»: евразийство П.Н.Савицкого. №2. С.126

Парсамов Ю.В. И.Э.Бабель и К.Е.Ворошилов. Доклад К.Е.Ворошилова в ЦК РКП(б). №4. С.72

Печатнов В.О. Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки. №5. С.160

Тополянский В.Д. Подруга английского шпиона. №4. С.180

Редакционная почта

Алиев Н. Энергетическая политика и дипломатия Азербайджанской республики. №5. С.182

Каменецкая Е.В. Варяги и славяне: вечный спор. №2. С.186

Юрганов А.Л. Историческая феноменология: «Не объяснить, а понимать». №1. С.176

The List of All Published Materials in 2010

Theory and Practice of the Political Games

- Kurginyan Sergey. Fate of Development in the Present Day Russia. №1. P.4*
Kurginyan Sergey. Putin's Project. Political Genesis. №2. P.6
Kurginyan Sergey. Counteroffensive of the Modern: Options and Alternatives. №3. P.6
Kurginyan Sergey. Indirect Threats. №4. P.6
Kurginyan Sergey. System of Coordinates. №5. P.6
Kurginyan Sergey. Rules of the Game. On Cynicism and Morality in Politics. №6. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

- Chetverikova Ol'ga. Catholicism on the Offensive: Ideology and Politics of Vatican in Conditions of Transition to the Globalized World Order. №1. P.34*
Grinevsky Oleg. The Summit of Unrealized Possibilities. №5. P.64
Maksimychev Igor'. The Post is Surrendered. The DDR's Last Year. Extracts from Diaries of the Advisor-Envoy of the USSR Embassy in Berlin. №3. P.58, №4. P.32, №5. P.44
Parkhitko Nikolay. The NATO-Enlargement in 1999–2009 and the Unification Strategy of the Alliance. №6. P.26
Semenova Lyudmila. The Fringe but not the Periphery. Stability of the International System. №4. P.24
Simonova Tat'ana. The Russian Military Emigration and Fascism: Politics and Geopolitics. №1. P.60

The Faces of Catastrophe

- Ranchin Andrey. "The Vilest Might": on the End of the University Epoch and Reform of the Russian Higher Education. №3. P.26*

Labels and Myths

- Aksyutin Yuriy. "The Scrag of the Developed Socialism". №2. P.100*
Buldakov Vladimir. Myth at the Higher Education Institution's Chair: the Fate of the 'Silver Age' in the Historical Materialism. №1. P.106
Kondakov Igor'. The 'Silver Age' as a Byword. №1. P.89
Ranchin Andrey. On Culturology, the 'Silver Age' and Jutta Scherrer's Article. №1. P.118

National Doctrine

- Deгоеv Vladimir. On the Modern Problems of Teaching and Studying of the North Caucasus History. №2. P.28*

Russia in the World

- Lapin Vladimir. The Russian History within the Framework of History of Technologies. What It Was, What It Is and What It Will Be? №2. P.44*
Mar'ina Valentina. 1944–1945: The Red Army in East Europe. №3. P.120, №4. P.80
Russian Atlantis. The Consideration of Encyclopedia "The Social Thought of the Russians Emigration". №6. P.40

European Parallels

Cohen Yves. *The Personal, Professional and Party 'I': A Study of Subjectivity and Work on the Self in Communism and Liberalism*. №6. P.126

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Mil'kov Vladimir. *The First Scientist in Russia: Life, Creative Work and Conceptual Singularity*. In *Commemoration of Kirik Novgorodets' 900th Anniversary*. №6. P.90

Reutin Mikhail. *The Image of Man in the Work of Johann Eckhart. The Theory of Ecstasy*. №3. P.146

Scheglov Andrey. *Palee Sensible. The Legend about Falling of Sataniil*. №5. P.88

Pages of History

Fedotova Marina. *Images of 'National Heroes' of the War 1853–1856 in Cultural Memory*. №4. P.124

Ferretti Maria. *Splitted Memory: Russia and the World War II*. №2. P.70

Gotovtseva Anastasiya, Kiyanskaya Oksana. *K.F.Ryleev's Family History in the Historical-Cultura Context of the Late 18th – Early 19th Centuries*. №1. P.132

Lapitsky Mark. *Russia – USA: Two Countries, Two Worlds*. №3. P.82

Minakov Arkadiy. *"Semigodness of Tver": Grand Duchess Ekaterina as Leader of Conservative National-Aristocratic 'Party'*. №4. P.110

Steinberg Mark D. *The Deformed and Decadent Modern Self: Public Discourse on the Urban Self in Russia, 1906–1916*. №5. P.114

Yurganov Andrey. *The First Step in de-Stalinization of the Historical Science*. №5. P.146

Topical Archive

Dvorkina Maya, Savel'ev Petr. *"The Critical Thought is a Revolutionary Factor in History"*. №6. P.158

Makarov Vladimir, Repnikov Alexander. *People from Footnotes. "... Dear Grisha Tovstoles"*. An Addendum to the Eurasian Movement's History. №2. P.162

Mal'kov Victor. *P.S. Details of Life of Franklin D.Roosevelt, the USA President*. №3. P.170

Melikh Yulia. *The Old Patriotism 'Reoriented to New Russia': Eurasian Conception of P.N.Savitzki*. №2. P.126

Parsamov Yuriy. *Babel' and Voroshilov. Voroshilov's Report to the Central Committee of RCP(b)*. №4. P.172

Pechatnov Vladimir. *Grand Strategy of the USSR after WWII through the Eyes of the British Intelligence*. №5. P.160

Topolyansky Viktor. *The British Spy's Girl-friend*. №4. P.180

Readers' Letters

Aliiev Natig. *The Energy Policy and Diplomacy of the Republic of Azerbaijan*. №5. P.182

Kamenetskaya Elena. *The Varangian and Slavs: the Eternal Dispute*. №2. P.186

Yurganov Andrey. *The Historical Phenomenology: It Is Necessary "Not to Explain but to Understand"*. №1. P.176

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ, Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109–110

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,

Тучков пер., 11/5

в интернет-магазине «Политкнига.ru» www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»

www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru,

bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Для иностранных читателей

подписка проводится

через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57

e-mail: export@periodicals.ru

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

**Международный общественный фонд
«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»
представляет новую книгу
«РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ.
ВЗГЛЯД ИЗ ИНДИИ И РОССИИ»
под редакцией Сергея Кургиняна и Викрама Суда**

Сборник «Радикальный ислам: взгляд из Индии и России» включает результаты исследований, проведенных аналитиками российского Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна) и индийского исследовательского центра Observer Research Foundation. Авторы рассматривают в широком политическом, экономическом и философском контексте исторические и социальные аспекты появления и развития радикальных тенденций в исламе. Предметом изучения является также деятельность радикальных исламистских группировок. Особое внимание уделяется их участию в террористических акциях, направленных против конкретных государств Южной Азии. Исследуется степень угрозы овладения радикальными исламистскими террористическими группами оружием массового уничтожения.

**Книгу можно приобрести
в магазинах Москвы, Санкт-Петербурга,
других городов России,
в интернет-магазинах,
в редакции журнала «Россия XXI»
(в редакции возможен заказ на доставку
почтой наложенным платежом).**

**Редакция: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22.
Тел.: (495) 691-74-79, (495) 691-50-03. E-mail: russia21@ecc.ru**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI» 2010.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru> или <http://www.ecc.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 16.12.2010. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11.75 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

6. 2010 november-desember

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Rules of the Game. On Cynicism
and Morality in Politics _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Nikolay Parkhitko

The NATO-Enlargement in 1999–2009
and the Unification Strategy of the Alliance _____ **26**

Russia in the World

Russian Atlantis. The Consideration
of Encyclopedia “The Social Thought
of the Russians Emigration” _____ **40**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Mil'kov

The First Scientist in Russia: Life, Creative Work and Conceptual Singularity. In Commemoration of Kirik Novgorodets' 900th Anniversary _____ **90**

European Parallels

Yves Cohen

The Personal, Professional and Party 'I': a Study of Subjectivity and Work on the Self in Communism and Liberalism _____ **126**

Topical Archive

Maya Dvorkina, Petr Savel'ev

"The Critical Thought is a Revolutionary Factor in History" _____ **158**

РОССИЯ XXI